

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

МАРТЫШКО Никита Юрьевич

**СМЫСЛОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор М.Р. Желтухина

Волгоград – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	15
1.1. Подходы к определению понятий «юридический язык», «юридический текст» и «юридический термин»	16
1.2. Общие особенности взаимодействия естественного и юридического языков	31
1.3. Основные подходы к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов	38
1.3.1. Интерпретационный подход к изучению терминологической однозначности	40
1.3.2. Формальный подход к изучению терминологической точности и однозначности	45
1.4. Взаимосвязь правосознания с проблемами восприятия юридической терминологии	50
1.5. Пути и этапы оптимизации терминологической системы российского законодательства	59
ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	70
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	73
2.1. Типовые трудности терминологизации единиц естественного языка в законодательном тексте	74
2.2. Нарушения требования терминологической точности и однозначности в российском законодательстве и способы их оптимизации	86

2.3.	Функционирование манипулятивных формулировок в современном российском законодательстве и явление манипулятивного потенциала юридической терминологии	94
2.4.	Дефекты и затруднения, связанные с конструированием новых терминологических единиц и обозначением недавно возникших правовых реалий.....	120
2.4.1.	Ошибки при создании новых терминологических единиц как источник трудностей при правоприменении	121
2.4.2.	Лингвистическое несовершенство российского законодательства как препятствие для эффективного правового регулирования электронной коммуникации	130
2.5.	Терминологические заимствования как метод оптимизации системы российской юридической терминологии	144
2.6.	Юридический термин как система значений	148
	ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	157
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	159
	БИБЛИОГРАФИЯ.....	165
	СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	193
	СПИСОК АНАЛИЗИРОВАВШИХСЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ	194

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена специфике конструирования правовых определений в российском законодательстве, особенностям семантической модификации юридических терминов в нормативно-правовых актах и проблемам адекватного толкования юридической терминологии.

Объектом данного исследования являются терминологические формулировки, употребляющиеся в текстах современных российских законодательных, подзаконных и иных нормативно-правовых актов.

Предмет исследования – смысловые модификации юридических терминов, функционирующих в системе российского права.

Актуальность работы обусловлена интенсивным развитием юридического дискурса и повышением внимания научного сообщества к вопросам, связанным с функционированием юридической терминологии в нормативно-правовых актах; обострением проблем, связанных с практическим применением и истолкованием терминологических единиц, употребляющихся в юридических текстах; эволюцией правового сознания и недостаточной изученностью особенностей восприятия юридической терминологии носителями естественного языка. Проблема адекватности истолкования терминов права представляется особенно важной в связи с актуализацией комплексного подхода к праву, учитывающего достижения не только юридической науки, но и лингвистики, а также социологии и других гуманитарных наук. Кроме того, затрагиваемые нами в данном исследовании вопросы, связанные с несовершенством ряда терминологических формулировок, являются на данный момент актуальными и требующими решения. Проблемы юридического языка лишь недавно стали активно исследоваться научным сообществом: как указывает И. В. Щепалин, долгое время единственной значительной работой, в которой рассматривалась изучаемая нами тема, оставалась книга А. А. Ушакова «Очерки советской законодательной стилистики», вышедшая еще в 1967 г. (Щепалин, 2004, с. 156).

Актуальность исследования обусловлена также его практической направленностью. Обновление правовой системы в целом привело к возникновению ряда трудностей при модификации понятийного аппарата (Дубровский, 2010). В настоящее время многие ученые-правоведы признают, что российские правовые акты написаны недостаточно качественно, сложны для восприятия и страдают расплывчатостью формулировок, многословием и наличием неточностей; однако зачастую в литературе лишь пассивно констатируется этот факт (Бугаев, 2011, с. 24; Волчанская, 2010, с. 8; Зелепукин, 2000, с. 3; Туранин, 2009б, с. 12). В то же время, как отмечает В. Ю. Туранин, эффективное исполнение законов в существенной степени зависит от того, насколько грамотно, доступно и объективно сформулирован законодательный текст и в какой мере юридические термины, задействованные в нем, отражают законодательный замысел (Туранин, 2007б, с. 41). По этим причинам приведение текстов нормативно-правовых актов к стилистическим нормам литературного языка, которому призвано способствовать наше исследование, должно рассматриваться как часть общей работы над улучшением российского законодательства (Федорченко, 2011, с. 103). Необходимость более внимательного изучения юридического языка в целом и юридической терминологии в частности осознается многими современными исследователями. Так, М. В. Костромичева считает целесообразным ввести курс юридической лингвистики в высших учебных заведениях (Костромичева, 2007, с. 60), а В. Ю. Туранин даже предлагает сформировать особую научную дисциплину – теорию юридической терминологии, посвященную всестороннему исследованию юридических терминов и их особенностей (Туранин, 2009а, с. 8).

Для обеспечения методологической правильности исследования мы сочли необходимым предварительно изучить и проанализировать ряд научных источников, которые составили **теоретико-практическую базу** нашей квалификационной работы. На сегодняшний день интересующие нас вопросы взаимосвязи естественного и юридического языков, особенностей лингвистического конструирования юридических определений и адекватности толкования терминов

права наиболее полно и последовательно раскрываются в рамках юрислингвистики – научной дисциплины, исследующей непосредственно язык права. Термин «правовая лингвистика», как считается, впервые был употреблен А. Подлехом в 1976 г. и определен как «совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм и отвечают требованиям современной лингвистики» (Кулакова, 2007, с. 217). Пути развития российской юрислингвистики обосновал в своих работах Н. Д. Голев (Голев, 1999; 2000; 2002). На сегодняшний день эту научную дисциплину можно считать окончательно сформировавшейся (Бурдин, 2006, с. 9; Хижняк, 2011).

В настоящее время юрислингвистика активно разрабатывает две важные для нашего исследования проблемы взаимодействия языка и права:

1) языковые критерии трактовки и интерпретации текстов нормативно-правовых документов, т.е. особенности взаимодействия собственно языковых закономерностей и внеязыковых критериев для уточнения значения текста нормативно-правового акта;

2) языковые требования к юридическим формулировкам, в частности, связанные с необходимостью общепонятности и однозначности, т.е. языковые критерии соотношения языковой формы и юридического содержания текста (Желтухина, 2008, с. 7).

Другим важным направлением юрислингвистики является совершенствование методологии проведения лингвистических экспертиз, также требующее повышенного внимания к правильности конструирования юридических определений (Гришенкова, 2005а, с. 26; Туранин, 2007а, с. 67). Наиболее типичными задачами, решаемыми юрислингвистикой в данной области, являются снятие неоднозначностей при трактовке текстов права, выявление признаков экстремизма, оскорбительных или диффамационных сообщений (Шестак, 2011, с. 107). Среди исследователей, обращавшихся к анализу юридической терминологии в рамках изучения методологии судебно-лингвистических экспертиз – Т. В. Чернышова (Чернышова, 2002), Н. Д. Голев (Голев, 2002), С. В. Сыпченко (Сыпченко, 1999).

Проблемы корректности терминологизации единиц естественного языка в нормативно-правовых актах и адекватности интерпретации юридической терминологии исследуются не только учеными-юрислингвистами; среди научных дисциплин, которые рассматривают данные вопросы, также можно назвать юридическую герменевтику (Алексеев, 1999, с. 130; Васюк, 2009, с. 83; Ловпаче, 2011) и общую теорию права (Варламова, 2009, с. 76). К более частным разновидностям юрислингвистики можно отнести судебное речеведение (Красовская, 2008) и судебную лингвистику (Александров, 2003а; Галяшина, 2007, с. 779), изучение коммуникативных процессов внутри юридического (Усманова, 2007) и особенно судебного дискурса (Дубровская, 2004; 2010; Ивакина, 2007; Палашевская, 2012; Тютюнова, 2008). Юридическая коммуникация исследуется и в работах по общей теории дискурса (Желтухина, 2003; 2011; 2012; Карасик, 2008; 2009; 2010; Олянич, 2004; Слышкин, 2000 и др.). В той части исследования, которая посвящена проблеме манипулятивного потенциала юридической терминологии, мы также обращались к научным работам по риторике и стилистике (Анисимова, 2010; Парасуцкая, 2010; Шаховский, 1988; 2012). Одним из источников методологической базы исследования послужили работы по общей терминологии (Буянова, 2011; 2012; 2013; 2014; Новодранова, 2001; 2002; 2014). Так или иначе, проблемы, связанные с особенностями юридической терминологии, важны для всех указанных дисциплин. Актуализация комплексного подхода к исследованию права, предполагающего обращение к лингвистическим особенностям юридического языка, связана с общей тенденцией к развитию коммуникативного подхода к правопониманию (Вобликов, 2006).

В основу концепции диссертационного исследования положена следующая **гипотеза**: в ходе конструирования, утверждения и применения в юридической практике терминологические единицы, призванные обслуживать законодательный дискурс, претерпевают множественные семантические модификации, обусловленные рядом взаимозависимых факторов и способные приводить к затруднению определения вложенного в них правового смысла или к его устранению.

Целью работы является исследование смысловых модификаций юридических терминов в современном российском законодательстве.

Основными **задачами**, которые решаются в ходе достижения цели исследования, стали следующие:

- 1) определение типовых трудностей терминологизации единиц естественного языка в юридическом тексте;
- 2) выявление типовых нарушений требований к юридической терминологии, указание на их последствия и способы устранения;
- 3) исследование проблемы манипулятивного потенциала российской юридической терминологии и разработка рабочей классификации манипулятивных терминов;
- 4) выявление дефектов, возникающих при конструировании новых терминологических единиц, обозначающих вновь возникающие правовые реалии;
- 5) изучение специфики заимствований иноязычной юридической терминологии и определение случаев, в которых целесообразно использование данных заимствований;
- 6) разработка экспериментальной модели анализа юридического термина как системы значений.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе анализа юридических текстов нами определены пути устранения основных проблем, связанных с некорректным конструированием и использованием юридических терминов в российском законодательстве, выявлены особенности семантических модификаций юридических формулировок. **Личный вклад соискателя** заключается в том, что в работе подробно исследована проблема функционирования манипулятивных формулировок в российском законодательстве и манипулятивного потенциала российской юридической терминологии, разработана рабочая классификация манипулятивных юридических терминов, предложена интерпретативная модель юридического термина.

Теоретическая значимость диссертационного исследования видится в том, что оно вносит вклад в развитие юрислингвистики, социолингвистики,

прагмалингвистики, теории дискурса, лингвосемиотики, уточняя понятие законодательного дискурса, механизмы взаимодействия специального юридического и естественного языков, особенности восприятия терминологических единиц и их семантических модификаций в текстах нормативно-правовых актов.

Практическая ценность нашей работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в рамках специализированных курсов по юридической лингвистике, юридической технике, стилистике правового текста, теории права, социо- и прагмалингвистике, теории дискурса и терминоведению. Отдельные части работы могут найти применение в ходе осуществления лингвистических экспертиз законопроектов и юридических текстов. Кроме того, проведенный нами анализ ряда терминологических формулировок может способствовать их пересмотру, дополнению или конкретизации с целью улучшения функционирования тех правовых актов, в которых они употребляются.

Материалом исследования послужил корпус законодательных, подзаконных и иных нормативно-правовых актов, принятых в Российской Федерации или в ее субъектах, а также внесенных на рассмотрение и находящихся на стадии разработки, утративших силу и отозванных. Кроме этого, исследовались отдельные иноязычные терминологические единицы, а также формулировки, внесение которых в законопроекты предполагалось, однако не было осуществлено. Общий объем проанализированного материала составил около 103 п.л.

Методику исследования определили цель и направленность работы. В частности, применялись:

- 1) метод *дедуктивно-индуктивного логического анализа* законодательных текстов;
- 2) *описательный метод*, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию терминологических единиц;
- 3) метод *дискурс-анализа* для выявления специфики законодательного дискурса и протекающих в нем процессов;
- 4) метод *семантического анализа языковых знаков*, связанный с рассмотрением свойств значений лексических единиц;

5) *сравнительный метод*, применение которого было обусловлено необходимостью сличения различных интерпретаций терминологических единиц;

6) метод *интроспекции*, в рамках которого собственные наблюдения за спецификой восприятия терминологических единиц профессиональными юристами и носителями естественного языка включались в практическую базу исследования.

Методологическая концепция работы связана с применением интерпретационного и формального подходов к изучению явления терминологической однозначности, с предпочтением интерпретационного.

Теоретическую базу диссертации составили исследования в области

- юрислингвистики (D. Cao, G. Cornu, S. Guinchard, C. Heffer, P. Lerat, M. Soignet, А. Е. Босов, Л. С. Бурдин, Н. Н. Вопленко, Н. Д. Голев, Ю. А. Гришенкова, Т. В. Губаева, М. Л. Давыдова, М. Р. Желтухина, В. Б. Исаков, М. В. Костромичева, А. М. Кузнецов, Н. Б. Лебедева, Д. И. Милославская, Н. В. Солнцева, С. В. Сыпченко, В. Ю. Турагин, С. П. Хижняк, Т. В. Чернышова и др.),

- теории права (С. С. Алексеев, Н. В. Варламова, А. В. Волков, М. Л. Гаскарова, Н. М. Добрынин, А. А. Зелепукин, И. В. Колесник, А. В. Минбалеев, М. А. Пшеничнов и др.),

- юридической техники (D. Hirsch, И. Н. Бокова, В. Ю. Картухин, Е. А. Крюкова, А. П. Кузнецов, Ю. Ю. Кулакова, С. К. Магомедов, Л. Ю. Фомина, А. В. Черкаев, Б. В. Чигидин и др.),

- юридической герменевтики (А. В. Васюк, З. Х. Ловпаче и др.),

- речеведения, риторики, стилистики (Т. В. Анисимова, В. И. Жельвис, Н. А. Крапчетова, М. И. Парасуцкая, Н. К. Пригарина, В. И. Шаховский и др.),

- лексикологии, терминоведения (Л. Ю. Буянова, В. Ф. Новодранова, С. П. Хижняк и др.),

- социоллингвистики, теории дискурса (М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, А. В. Олянич, И. В. Палашевская, О. А. Пономарева, Л. Е. Попова и др.),

- теории юридического перевода (J. C. Gémar, F. Houbert, J. Kerby, M. Weston, Г.-Р. де Гроде, М. М. Мушнина и др.).

Структура работы включает введение, две главы, заключение, библиографию, список лексикографических источников, список анализировавшихся правовых актов. Общий объем диссертации составляет 9,5 п.л.

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, обосновывается актуальность и разработанность темы диссертации, выдвигается научная гипотеза, излагаются цель и задачи исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, указываются методология и методы, теоретическая база и материал исследования, описываются объем и структура работы, формулируются положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации работы и публикациях.

Первая глава «Специфика взаимосвязи естественного и юридического языков и проблемы анализа юридической терминологии» посвящена раскрытию основных теоретических положений исследования и выявлению ключевых характеристик юридической терминологии, связанных с ее функционированием в текстах законодательных актов: анализу юридического языка как явления, его связи с естественным языком, юридической терминологии как его основы, подходов к исследованию терминологической однозначности, а также рассмотрению связи юридической коммуникации и правосознания.

Во **второй главе** «Особенности семантических модификаций юридической терминологии в современном российском законодательстве» исследуются смысловые изменения, которым подвергаются конкретные юридические термины в процессе правоприменения, а также анализируются причины, приводящие к проблемам и трудностям при адекватной интерпретации правового смысла терминологических единиц адресатами законодательных актов: анализируются типовые проблемы терминологизации единиц естественного языка, описывается и исследуется явление манипулятивности и манипулятивного потенциала юридических терминов, разрабатывается интерпретационная модель юридического термина.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейших научных разработок в изучаемой области.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Существуют определенные трудности терминологизации естественного языка в законодательном тексте, обусловленные как особенностями естественного языка, так и спецификой законодательного дискурса. К первым относятся: 1) наличие у подвергающегося терминологизации слова или словосочетания специфической коннотации в естественном языке, способной помешать адекватному восприятию его юридического значения; 2) использование при конструировании новых юридических терминов таких слов, которые не имеют однозначного истолкования в естественном языке; ко вторым – 3) отсутствие определений у терминов, препятствующее корректному их восприятию правоприменителем.

2. В современном российском законодательстве частотны случаи нарушения требований, предъявляемых к терминологическим единицам при их конструировании, особенно требования точности и однозначности (более 45% от всех выявленных смысловых модификаций), что приводит к размыванию или подмене вкладываемого в них правового смысла и трудностям при правоприменении.

3. Несоблюдение основополагающих требований к юридическим терминам провоцирует возникновение манипулятивных терминологических единиц, заведомо ориентированных на искажение правовой картины мира адресата законодательного текста, а также к формированию у терминологизируемых лексических единиц манипулятивного потенциала, позволяющего применять их с целью введения правоприменителя в заблуждение; из-за несовершенства юридической техники и небрежного подхода к законотворческой деятельности в российском праве сложился обширный (более 34% от всех выявленных смысловых модификаций) массив потенциально манипулятивных формулировок, который непрестанно расширяется.

4. Наиболее подвержены дефектам терминологические единицы, создаваемые для обозначения неизвестных ранее правовых реалий, вследствие чего

эффективное законодательное регулирование быстро развивающихся сфер общественной жизни оказывается существенно затруднено.

5. Обоснованные терминологические заимствования из международного права являются потенциально перспективным средством устранения наличествующих в российском законодательстве лингвистических нарушений и сближения терминосистемы российского права с общемировой.

6. С точки зрения интерпретационного подхода юридический термин может рассматриваться в качестве сложной системы значений-интерпретаций, возникающих в процессе терминологизации единицы естественного языка и ее внесения в корпус законодательных текстов. Такие значения взаимосвязаны и основаны на том правовом смысле, который изначально вкладывается в термин законотворцем, однако в силу специфики юридического языка могут в значительной степени расходиться, что чревато возникновением манипулятивных и дефектных терминов права.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на заседаниях и научных семинарах научно-исследовательских лабораторий «Аксиологическая лингвистика» и «Дискурсивная лингвистика»; на Международной научной Интернет-конференции «Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения» в Волжском гуманитарном институте (филиале) Волгоградского государственного университета (Волжский, 1–30 апр. 2010 г.); на I и II Международных научно-практических Интернет-конференциях «Язык и право. Актуальные проблемы взаимодействия» в Южном Федеральном университете (Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2011 г., 15 нояб. 2012 г.); на II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры: вопросы теории и практики» в Кузбасской государственной педагогической академии (Новокузнецк, 19–20 апр. 2012 г.); на научно-практической конференции «Интегрированные коммуникации 2012» в Высшей школе экономики (Москва, 17 апр. 2012 г.); V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводи-

дактики иностранного языка делового и профессионального общения» в Российском университете дружбы народов (Москва, 20–21 апр. 2012 г.); на научно-практическом семинаре «От текста к печатному изданию. Проблемы филологического анализа и редакторской подготовки» в Волгоградском государственном университете (Волгоград, 22 мая 2012 г.); на II Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра: Медиа́текст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» в Московском государственном университете (Москва, 21–22 нояб. 2012 г.); VII Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» в Волгоградском государственном университете (Волгоград, 6 февр. 2013 г.), а также на X Международном конгрессе ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» в Российском университете дружбы народов (Москва, 26–29 июня 2013 г.).

Результаты исследования отражены в 13 публикациях суммарным объемом 5,9 п.л., включая 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Прежде чем переходить к непосредственному анализу нормативно-правовых актов и содержащихся в них терминологических единиц, следует уделить внимание теоретическим основаниям нашего исследования. В первой главе диссертационной работы мы коснемся общих вопросов взаимосвязи естественного и юридического языков, а также различных точек зрения на сами понятия юридического языка, юридического текста и юридического термина, являющиеся базовыми для юрислингвистики.

С целью обеспечения теоретической базы исследования, а также для прояснения отдельных положений, которые будут высказаны нами во второй главе, нам представляется необходимым провести сжатый анализ освещения проблем, связанных с взаимовлиянием естественного и юридического языков и особенностями юридической терминологии, в работах современных лингвистов, особо сконцентрировав внимание на различных подходах к изучению явления терминологической точности и однозначности. Один из данных подходов, а именно интерпретационный, будет использоваться нами далее при непосредственном анализе лексических единиц и в ходе разработки интерпретативной модели юридического термина, вследствие чего мы считаем целесообразным обосновать его применение. Кроме того, мы проследим взаимосвязь между интерпретацией юридической терминологии и индивидуальным правосознанием, а в завершение определим, какие затруднения при конструировании и истолковании терминологических единиц выделяются лингвистами и правоведами и какие способы предлагаются учеными для устранения этих недочетов и оптимизации терминологической системы российского права в целом.

1.1. Подходы к определению понятий «юридический язык», «юридический текст» и «юридический термин»

Юридический язык как средство передачи правовых норм существовал задолго до того, как началось его систематическое изучение. Можно предположить, что первые юридические языки зародились в ту эпоху, когда само понятие права еще лишь начинало формироваться. Существует точка зрения, согласно которой именно язык права – законов, судебных постановлений, нормативных документов – является не только древнейшим из языков для специальных целей, но и в некотором роде основой языка как такового (Ушаков, 2008, с. 167). Юридический язык создавался с целью опосредования в праве различных по своей природе отношений и донесения распоряжений органов государственной власти до населения (Щепалин, 2004). Долгое время юридические языки складывались параллельно с естественными, в связи с чем происходило их непрестанное взаимопроникновение. На ранних этапах развития общества правовые функции могли реализовываться при помощи различных речевых жанров – к примеру, одним из простейших форм обеспечения юридических отношений являлась клятва, предполагавшая принятие индивидом неких обязанностей перед группой и оставлявшая за сообществом, к которому он принадлежал, право покарать его за нарушение слова (Чесноков, 2013, с. 5). По мере централизации власти и укрепления государственности в отдельных странах начали возникать собственные системы правовой терминологии, появились языки международного права (одним из них, к примеру, долгое время была латынь), вследствие чего юридический язык начал постепенно осознаваться как самоценный феномен. Тем не менее, соответствующее понятие возникло в лингвистике только в XX веке.

Понятие юридического языка изначально было разработано западными исследователями в рамках теории т.н. «специальных языков», то есть особых языковых систем, обслуживающих различные сферы человеческой деятельно-

сти (Гришенкова, 2005б, с. 128) (вместо обозначения «специальный язык» могут использоваться другие определения, близкие или тождественные по смыслу; например, Т. Б. Земляная и О. Н. Павлычева, опираясь на работы зарубежных авторов, предпочитают называть юридический язык особым «языком изложения» (Земляная, 2010), что равнозначно понятию специального языка). В то же время следует отметить, что единого подхода к его определению среди западноевропейских лингвистов нет. Придерживаясь наиболее устоявшейся трактовки, юридический язык можно охарактеризовать как комплекс лингвистических средств, используемых для передачи правовых норм. Подобное восприятие данного понятия является достаточно широким и обобщенным; так, Д. Кео предлагает под юридическим языком понимать «такой язык, который имеет отношение к праву и юридическим процессам в целом», т.е. совокупность всех языковых элементов, затрагивающих область права (Сао, 2007). В то же время существуют иные точки зрения на понятие юридического языка, зачастую не вполне ортодоксальные. Некоторые зарубежные лингвисты не склонны признавать его самостоятельным языком для специальных нужд, а рассматривают как ответвление естественного языка или даже профессиональный жаргон: так, В. З. Зьембински характеризовал юридический язык как «тот, который юристы используют, говоря между собой о праве» (Ziembinski, 1974). Одновременно с этим многие исследователи принимают противоположную точку зрения, не только признавая существование юридического языка как специального, но и заявляя о формировании сразу многих «языков права», обслуживающих отдельные категории правовой жизни общества при помощи особого терминологического аппарата. Так, польский правовед Е. Врублевский предлагал выделять три юридических языка – язык судопроизводства (т.е. непосредственно используемый в процессе правоприменения), «научный язык» юридического дискурса (т.е. описательный язык истории, теории, философии права) и общий юридический (применяющийся во всех прочих случаях, например, при общении между юристом и неспециалистом) (Wróblewski, 1988). Споры о том, что именно считать юридическим языком и насколько широко имеет смысл

воспринимать данное понятие, продолжаются; следует отметить, что во многих случаях разногласия, возникающие между лингвистами при попытках вывести единое его определение, обусловлены спецификой тех национальных языков права, которые ими изучаются. Так, показателен пример Франции, где интенсивные юрислингвистические исследования систематически ведутся с 1970-х гг. (Sougouh, 1975), однако долгое время среди франкоязычных авторов не было единого подхода к рассмотрению языка права, и современная его концепция как полноценной разновидности языка для специальных целей более или менее утвердилась в работах К. Шмидт, П. Лера, Ж. Корню и других авторов лишь во второй половине 1990-х гг. (Cornu, 2000; 2003; Lerat, 1995; 2001; Schmidt, 1997). Вероятной причиной столь медленного становления единого подхода к определению ключевых понятий юрислингвистики во Франции можно считать тот факт, что в некоторых специфических областях французский юридический язык заметно отличается от аналогичных специальных языков, существующих в других странах. Некоторыми из его особенностей являются заимствование единиц естественного языка для образования юридических терминов, правовое значение которых не несет совершенно никакой привязки к изначальному смыслу слов или связано с ним очень опосредованно (так, *meuble* из «мебели» превращается в «движимое имущество», *fruit* – из «плода» или «фрукта» в «доход»), а также различное толкование одних и тех же терминов в зависимости от того, в какой области права они употребляются; эти тенденции порождают среди лингвистов разногласия относительно того, насколько тесна связь естественного и юридического французского и существует ли последний как единое целое (Laur, 2012). В русском юридическом языке такие ситуации не распространены, поскольку в подавляющем большинстве случаев, как будет показано ниже, при терминообразовании наблюдается прямая смысловая связь между естественным и правовым значением лексической единицы; следовательно, и аналогичных трудностей при выработке единого подхода к определению юридического языка российские юрислингвисты не испытывали. Мы в настоящем исследовании придерживаемся наиболее общей трактовки данного понятия, со-

гласно которой языки судопроизводства, разных областей права, законодательства, профессионального общения и т.п. не являются самостоятельными, а входят в состав национального юридического языка.

Другим дискуссионным вопросом является единство или множественность юридических языков, обслуживающих системы права в разных государствах, но внутри одного лингвокультурного пространства. Он привлекает в первую очередь внимание тех авторов, которые исследуют теоретические и практические аспекты юридического перевода, таких как М. Вестон (Weston, 1983). Нидерландский ученый Г.-Р. Гроте указывает, что даже в тех случаях, когда в нескольких государствах один и тот же естественный язык используется как основа языка юриспруденции, системы правовой терминологии в них будут совершенно автономными, что приводит к дополнительным трудностям при переводе (Гроте, 2002, с. 146). Так, в англоязычной терминосистеме права наблюдаются существенные различия в применении ключевых лексических единиц в зависимости от того, о законодательных актах какого государства идет речь. Понимание и толкование терминов *crime*, *felony* и *misdemeanor*, обобщенно переводимых на русский язык словом «преступление» или «правонарушение», может заметно различаться и приобретать дополнительные оттенки смысла в британском и американском праве. Это дает основания утверждать, что особенности восприятия терминов и функционирования юридического языка в целом обуславливаются в большей степени национальной спецификой правовых институций, а не общими лингвистическими закономерностями: поскольку юридический язык обслуживает особую сферу жизни общества, изменения в правовой структуре социума будут влиять на его развитие в намного большей степени, чем перемены, происходящие в естественном языке, послужившем основой для его происхождения. Поэтому мы склонны присоединиться к мнению, согласно которому в каждом из государств, население которых использует в повседневной коммуникации преимущественно один и тот же естественный язык, служащий источником формирования терминологической системы, юридические языки будут строго различными и не тождественными, не-

смотря на общий лингвистический базис, а расхождений между ними может быть больше, чем при сравнении диалектов или национальных версий исходного естественного языка. В частности, поэтому мигранты, меняющие место проживания, вынуждены по необходимости знакомиться с тем юридическим языком, на котором ведется делопроизводство в стране, куда они переезжают (Шамне, 2013). Помимо очевидно существующих различий в правоприменительной практике, на становление юридических языков могут влиять местные традиции и т.н. культурные смыслы – закрепленные за языковыми единицами значения, маркированные с точки зрения национальной или культурной принадлежности (Леонтович, 2011, с. 20). В этом смысле юридическая коммуникация оказывается тесно связана с политическим дискурсом, также развивающимся под сильным влиянием лингвокультурных традиций (Борисенко, Пономарева, Фомина, 2014; Пономарева, 2008; 2011; 2013).

Иными словами, не вполне корректно говорить о том, что у государств, большинство граждан которых в обиходе используют один и тот же язык (английский в Великобритании, США, Канаде и т.д., французский во Франции, Бельгии, Люксембурге и т.д., немецкий в Германии, Австрии и т.д.), юридический язык также будет одним и тем же. Правильнее, по нашему мнению, считать юридический язык каждой страны уникальным; развивая приведенные выше примеры, можно сказать, что вместо единого «юридического английского языка» целесообразно выделять «британский», «американский» и «канадский» юридический английский, т.к. их различия в большей степени обусловлены расхождениями в правовой практике. По этой причине, следуя выводу Ж. Керби, «юридический перевод представляет собой не только преобразование отрывка на одном языке в отрывок на другом языке, но и одной системы права в другую» (Kerby, 1982). Применительно к странам, имеющим развитые традиции регионального законодательства, тот же Р.-Г. Гроте говорит даже о юридических языках отдельных провинций, исторических областей или штатов (Гро-те, 2002, с. 147), а также справедливо отмечает, что в ряде специфических случаев локально распространенные языки местного населения могут приобретать

статус дополнительных юридических, если в законодательстве государства предусмотрена возможность создания и публикации нормативно-правовых документов на языках национальных меньшинств (Гроте, 2002, с. 149–150). Это несколько усложняет определение понятия юридического языка применительно к мультилингвальным странам, однако мы в данной работе придерживаемся более обобщенного подхода, согласно которому в каждом государстве существует один основной юридический язык (поскольку общая система правовых норм едина, вне зависимости от естественно-языковых факторов). В частности, в Российской Федерации статус полноценного юридического языка имеет только русский, и в дальнейшем при анализе конкретных терминологических формулировок мы будем иметь в виду под «юридическим языком» именно его, пока не указано иное.

Вопрос, касающийся корректности объединения юридических языков разных стран, затрудняется также усиливающимися процессами сближения международных правовых норм. Исторически общим для всей Европы языком права долгое время была латынь, однако в наши дни, очевидно, она утратила соответствующий статус, что привело к бурному развитию национальных юридических языков; тем не менее, по мере того, как осознается необходимость унификации базовой правовой терминологии на международном уровне, все чаще место юридического *lingua franca* занимает английский.

Невзирая на определенные противоречия в определении юридического языка как такового, современные лингвисты сходятся во мнении относительно необходимости его глубокого и тщательного изучения. Наиболее исследуемыми на сегодняшний день можно считать английский, французский и немецкий юридические языки. Последовательное изучение английского юридического языка и дискурса ведется с 1980-х гг. (Goodrich, 1987). Британские (Дж. Коттерилл, К. Хеффер и др.) и американские (Э. Амстердам, Дж. М. Конли, Л. М. Солан, П. М. Тирсма, Д. Хирш и др.) лингвисты активно исследуют вопросы, связанные с практическим использованием языка в процессе правоприменения, главным образом в судебном дискурсе и при уголовном делопроизводстве (Am-

sterdam, 2000; Conley, 1998; Cotterill, 2002; Heffer, 2005; 2008; Solan, 1993; 2005), а также уделяют значительное внимание проблемам законотворчества, юридической техники и адекватного конструирования терминологических единиц в нормативно-правовых актах (Hirsch, 2005; Solan, 2006; Tiersma, 2001; 2006) и юридическому переводу. Относительно недавно начали разрабатываться вопросы манипуляции в юридическом дискурсе (Aldridge, 2007; Coulthard, 1998). В числе аспектов юрислингвистики, в настоящее время привлекающих наибольшее внимание франкоязычных авторов – вопросы юридического перевода, исследуемые Ж.-К. Жемаром, Ж. Керби и Ф. Убером с начала 1980-х гг. по настоящее время (Gémar, 2000; Houbert, 2005; Kerby, 1982) и теоретические основы языка права, рассматриваемые в программных работах Р. Берсеа, А.-М. Шермелё и М. Суане (Bersea, 2005; Soignet, 2006). Среди исследований французской юридической терминологии выделяется книга известного ученого С. Гиншара (Guinchard, 2008), в которой затрагивается вопрос о связи языка и права. Существенный вклад в изучение юридического языка внесли и немецкие авторы, такие как Б. Экардт и Г. Лёффлер (Eckardt, 2000; Löffler, 1994), изучающие терминологические системы отдельных областей немецкого права или рассматривающие юридический язык с позиций социоллингвистики.

Что касается русского юридического языка, то его систематическое исследование начало вестись лишь в конце XX века. В советские времена юридический язык изучался преимущественно с точки зрения функциональной стилистики – например, М. Н. Кожина рассматривала его отдельные элементы в рамках описания законодательного подстиля официально-делового стиля (Кожина, 1983). В наши дни также предпринимаются попытки исследовать специфику юридических текстов исключительно со стилистической точки зрения (в качестве примера можно привести работы Л. П. Широбоковой (Широбокова, 2007, с. 7)), однако в них зачастую не учитывается специфика юридического языка как такового (и даже не выделяется само это понятие), а также уделяется недостаточно внимания особенностям использования правовой терминологии. Некоторые авторы предпочитают говорить не о языке права в целом, а о его функ-

циональных разновидностях – например, о «языке закона» (Чухвичев, 2005). Собственная юрислингвистическая школа сложилась в России сравнительно поздно – отчасти по той причине, что после распада СССР законодательство претерпевало существенные изменения, и структура права перестраивалась, а вместе с ней и юридический язык. Среди ключевых публикаций, повлиявших на дальнейшее развитие исследований в области юридической терминологии, следует назвать работы С. П. Хижняка (Хижняк, 1990; 1997; 1998; 2001; 2007; 2008; 2011; 2013; 2014; Khizhnyak, 2011; 2013; 2014), а одним из первых российских ученых, начавших разрабатывать вопросы взаимоотношений естественного и юридического языков, стал Н. Д. Голев, чья статья «Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема» может быть признана в некотором роде программной (Голев, 2000). Большое количество важных работ, посвященных общим проблемам юридического языка, опубликовал В. Ю. Туранин (Туранин, 2002; 2007; 2009; 2010). Юрислингвистика в России бурно развивается, и далее мы будем рассматривать ряд работ, в которых ее теоретические положения были обоснованы и сформулированы.

Юридический язык – комплексное явление, и его формирование обусловлено многими взаимосвязанными условиями и процессами, как непосредственно лингвистического характера, так и социологическими, психологическими, культурными. Помимо правовых норм и традиций, закономерно воздействующих на его становление и эволюцию, он тесно связан с состоянием общественного сознания, политическими тенденциями, этикетными установлениями и прочими явлениями, так или иначе соприкасающимися с областью права и, соответственно, накладывающими отпечаток на те понятия, которые он призван описывать. А. Н. Шепелев выделяет следующие факторы, влияющие на развитие юридического языка в целом:

- 1) категориальный строй общественного сознания;
- 2) особенности правового мировоззрения;
- 3) состояние правовой системы общества;
- 4) особенности законотворческой деятельности (Шепелев, 2002, с. 14).

Как отмечает Е. М. Шайхутдинов, юридический язык иногда отождествляется с понятием юридической техники, т.е. самого процесса создания юридического текста, что не вполне корректно. Такое понимание не учитывает специфики явления юридического языка, сводит его сущность лишь к набору приемов, тогда как на самом деле юридическая техника – лишь средство практического использования этого языка (Шайхутдинов, 2011, с. 208). Использование специального юридического языка является неотъемлемой составляющей юридической техники и строго необходимо при составлении текстов права, что, однако, не делает данные понятия взаимозаменяемыми. В России юридическая техника может иметь специфику использования на уровне отдельных субъектов федерации (Картухин, 2005), что не означает наличия в них собственных юридических языков. В то же время и на стадии правоприменения, о которой некоторые исследователи предпочитают говорить как об уровне «юридической технологии», лингвистические особенности анализируемых текстов имеют важное значение. Так, И. В. Колесник, рассматривающая процесс применения юридической технологии с точки зрения правоведения, а не юрислингвистики, все равно относит к юридико-техническим средствам как непосредственно язык, так и специальные его разновидности (включая правовую терминологию, предписания и документы, фиксирующие правоприменительную практику) (Колесник, 2007, с. 27). Таким образом, можно говорить о том, что юридический язык имеет свою специфику применения на разных уровнях дискурса – в зависимости от того, употребляется ли он при разработке законодательного акта, в судопроизводстве, при осуществлении экспертизы или в ходе истолкования нормативно-правового документа, он будет использоваться в рамках юридической техники, юридической технологии, юридической герменевтики и т.п..

Феномен юридического языка неразрывно связан с понятием юридического текста. Как справедливо отмечает А. В. Волков, в основе юридического языка лежит стремление к выделению ряда абстрактных понятий, которые впоследствии объединялись в нормы права, различные правовые режимы и в конечном счете находили отражение в текстах законов (Волков, 2009, с. 324). Са-

мо право в целом, с точки зрения большинства исследователей, представляет собой некий текст (Давыдова, 2009, с. 40). Юридические тексты имеют своей целью доведение смысла правовых норм до адресата. Н. А. Любимов определяет юридический текст как «особый концептуальный мир, олицетворяющий область должного и выступающий как объект правотворчества, в отношении которого субъект правотворчества прилагает интеллектуальные усилия» (Любимов, 2007, с. 785).

Таким образом, базовыми единицами юридического языка являются правовые понятия. Однако поскольку юридические значения могут быть выражены исключительно при помощи средств естественного языка, для адекватной передачи этих исходных понятий на разных уровнях используется специфический инструментарий. Как указывает М. Л. Давыдова, юридический язык как систему можно рассматривать на двух уровнях: вертикальном и горизонтальном. В первом случае речь идет об иерархии образующих его языковых единиц, тогда как во втором – о сферах употребления языка права и его функционировании в различных ситуациях (Давыдова, 2009, с. 42). Если говорить о вертикальной иерархии языка права, то следует признать, что из всех языковых уровней наибольшее значение в ней имеет лексический, поскольку именно его единицы – слова и словосочетания – способны преобразовываться в юридические термины, становясь, таким образом, основным «строительным материалом» для любого правового текста. Тем не менее, своеобразие юридического языка, обусловленное особенностями обслуживаемой им сферы общественной жизни, проявляется и на других языковых ярусах. На синтаксическом уровне важнейшим структурным элементом правовой коммуникации оказывается нормативно-правовое предписание, выполняющее те же функции, что и предложение в естественном языке; нормативно-правовые предписания могут также формировать аналоги сверхфразовых единств, обретающие форму статей правовых актов (Давыдова, 2003).

Главным инструментом передачи правовых норм и основополагающим компонентом любого юридического языка является юридическая терминология.

гия; ее предназначение заключается в обеспечении точности, правильности и быстроты умственных операций при работе с текстом правового акта (Волков, 2009, с. 289). Поэтому именно изучение терминологичности языкового знака – центральная проблема юрислингвистики (Хижняк, 2008, с. 92). Терминологический инвентарь юридического языка – это своего рода набор инструментов, при помощи которых выражается интенция адресанта законодательного текста. Таким образом, терминология нормативно-правовых актов одновременно является структурой вспомогательной, вторичной по отношению к праву в целом, и в то же время образует один из значительных элементов всей правовой системы, без которого ее эффективное функционирование невозможно (Земляная, 2010).

При анализе работ, посвященных проблемам юридической терминологии и юридического языка как такового, следует учитывать, что разные исследователи по-разному определяют границы понятия «юридический термин». Например, некоторые ученые относят к терминам профессионализмы, тогда как другие авторы отрицают их принадлежность к терминологической системе (Чироннова, 2007, с. 147). Другие авторы включают в понятие юридической терминологии и такие группы лексических единиц, которые относятся к сфере права опосредованно (общенаучная терминология, используемая для описания юридических феноменов, терминология гуманитарных наук и т.п.). К примеру, Е. Е. Шпаковская воспринимает юридическую терминосистему как совокупность собственно юридических терминов, обслуживающих сферу права, и научных терминов, а юридический текст определяет как «текст, составленный юристом для решения своих профессиональных задач» (Шпаковская, 2002).

Встречающиеся в юридическом тексте этнографизмы и термины, обозначающие неюридические понятия, также могут рассматриваться как элементы юридической терминосистемы (Белоконь, 2002), поскольку юридический язык способен переосмысливать терминологические единицы, заимствованные из других областей знания, и либо замещать их исходное значение правовым, либо устранять те дополнительные значения, которые не соответствуют юридическим реалиям (Высоцкий, 2003, с. 111). Отдельные слова естественного языка,

переходя в юридический, могут приобретать правовые значения, полностью или частично отличные от тех, которые они имеют в повседневной коммуникации (Гришенкова, 2006, с. 9).

Согласно классическому определению С. П. Хижняка, юридический термин – это «любое слово или словосочетание, обозначающее одно из ключевых понятий правовой нормы», при этом характер терминологизации может быть различным (Хижняк, 1997, с. 13). Терминологичность в той или иной степени свойственна любому слову или словосочетанию, которое выступает в номинативной функции в юридическом тексте (Малюкова, 2011); в качестве синонима понятия «юридический термин» иногда используется словосочетание «юридическая конструкция» (Кузнецов, 2003, с. 305). Как отмечает М. А. Ширинкина, юридическая терминология является не только основным средством конструирования юридического текста, но и в то же время главным инструментом, при помощи которого происходит истолкование текста нормативно-правового акта; именно поэтому точность формулирования и дефиниции правовых определений представляет собой проблему первостепенной важности (Ширинкина, 2007, с. 788).

В русском языке юридическая терминология в целом развивалась иначе, нежели другие терминологические системы (например, терминология естественных наук), поскольку первичны в ней были не реалии, а те единицы естественного языка, которые использовались для их обозначения (Исазаде, 2009; Черкаев, 2004, с. 5). На донаучном этапе развития правовых отношений терминологизация происходила спонтанно, по своего рода общественному договору: для передачи юридических понятий выбирались слова, представлявшие наиболее удобными и общепонятными, вследствие чего у субъекта права не возникало вопросов относительно трактовки терминов (возможно даже, что эти слова вообще не осознавались как термины). Однако по мере того, как правовые отношения усложнялись, разрыв между естественным и юридическим языком начал расширяться. Политические и идеологические изменения в обществе также

активно влияли на развитие национальных систем правовой терминологии, в т.ч. в русском юридическом языке (Хижняк, 2014г).

Юридическим терминам присущи некоторые особенности, обусловленные их назначением и спецификой формирования. Согласно С. П. Хижняку, терминология права в целом характеризуется «специфически проявляющейся системностью, которая предопределяется использованием слова для обозначения ключевых элементов нормы права, развитием родовидовых отношений с другими терминами, тенденцией к однозначному употреблению, отсутствием эмоционально-экспрессивных стилистических синонимов, проявлением оценочного фактора» (Хижняк, 1997, с. 24). Оценочная составляющая юридической терминологии заключается главным образом в том, что термины права обозначают желательные или нежелательные с точки зрения закона действия (Хижняк, 2007, с. 110), однако при этом оценочность не связана с эмоционально-экспрессивным восприятием, а отражает исключительно совпадение обозначаемых терминами феноменов с правовыми нормами. На семантическом уровне С. П. Хижняк делит юридические термины на обладающие интенциональным и экстенциональным значением. Ко второму типу причисляются единицы, обладающие широким и узким толкованием (Там же, с. 108).

Особенности правовой терминологии могут проявляться не только на семантическом уровне, но и на грамматическом или синтаксическом. Как указывает Н. Н. Ивакина, сам факт того, что юридические термины служат для передачи правового смысла обозначаемых ими понятий, влияет даже на грамматико-синтаксическое конструирование текста, в котором они используются, поэтому в юридическом тексте возможны такие формы управления и сочетания слов, которые в естественном языке были бы признаны некорректными (Ивакина, 2006). Юридические термины часто образуют между собой такие смысловые связи и отношения, которых не существует в повседневной коммуникации (Авдеева, 2011). А. Е. Босов объясняет такие «языковые аномалии» «внутренней алогичностью» юридического дискурса (Босов, 2009).

На словообразовательном уровне необходимость максимально точного и непротиворечивого раскрытия юридического значения терминов права приводит к тому, что при их создании применяются приемы, редко используемые в повседневной коммуникации, а грамматические категории естественного языка подчиняются требованиям юридической логики. Так, в английском юридическом языке, в отличие от русского, не принято по умолчанию использовать существительные и местоимения мужского рода по отношению к любому субъекту права, поэтому при конструировании терминологических единиц предпочтение отдается таким словам, в которых род нивелируется (например, существительное *chairperson* в значении «председатель» может обозначать лицо любого пола, тогда как более распространенное в естественном языке слово *chairman* при том же фактическом значении ассоциируется с мужчиной – *man*; поэтому использование в нормативно-правовых актах термина *chairperson* предпочтительнее, несмотря на то, что носителю обыденного сознания он может показаться странным) (Hirsch, 2005).

Другой характерной особенностью функционирования терминологических единиц в юридическом языке можно считать относительно невысокую вероятность формирования терминоидов. Терминоид, по Н. М. Карпухиной – это «специальная лексема, используемая для названия понятий, недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых, не имеющих четких границ, а значит и дефиниций» (Карпухина, 2009). Из-за отсутствия определенных и границ применимости терминоиды чаще всего не полностью удовлетворяют требованиям точности, однозначности и общепонятности, а также контекстуальной независимости, что делает их фактически непригодными для выполнения каких бы то ни было функций в языке права, где четкое соответствие одной лексической единицы одному понятию правовой нормы является критически важным условием для адекватного применения и исполнения законодательных и иных актов. Наличие таких «условных терминов» возможно в юридическом дискурсе на этапе предварительного обдумывания новых норм или при повседневной коммуникации специалистов, однако терминоиды естествен-

ным образом исключаются из текстов правовых актов в их окончательной редакции. В то же время стоит отметить, что при отсутствии должной аккуратности при формулировании и дефинировании новых терминологических единиц они по своим свойствам могут приближаться к терминоидам в изначальном смысле этого понятия, хотя и не будут становиться ими в полной мере. Можно заключить, что в юридическом языке и особенно в той его разновидности, которая обслуживает законотворческий дискурс, использование терминоидов крайне нежелательно и потому сведено к минимуму.

Обозначение правовых понятий, высказывание оценки юридических реалий и выражение интенции законодателя – основные, однако не единственные разновидности предназначения юридических терминов. Среди других функций, выполняемых терминологическими единицами в текстах права, – обеспечение интертекстуальности (в частности, организация гипертекстуальных связей). Термин, в сжатом виде отражающий некое юридическое понятие, после получения формального определения в тексте одного законодательного акта может переходить в другие, тем самым становясь одним из средств поддержания целостности институционального дискурса. В данном смысле очень важно тщательное соблюдение требований общеупотребительности и устойчивости терминов, поскольку при наличии различных толкований в разных законодательных актах или сферах права терминологическая единица, напротив, оказывает потенциально разрушительное действие на единство правового поля: придаваемый ей юридический смысл размывается, а интертекстуальные отношения между правовыми актами становятся запутанными и непроясненными. Юридическим текстам также свойствен тот тип интертекстуальности, который В. П. Москвин обозначает как спонтанную (Москвин, 2013, с. 57): вследствие многократных пересмотров и редактирований более поздние варианты нормативно-правовых актов образуют связь с ранее существовавшими версиями (например, при переносе одних и тех же терминологических конструкций в производные правовые акты). Некоторые термины (*гражданство, право, ответственность* и другие подобные) являются базовыми для всей правовой системы, поскольку

определяют наиболее общие юридические понятия, косвенно влияющие на весь корпус законодательных текстов; такие терминологические единицы можно считать средствами формирования архитектурности, т.е. общих норм и правил конструирования, дефинирования и фиксации терминов права.

Таким образом, юридические термины составляют основу языка права, чем и объясняется тот факт, что большинство исследований в данной области посвящены именно терминологии (Гришенкова, 2005б, с. 128). Далее рассмотрим вопросы, касающиеся взаимосвязи естественного и юридического языков, и обратим особое внимание на требования, которым должна соответствовать юридическая терминология.

1.2. Общие особенности взаимодействия естественного и юридического языков

Как указывает А. С. Александров, всякое правовое явление вне зависимости от своей формы представляет собой лингвистический факт, часть речевой коммуникации – и текст закона, и судебный процесс, и прочие обычные для юридического дискурса объекты и ситуации неизменно реализуются при помощи языковых средств, их существование вне сферы речевой деятельности невозможно (Александров, 2003б, с. 12). Поэтому при изучении законодательного дискурса, юридической терминологии, структурных особенностей текстов права юрислингвистика обращается к рассмотрению естественного языка как той среды, которая питает язык права, служит основой для его становления и развития. В законотворческой деятельности юридизация естественного языка проявляется максимально, хотя абсолютной она быть все же не может, поскольку юридический текст сохраняет некоторые непосредственные содержательные элементы естественного языка (Голев, 2000).

Однако процесс взаимодействия этих лингвистических структур является двунаправленным. Естественный язык и право находятся во взаимозависимых отношениях: наряду с тем, что право нуждается в средствах естественного языка для выражения и фиксации юридических норм, оно само влияет на язык – например, как отмечает Г.-Р. де Гроته, отдельные правовые акты могут регламентировать даже такие сугубо лингвистические вопросы, как орфография (Гроте, 2002, с. 145).

Другой областью, в которой юридический язык тесно соприкасается с естественным, является экспертиза текста на предмет наличия правонарушений (экстремистских высказываний, оскорблений, клеветы и т.п.), совершенных с использованием средств естественного языка (Голев, 2007). В подобных ситуациях естественный язык выступает в качестве объекта правового регулирования, а язык юридический оказывается средством проведения его анализа и осуществления правоприменения (Голев, 2000).

В связи с распространением правовых ситуаций, в которых возникает необходимость оценки различных текстов, аудио- и видеоматериалов, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза приобретает статус общепринятой практики, что, в свою очередь, привлекает внимание ученых, занимающихся теоретическими вопросами осуществления такого анализа. Среди российских авторов, обращающихся, прежде всего, к этому направлению юрислингвистики, можно назвать М. Р. Желтухину (Желтухина, 2003; 2004; 2008; 2010; 2011; 2012б; 2013; 2014), С. В. Сыпченко (Сыпченко, 1999), Т. В. Чернышову (Чернышова, 2002) и других.

Таким образом, можно разграничить два равноценных направления юрислингвистических исследований: первое связано с рассмотрением естественного языка как основы юридического, второе – с вопросами его правового регулирования. А. Е. Босов, изучающий юридическую терминологию с позиций дискурсивного анализа, проводит обобщение концепций, разработанных ранее другими учеными, изучавшими юридический текст, и условно подразделяет их на две большие группы: исследования преимущественно лингвистические (тео-

ретические, терминологические, стилистические) и имеющие сугубо практическую направленность (дидактические работы, предназначенные для повышения культуры речи юристов или же посвященные проблемам практического толкования определенных терминов); как отмечает автор, и лингвистические, и практико-правоведческие работы, посвященные юридическому тексту, страдают некой односторонностью, поскольку учитывают либо только лингвистические, либо только практические аспекты изучения этого явления, вследствие чего необходимо постепенно формировать комплексный подход к рассмотрению проблемы (Босов, 2009).

Для нашего исследования более существенное значение имеет тот аспект взаимодействия естественного и юридического языка, в котором естественный язык служит основой юридического, поэтому в его рамках мы лишь эпизодически касаемся вопросов, связанных с правовым регулированием лингвистических феноменов, уделяя основное внимание анализу законодательных текстов и особенностям терминологизации единиц естественного языка в нормативно-правовых актах.

Законодательные тексты, как отмечает Н. Д. Голев, несут столь явную печать юридизации, прежде всего, потому, что претерпевают многочисленные изменения в процессе подготовки, а это закономерно «уводит» их все дальше от естественного языка в сторону языка юридического; менее сложные и значительные документы (бытовые жалобы, должностные инструкции и т.п.) юридизируются в гораздо меньшей степени (Голев, 2000). В. Б. Исаков (Исаков, 2000, с. 80) и Н. Н. Ивакина (Ивакина, 2008, с. 34) в своих классификациях относят законодательные тексты и юридические документы «малой формы» к разным подстилям, поскольку уровень их юридизации слишком различен, чтобы их можно было рассматривать в одном контексте. Можно утверждать также, что в законодательном дискурсе юридизация языка более ярко выражена, чем, к примеру, в дискурсе судебном, поскольку степень их связи с повседневной коммуникацией несопоставима, и законодательный дискурс, ко всему прочему, является исключительно письменным.

Естественный язык, будучи средством реализации правовых норм, одновременно несет в себе элемент неустойчивости, множественности интерпретаций, тогда как в юридическом тексте вариативность должна быть минимизирована (Голев, 2007). Это приводит к формализации текстов права и разработке системы требований, которым они должны соответствовать для оптимального исполнения своих функций. В. Б. Исаков в программной статье «Язык права» определяет такие условия как объективные законы юридического языка и перечисляет их в следующем порядке:

- 1) точность и ясность;
- 2) простота и надежность грамматических конструкций;
- 3) эмоциональная нейтральность;
- 4) оптимальное сочетание абстрактности и конкретности;
- 5) системность изложения (Исаков, 2000).

И. В. Щепалин выделяет среди специфических особенностей языка права особую точность, строгую логичность, доступность изложения и однозначность интерпретации (Щепалин, 2004). Д. В. Чухвичев, описывая законодательный дискурс, доказывает, что язык закона подчинен особой внутренней логике, предопределяющей его использование, и перечисляет отличительные характеристики этой логики наряду с последствиями, которые влечет за собой пренебрежение ими:

1) регулятивный характер законодательного акта приводит к тому, что складывается соответствующий стиль изложения, требующий избегать излишней высокопарности и декларативности, «лозунгового» стиля; нарушения этого принципа влекут за собой размытость формулировок и снижение регулятивной эффективности законов;

2) логическое единство законодательного акта предопределяет его целостность; нарушение этого принципа чревато путаницей в методах правового регулирования;

3) логическая системность и завершенность законодательного акта; несоблюдение данного принципа приводит к неэффективности и, по большому счету, бесполезности закона как такового;

4) логическая последовательность изложения в законодательном тексте; нарушение этого принципа опасно неверным истолкованием закона.

Вышеперечисленные логические принципы, по Д. В. Чухвичеву, определяют особый стиль законодательного текста, основные требования к которому, согласно его выводам, включают:

1) директивность и официальность, недопустимость изложения положений закона в форме убеждений и пояснений;

2) логическую полноту и законченность текста, необходимую во избежание домысливания и неверного истолкования законодательного акта;

3) точность и определенность юридических формулировок (Чухвичев, 2005).

Таким образом, можно выделить следующие основные особенности взаимодействия естественного и юридического языков:

1) естественный язык находится с юридическим во взаимозависимых двунаправленных отношениях, выступая одновременно источником его формирования и объектом его применения;

2) степень юридизации единиц естественного языка варьируется в зависимости от специфики текстов, в которых они используются, и достигает максимума в законодательном дискурсе;

3) язык права, и особенно закона, подчинен требованиям строгой внутренней логики и вследствие этого обладает специфическим стилем, предполагающим минимальную экспрессивность и отсутствие оценочности.

Вопросы, связанные с особенностями взаимодействия естественного и юридического языков, закономерно подводят нас к рассмотрению более частной проблемы – функционирования юридической терминологии в текстах нормативно-правовых актов. В силу необходимости юридический язык использует лексику естественного для передачи правового смысла понятий, которыми опе-

рирует законодатель, поэтому именно в сфере терминологии процессы взаимодействия указанных лингвистических сущностей протекают особенно активно. Поскольку юридические термины выступают в качестве основных средств конструирования текстов права, их формирование подчинено ряду правил и требований, призванных максимизировать их способность отражать суть правовых норм.

Разными авторами выделяются различные принципы конструирования юридической терминологии. Одной из наиболее классических и устоявшихся можно считать систему требований к юридическим терминам, выдвинутую С. П. Хижняком в книге «Юридическая терминология: формирование и состав» (Хижняк, 1997). Согласно этому перечню, юридические термины должны соответствовать следующим критериям:

- 1) единства – т.е. однозначности и употребимости в одном и том же смысле в рамках отдельного правового акта;
- 2) общепризнанности – термин не должен изобретаться законодателем для решения конкретной задачи;
- 3) стабильности и контекстуальной независимости;
- 4) логической взаимосвязанности с другими терминологическими единицами внутри их общей системы;
- 5) соотнесенности с профессиональной сферой употребления.

Д. И. Милославская, в свою очередь, сводит все критерии оценки юридической терминологии к трем базовым категориям – однозначности (куда включаются также точность и общепонятность), общепризнанности и устойчивости (требования, С. П. Хижняком охарактеризованные как контекстуальная независимость, стабильность и логическая взаимосвязанность, согласно этой классификации, объединяются в рамках данного принципа) (Милославская, 1999).

Как подчеркивает Д. И. Милославская, пренебрежение этими тремя базовыми критериями может привести к огромному количеству негативных последствий. Однозначность и общепонятность терминов, используемых при написании текстов законов, имеет огромное значение, прежде всего, потому, что по-

звolyет избежать возникновения различных бюрократических коллизий. Нарушение требования однозначности неизбежно ведет к возникновению терминологической полисемии, что негативно сказывается на эффективности законодательного акта – зачастую становится невозможно определить, в каком именно из своих значений используется определенный термин или терминологическое сочетание. Общеизвестность термина должна соблюдаться особенно строго в том случае, если правовой акт тесно связан с повседневной жизнью граждан, поскольку устоявшееся определение какого-либо термина в обиходной речи может вступить в противоречие с его юридическим значением и вызвать тем самым существенные разночтения. Наконец, устойчивость термина необходима, поскольку различные определения одной и той же формулировки в разных правовых актах неизбежно приведут к противоречиям, затруднениям при толковании законов и, соответственно, юридическим недоразумениям (Мило-славская, 1999).

Н. П. Шайхутдинова предлагает расширенный набор требований к юридическим терминам, куда помимо однозначности, понятности, точности и общепотребительности включает тождественность юридических смыслов, нормированность («соответствие лексическим, грамматическим и стилистическим стандартам государственного языка»), стилистическую нейтральность, лаконичность формулировки и системность (Шайхутдинова, 2008).

Как можно заметить, во всех приведенных системах требований к языку закона как таковому и к юридической терминологии в частности особо подчеркивается необходимость точности и однозначности при выражении правового смысла. Поскольку данный критерий представляется нам основополагающим и наиболее важным для целей нашего исследования, ниже мы перейдем к анализу его изучения российскими учеными и выделим основные подходы к его рассмотрению.

1.3. Основные подходы к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов

Однозначность правовых формулировок, безусловно, является главным требованием, предъявляемым к юридическим терминам. Несмотря на то, что она не может достигать абсолютной степени в силу естественных механизмов человеческого восприятия, это не свидетельствует о возможности пренебрежения этим требованием (Голев, 2007). Точность выражения правовых норм относится к ключевым особенностям языка права как такового, поэтому данное требование применимо во всех национальных юридических языках. В ряде случаев специфика естественного языка, используемого для формирования терминов, влияет на широту трактовки данного понятия; так, Ю. А. Гришенкова, ссылаясь на терминологические единицы из сферы немецкого семейного права, указывает, что в немецком юридическом языке требование однозначности может восприниматься достаточно размыто, а функционирование терминов-синонимов способно становиться признанной практикой (Гришенкова, 2006, с. 8). Тем не менее, наличие единственно допустимой интерпретации каждого конкретного термина и совершенное недопущение инотолкований – идеал, к которой стремится правовая терминология во всех юридических языках, вне зависимости от используемых правовых систем. В дальнейшем мы сконцентрируем внимание только на терминосистеме российского права, чтобы избежать оговорок, связанных с различным восприятием требования однозначности в разных лингвоюридических культурах.

Реализацией критерия однозначности юридического термина в правовом тексте служит законодательная дефиниция – краткое определение понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления, в данном случае юридической реалии, о которой идет речь в тексте конкретного правового акта (Гриневич, 2006).

Исследование научных работ, посвященных проблеме терминологической точности и однозначности, дает возможность выделить два основных подхода к рассмотрению данного вопроса. Сторонники первого из них рассматривают терминологическую точность и однозначность с точки зрения взаимосвязи естественного и юридического языков, концентрируя внимание на проблемах восприятия терминов носителями естественного языка, особенностях языкового сознания профессиональных юристов, приводящих к появлению трудностей при интерпретации терминологии, и изменениям языковых смыслов при переходе слов из естественного языка в юридический. Помимо собственно лингвистических факторов, сторонниками данного подхода учитываются психологические особенности адресата и адресанта законодательных текстов. Мы обозначим такой подход как **интерпретационный**, т.к. в центре его находится проблема адекватной интерпретации юридической терминологии на разных уровнях правовой коммуникации.

Сторонники второго подхода рассматривают юридические термины почти исключительно в рамках юридического языка, обращая на его взаимосвязь с естественным лишь незначительное внимание. Центральными направлениями исследований для них являются практические аспекты юридической техники и технологии, устранение вероятных смысловых конфликтов между текстами законодательных актов, возникающих в силу несовершенства терминологических конструкций, общая стилистика законодательных текстов и специфика употребления в них терминологических единиц. Этот подход мы в своем исследовании условно называем **формальным**, поскольку он сосредотачивает внимание не столько на особенностях восприятия терминов, сколько на их формальном соответствии тем функциям, которые они должны выполнять в конкретном правовом акте, и на вопросах, связанных с непосредственным использованием юридической техники.

Если придерживаться озвученной выше концепции М. Л. Давыдовой (Давыдова, 2009), разделение подходов к исследованию точности и однозначности юридической терминологии можно считать проявлением изучения правовой

коммуникации на разных уровнях юридического языка, где интерпретационный подход более тесно связан с исследованием языка права на горизонтальном уровне, а формальный – на уровне вертикальном. Необходимо сразу оговорить, что оба подхода имеют свои преимущества, поэтому перед нами не стоит вопрос выявления лучшего из них; в определенных сферах изучения юридического дискурса, например, в области теоретического обоснования и практического осуществления комплексных лингвистических экспертиз, как интерпретационный, так и формальный подход равноценны, тогда как в других случаях один из них может быть более предпочтительным. Остановимся на данных подходах подробнее.

1.3.1. Интерпретационный подход к изучению терминологической однозначности

Вопросы интерпретации и адекватности восприятия юридического текста вообще и используемых в нем терминологических единиц в частности начали привлекать внимание лингвистов относительно недавно, однако уже успели занять важное место среди юрислингвистических проблем, требующих тщательного изучения. Одной из причин, по которым анализ толкований законодательного текста становится актуальным направлением исследований, является его прагматическая направленность и практическая полезность. Как справедливо указывает Л. Е. Попова, интерпретационный подход к изучению юридических текстов «позволяет выявить способность участника дискурса к осмыслению правовых положений, синтезу знаний права и порождению индивидуальных интерпретаций, а потому раскрывает особенности их лингвистических формул» (Попова, 2005). Таким образом, анализ индивидуальных истолкований терминов российского права может дать любопытную информацию, полезную для исследования терминосистемы российского законодательства в целом.

Одной из первых публикаций, полностью выполненных в рамках интерпретационного подхода, стала статья Д. И. Милославской «Юридические термины и их интерпретация», посвященная в первую очередь проблеме толкования юридической терминологии. Наибольшее внимание в этой и последующих работах Д. И. Милославская уделяет восприятию юридических терминов носителями обыденного сознания, то есть гражданами, не являющимися профессиональными юристами. По справедливому замечанию автора, далеко не все терминологические единицы понятны рядовому носителю языка (и тем более не каждый термин воспринимается верно), вследствие чего функционирование юридического языка немыслимо без связи с языком естественным. Д. И. Милославская указывает на две проявляющиеся в современном юридическом тексте тенденции: на склонность к универбации и стремление к упрощению восприятия терминологии (Милославская, 1999).

В последующих исследованиях Д. И. Милославская более глубоко рассматривала вопросы терминологической однозначности и толкования терминов права носителями обыденного сознания, обосновывая свою концепцию основных требований к юридическим терминам. Отделяя понятие точности от требования устойчивости, она, тем не менее, указывает на их тесную взаимозависимость и подвергает некоторой критике требование общепризнанности термина, не споря с необходимостью его соблюдения, однако указывая, что в отдельных случаях целесообразнее прибегать к заимствованиям из других языков или созданию неологизмов, нежели использовать употребительное в обиходе слово в качестве юридического термина, чтобы избежать неточности его трактовки (Милославская, 2000б). Д. И. Милославская одной из первых заметила, что восприятие некоторых юридических терминов подавляющим большинством граждан во многом не совпадает с формулировкой, предлагаемой законодателем (вплоть до того, что определение термина, данное в тексте закона, не совпадает с определением, даваемым тому же термину в специальных словарях), и указала на проблему «порочного круга», когда один термин определяется через другой, и наоборот (например, *гражданин* определяется через *гражданство* – в

данном конкретном случае упущение еще более заметное, поскольку термины однокоренные). Говоря о многозначности юридических терминов, Д. И. Милославская подразделяет ошибки в области терминологической полисемии на два типа: непреднамеренные ошибки по небрежности и преднамеренное введение адресата в заблуждение, распространенное, к примеру в сфере избирательного законодательства (Милославская, 2002).

Большое значение исследованиям точности и однозначности терминологических единиц с точки зрения их интерпретации уделяют авторы, в центре внимания которых находятся вопросы, связанные с проведением лингвистических экспертиз и разграничением близких, но не равнозначных правонарушений, совершаемых посредством естественного языка. Так, Д. В. Кречетов в статье «Честь и достоинство (исторический аспект)» уделяет немалое внимание проблеме терминологической неточности в законодательстве и, в частности, рассматривает особенности функционирования терминов *честь* и *достоинство* в текстах законов Российской Федерации. Существенная часть его работы посвящена исследованию исторических аспектов употребления данных терминов – как в рамках юридического дискурса, так и в обиходной речи. Отдельные аспекты освещенной в работе проблемы по-прежнему актуальны и требуют последовательного изучения. Так, например, представляется важным указание на тесную взаимосвязь между терминами *честь*, *достоинство* и *оскорбление*, последний из которых может принимать различные оттенки в соответствии с трактовкой двух предыдущих (Кречетов, 2000). Статья Н. К. Пригариной «Клевета или мнение?» также посвящена проблеме точности истолкования юридической терминологии с данной точки зрения. В частности, анализируется юридический термин *клевета* и обосновывается его отличие от *мнения*, которое в данном случае понимается как самостоятельный риторический жанр и определяется как «описание собственного восприятия жизненной ситуации, субъективный комментарий к происходящему» (Пригарина, 2007а). Ключевым отличием юридически значимого понятия клеветы от нерегулируемого правовыми средствами мнения называется неподкреплённость фактами и злонамеренность;

таким образом, важно достигать предельно однозначной трактовки термина *клевета*, чтобы избежать ошибок в правоприменении.

Н. Б. Лебедева анализирует точность и однозначность юридической терминологии с точки зрения отражения языкового сознания профессиональных юристов, для которого характерны:

1) тенденция к асимметричному дуализму языкового знака – склонность к полисемии и совмещению значений естественного и юридического языка, которые часто не разграничиваются;

2) склонность к идеализации книжного, собственно юридического языка в ущерб естественному, неразличение различных функциональных стилей в рамках естественного языка и, в связи с этим, смещение значений или неверное толкование отдельных лексических единиц;

3) канонизация словарных значений – причем при практически полном отсутствии специальных юрислингвистических словарей;

4) частое неразличение современных и устаревших значений словарных единиц или же их подмена (Лебедева, 2000).

Таким образом, как констатирует автор, для многих специалистов в области юриспруденции характерно совмещение естественного и юридического языков и пренебрежительное отношение к естественному языку. Очевидно, что эти особенности языкового сознания препятствуют пониманию специфики восприятия юридической терминологии неспециалистами. Стоит отметить, что выделенные Н. Б. Лебедевой черты метаязыкового сознания юристов полезно учитывать при исследовании юридических терминов на предмет их точности и однозначности, так как зачастую юристам может быть свойственно вносить в отдельные терминологические единицы изначально отсутствующие в них оттенки значений. На актуальность проблемы языковой компетенции юристов и ее воздействии на дискурс в целом указывали и другие авторы, к примеру, М. В. Снегирева (Снегирева, 2007).

И. В. Космарская в статье «Юридические тексты-интерпретации» анализирует вторичные юридические тексты, обращая особое внимание на точность

употребляемых в них терминов. Вторичный юридический текст, по определению И. В. Космарской, представляет собой интерпретацию законодательного текста, суть которой заключается в том, чтобы, с одной стороны, полностью сохранить исходный смысл, а с другой – истолковать текст другим способом, более доступным и прозрачным с точки зрения интерпретатора (Космарская, 2008). Таким образом, вторичные юридические тексты могут служить средствами разъяснения содержания законов или иных правовых актов людям, не имеющим юридического образования, и в отдельных случаях их использование представляется целесообразным. В таких текстах требование терминологической точности должно соблюдаться не менее (а возможно, и более) тщательно, нежели в самих законах, во избежание введения читателя в заблуждение. Как указывает автор, многие термины, ныне широко употребляющиеся в законодательстве, такие как *обвинение*, не соответствуют требованию терминологической точности. В связи с этим возникает закономерный вопрос о взаимосвязи между естественным языком, которым в той или иной степени владеют практически все граждане, и юридическим языком, которым в полной мере владеют лишь ученые и специалисты в области юриспруденции. Зачастую эти языки вступают в прямое противоречие, из чего И. В. Космарская делает вывод о необходимости создания интерпретационных текстов, специально поясняющих отдельные терминологические единицы, которые могут иметь отличное от юридического значение в естественном языке, и развернутых лингвистических комментариев, помогающих ориентироваться в текстах законодательных актов, избегая при этом возникновения нежелательной терминологической полисемии.

В последние годы возросло количество публикаций, в которых проблема терминологической точности и однозначности исследуется в рамках интерпретационного подхода. Так, Ю. А. Кузнецова посвятила рассмотрению терминологической полисемии с точки зрения интерпретации терминов права рядовым носителем естественного языка статью «Особенности проявления полисемии и омонимии среди юридических терминов и профессионализмов». В ней иссле-

довательница высказывает мысль о том, что полисемичность возникает у юридических терминов только как результат их конструирования на базе единиц естественного языка, которые изначально имеют несколько значений; таким образом, выбор в качестве носителя правового смысла полисемичного слова может привести к тому, что его юридический смысл будет трактоваться неверно. Эта проблема актуальна не только для русского, но и для английского юридического языка (Кузнецова, 2012). Не оспаривая основную идею работы Ю. А. Кузнецовой, все же отметим, что во второй главе нашего исследования мы докажем, что явление терминологической полисемии может проявляться не только в описанных ею случаях.

Рассмотрев интерпретационный подход к изучению терминологической точности и однозначности, далее осветим формальный подход к их исследованию.

1.3.2. Формальный подход к изучению терминологической точности и однозначности

Задолго до того, как российская юрислингвистика оформилась как самостоятельное направление научных исследований, ученые-правоведы (например, А. С. Пиголкин (Пиголкин, 1983)) указывали на однозначность и отсутствие синонимов у терминов как на главные и строго необходимые требования, от которых зависит эффективность функционирования правовых актов. При этом вопросы, связанные с трактовкой юридических терминов рядовыми носителями языка, в то время не рассматривались учеными, а сам законодательный дискурс воспринимался как монологичный, поэтому мы можем условно отнести зарождение формального подхода к изучению терминологической точности и однозначности к началу 1980-х годов.

На современном этапе развития науки формальный подход применяется теми авторами, для которых более интересны особенности функционирования элементов юридического языка в рамках конкретных правовых актов, вопросы общей стилистики текстов права и т.п.. Несмотря на то, что их работы не затрагивают диалогического аспекта правовой коммуникации или касаются его лишь эпизодически, приверженцы формального подхода к рассмотрению терминологической точности осуществляют важную деятельность по выработке практических рекомендаций к созданию терминологических единиц и проведению общетеоретических изысканий в области юридической техники.

Например, Е. А. Крюкова исследует проблему терминологической однозначности в теоретическом ключе, описывая явления полисемии, синонимии и антонимии применительно к юридической терминологии (Крюкова, 2000; 2003). Полисемией по отношению к юридическому языку, согласно мнению автора, является появление новых значений у слов естественного языка, функционирующих также в качестве юридических терминов; несмотря на то, что данное понимание терминологической многозначности не вполне поддерживается другими учеными, вывод, согласно которому следует считать недопустимым в пределах одного закона использование многозначных слов, омонимов и тождественных синонимов, было бы бессмысленно подвергать сомнению. Явлению терминологической антонимии уделяется несколько меньше внимания, главным образом констатируются факты существования определенных антонимических пар в отдельных законодательных актах, требующих четкого разграничения некоторых понятий (Крюкова, 2000).

Н. Н. Вопленко и М. Л. Давыдова в статье «Правовые дефиниции в современном российском законодательстве» (Вопленко, 2001) исследуют проблему точности определения юридических понятий, выражаемого в дефинициях терминов. Как указывают авторы, правовые понятия тесно связаны между собой, поэтому можно говорить и о системе юридических терминов, определяющих эти понятия – слова, обозначающие юридические реалии, также находятся в зависимости друг от друга. В то же время не каждое правовое понятие,

по замечанию ученых, нуждается в дефиниции – ее необходимость зависит от степени понятности термина; существуют, по мнению авторов, и такие понятия, которые являются «оценочными» и определяются субъективным образом уже в процессе правоприменения. Тем не менее, интерпретационный потенциал таких оценочных терминов не рассматривается авторами вовсе.

М. Г. Гриневич и О. И. Капуста исследуют юридическую терминологию с точки зрения ее соответствия общепринятым критериям и эффективности выполнения ею своих функций, не обращаясь к проблеме интерпретации (Гриневич, 2006). Как указывают авторы, важным элементом апробирования юридической терминологии является проведение специального терминологического анализа на предмет соответствия терминологических единиц требованиям точности и однозначности. Их работа, представляющая собой отчет о методах и результатах проведения такого анализа при составлении словаря юридических терминов русскоязычного белорусского законодательства, содержит информацию о выявлении отдельных полисемичных и синонимичных терминов; случаях нарушения требования общеупотребительности терминологических единиц, когда одни и те же термины трактуются по-разному в различных законодательных актах (приводятся даже примеры наличия двух вариантов трактовки одного и того же термина в одном отдельно взятом законе); обнаруженных неточностях в грамматической конструкции законодательных дефиниций; нарушениях системности.

К исследованиям точности и однозначности юридической терминологии с точки зрения формального подхода можно отнести и статью «Норма и вариативность в юридической терминологии» Н. В. Сандаловой (Сандалова, 2010). В ней автор обращается к изучению проблемы терминологической синонимии и указывает на существование как минимум 485 пар синонимичных терминов, зафиксированных в российском праве. Однако следует учесть, что к синонимичным исследовательница относилась, например, полные термины и их аббревиатуры, а также учитывала при подсчете лексические единицы, которые не являются терминами в строгом смысле этого слова (например, слово *гастролеры*,

приведенное в тексте, в жаргоне профессиональных юристов действительно может использоваться, однако оно, разумеется, не фиксируется в законодательных актах и не может быть отнесено к терминам права). По мнению Н. В. Сандаловой, вариативность юридической терминологии – неизбежное явление, связанное со спецификой развития общелитературного языка, появления которого невозможно избежать, но можно минимизировать. Отметим, что такое отношение к данной проблеме характерно именно для представителей формального подхода к терминологической однозначности (его разделяет, например, Т. В. Губаева (Губаева, 2004, с. 60)) и в целом не поддерживается сторонниками интерпретационного подхода.

Большинство публикаций, которые можно рассматривать как исследования проблемы точности и однозначности юридических терминов в рамках формального подхода, имеют сугубо практическую направленность и посвящены анализу конкретных терминологических единиц с целью указания на несоответствие терминологических конструкций их функциям. Как правило, целью таких работ является выявление стилистических и практико-юридических недочетов терминологических конструкций, употребляющихся в конкретных правовых актах. Так, например, А. П. Алексеева, анализируя антикоррупционное законодательство России в сфере спорта, указывает, что в определенных случаях неверно сформулированное терминологическое сочетание может повлиять на действенность закона в целом, приводя в качестве примера формулировку *организация спортивных соревнований по игровым видам спорта с заранее определенным результатом*. По наблюдению исследовательницы, приведенная конструкция крайне неудачна с лингвистической точки зрения, поскольку имеет ряд существенных недостатков:

1) наличествует противоречие между юридическими смыслами указанного словосочетания и Закона в целом (не конкретизирована сфера правоприменения, т.к. Закон регулирует соблюдение права только по отношению к профессиональным соревнованиям; не подтверждено распространение нормы на зрелищные коммерческие конкурсы);

2) существует, в то же время, избыточная конкретизация формулировки (нет необходимости ограничивать правоприменение только игровыми видами спорта);

3) терминологическое словосочетание не содержит указания на субъект правоприменения, т.е. на то, какие лица могут нести ответственность за указанные действия (Алексеева, 2012).

Как видно, в этом и подобном исследованиях соответствие языковых единиц требованию однозначности рассматривается преимущественно с юридической точки зрения; ученых, предпочитающих формальный подход, более интересуют технико-стилистические основания конструирования терминов права, чем их интерпретация.

Несмотря на сильную методологическую базу формального подхода, интерпретационный подход к исследованию терминологической точности и однозначности в силу своей гибкости и универсальности представляется нам более перспективным. Как можно видеть, большинство современных исследователей считают необходимым рассматривать юридическую терминологию не только в рамках юридического языка, изолированно от языка естественного, но с точки зрения взаимосвязи и взаимовлияния последних. Использование интерпретационного подхода при анализе конкретных текстов законодательных актов кажется более оправданным в свете актуализации комплексного подхода к изучению права (Малюкова, 2005, с. 8), тогда как формальный подход существенно более узок и не учитывает специфики восприятия юридических текстов носителями естественного языка. Вследствие этого мы в настоящей диссертационной работе следуем преимущественно принципам интерпретационного подхода. Далее раскроем взаимосвязь правосознания с проблемами восприятия юридической терминологии носителями языка.

1.4. Взаимосвязь правосознания с проблемами восприятия юридической терминологии

Восприятие юридической терминологии – центральная проблема, разрабатываемая в рамках интерпретационного подхода к изучению точности и однозначности терминов права. Применительно к законодательному дискурсу она оказывается особенно насущной, т.к. практически каждое слово, используемое в нормативно-правовых актах, не может пониматься так же, как в естественном языке, поскольку приобретаемые юридические значения весьма отличаются от изначальных (Авдеева, 2011). Поэтому способность носителя обыденного сознания к адекватной интерпретации правового текста ограничена. Крайности в составлении текстов законов, – употребление либо совершенно специфических и непонятных рядовому гражданину терминов, либо исключительно общепонятных слов, – равно нежелательны (Чухвичев, 2005).

Дополнительные трудности в интерпретации языка закона обусловлены также и тем, что в настоящее время российский юридический дискурс переживает период интенсивного развития. Стремление к сближению российского законодательного пространства с общеевропейским требует поиска как новых способов конструирования правовых актов, так и новой точки зрения на природу законодательного дискурса в целом. Проблемы, связанные с истолкованием юридической терминологии как самими юристами, так и непрофессионалами, актуализируются, и одной из них является взаимосвязь между конструированием терминологических единиц в законодательном дискурсе и развитием правового сознания российских граждан.

Понятие правосознания как комплекса представлений о законе и праве и отношений к ним, сложившегося у граждан, всегда изучалось лишь в рамках юриспруденции как таковой, и влияние лингвистических процессов на формирование и развитие правосознания остается сравнительно малоизученным. Однако, как пишет П. М. Козырева, «развитое правовое сознание предполагает

уважительное отношение к праву и признание верховенства закона, неприятие произвола и злоупотреблений, нарушающих права граждан» (Козырева, 2008, с. 10), а поскольку письменно зафиксированные нормы остаются единственным способом донести до субъектов права интенцию законодателей, нам представляется необходимым обратить внимание на тесную взаимосвязь между состоянием правового сознания и успешностью интерпретации юридических терминов.

По наблюдению П. М. Козыревой, в настоящее время правовое сознание большинства россиян переживает значительные изменения, связанные с постепенным переходом от привычных ценностных ориентиров к новым, более типичным для европейской ментальности. Тяга к демократии, порядку, справедливости и гласности приводит к тому, что рядовые граждане все чаще стремятся знакомиться с текстами вносимых на рассмотрение и принимаемых законопроектов, влиять на их общественное обсуждение. Такие факторы, как повышение финансовой грамотности населения, широкая доступность информации о развитии правовой системы, взрывная эволюция электронной коммуникации также способствуют повышению интереса граждан к законотворческой деятельности, внимательному отношению к новым законодательным актам, регулирующим такие сферы жизни, как бизнес, имущественное и авторское право, деятельность СМИ и т.п.. Данные процессы вполне естественны и нормальны для любого современного развитого общества; в то же время уровень правосознания и уважения к законодательству в целом среди россиян остается сравнительно низким, и зачастую причиной этого могут являться лингвистические факторы. П. М. Козырева не зря обращает внимание на то, что «за годы реформ было принято огромное количество новых законов, подзаконных актов и других нормативно-правовых документов, которые нередко противоречат друг другу и поэтому просто игнорируются населением» (Козырева, 2008, с. 4). Расхождения в текстах нормативных актов, терминологическая полисемия, отсутствие интерпретационных текстов или единых трактовок отдельных положений законодательства приводят к тому, что общий авторитет закона в глазах росси-

ян снижается – а это естественным образом приводит к размыванию основ и без того не до конца сложившегося массового правового сознания. Одной из основ развитого правосознания является доверие к законодательству; безусловно, такое доверие не может возникнуть у гражданина, который зачастую не может даже с использованием комментариев к правовым актам полностью понять смысл неоднозначно дефинированных юридических реалий, а если и может, то постоянно сталкивается с неточностями, инотолкованиями и многозначностью терминологических единиц. Более того, результаты исследования, проведенного П. М. Козыревой, показывают, что доверие россиян к закону даже снижается; следовательно, больше невозможно не учитывать влияние языковой составляющей на восприятие юридических текстов населением. Чтобы граждане начали уделять соблюдению правовых актов должное внимание, сами эти акты должны видоизмениться и стать более доступными для понимания носителями естественного языка.

Другое заметное изменение в правовом сознании современных россиян, проявляющееся с конца 1990-х годов, связано с усилением роли этнических, религиозных и культурных факторов, влияющих на восприятие юридического дискурса. Как указывает З. Х. Кочесоков, от успеха взаимодействия различных культур напрямую зависит эффективность права в целом, поскольку противоречия в трактовке юридических норм, обусловленные национальными особенностями, могут приводить к существенным искажениям в правосознании и сильно вредить правоприменению (Кочесоков, 1999, с. 7). В данном случае проблема интерпретации юридической терминологии приобретает особую специфику. Во-первых, стремление согласовать развитие российского юридического дискурса с нормами, уже принятыми в странах Европы, требует от законодателей тщательно изучать специфику восприятия терминологии носителями разных традиций и культур: правовые реалии в России далеко не всегда полностью аналогичны западным, поэтому и восприятие заимствуемых терминов российскими гражданами может быть некорректным. Во-вторых, этническая и (или) культурная принадлежность в наше время накладывает на интерпретацию

правовой терминологии намного больший отпечаток, нежели ранее, и при конструировании новых терминов необходимо обращать внимание на то, чтобы они одинаково (или хотя бы не совершенно противоречиво) воспринимались носителями разных культур. Языковые средства выражения юридических реалий должны, очевидно, подбираться так, чтобы способствовать формированию единого, общего для всех россиян правового сознания, а не препятствовать ему.

Изменения в правосознании неизбежно приводят к изменениям в восприятии юридического текста, но обратные процессы не менее вероятны. В настоящий период наблюдается усиление интереса носителей естественного языка к законодательному дискурсу: благодаря повышению доступности текстов правовых актов многие граждане, не владеющие специальным юридическим языком, получили возможность знакомиться с обсуждаемыми или уже принятыми законопроектами и анализировать их самостоятельно. Это, безусловно, важный шаг в развитии правосознания, однако приходится отметить, что и вероятность ошибок при интерпретации правовых терминов в такой ситуации резко возрастает. Достаточно в сознании носителя естественного языка утвердиться неверному толкованию термина, и весь законодательный акт может быть интерпретирован превратно. Ю. Ю. Кулакова обоснованно указывает, что, несмотря на всю свою сухость и формальность, юридический язык должен сохранять связь с правосознанием, восприниматься как понятный и осмысленный, иначе он превратится в застывшую, ригидную систему: по мнению исследовательницы, при достижении крайней степени формализации юридического языка он неизбежно «станет специфичным и узкопрофессиональным, что приведет его к выпадению из сферы права» (Кулакова, 2007, с. 219). Таким образом, чем менее понятным и доступным для истолкования непрофессионалом становится юридический язык, тем сильнее он отклоняется от своей первоначальной цели — лингвистического выражения норм, регулирующих сферу общественно-правовых отношений, и тем более вероятно, что среди носителей естественного языка распространятся ложные трактовки терминов. Развитие правосознания и повышение уровня юридической грамотности граждан невозмож-

но в условиях, когда субъект права не в состоянии воспринять и истолковать текст законодательного акта, имеющего, между тем, непосредственное влияние на его жизнь.

К. Х. Рекош справедливо замечает, что необходимость надлежащего истолкования в принципе составляет основу законодательного дискурса, и при интерпретации правовых актов следует учитывать не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы; именно благодаря возможности получать разнообразные трактовки право оказывается способно прямо влиять на дискурс (Рекош, 2011, с. 211). Суть правового акта в том, что он всегда предполагает истолкование – причем не только с точки зрения законодателя, но и с точки зрения правоприменителя и субъекта права. Этой особенностью объясняется появление многочисленных интерпретационных текстов – комментариев к законам, списков прецедентов, специальных истолкований, призванных обеспечить максимально точное восприятие юридического текста и представленной в нем терминологии всеми участниками коммуникации. Законодательство отнюдь не является неким застывшим набором схем – оно диалогично по самой своей природе, и резкий рост числа вторичных юридических текстов это подтверждает.

Ю. А. Гришенкова вслед за немецкой исследовательницей языка права Б. Экардт (Eckardt, 1994) указывает, что коммуникативные проблемы в юридическом дискурсе могут обуславливаться психологическим несовпадением, «неправильным пониманием между специалистом и человеком», при котором носитель естественного языка не только ожидает от профессионального юриста использования многочисленных непонятных обывателю терминов (т.е. заранее готовится неверно их интерпретировать), но и склонен ставить под сомнение компетенцию специалиста, если его речь «слишком» проста и понятна (Гришенкова, 2005б). Такая вероятность несколько снижается при ознакомлении носителя естественного языка с письменным текстом, содержащим комментарии и расшифровки терминологических единиц. Применительно к законодательным актам можно говорить о другой разновидности такого «эффекта пред-

варительной неверной интерпретации», а именно о первоочередном выборе непрофессионалом такой трактовки любого малопонятного термина, которая максимально приближена к изначальному смыслу терминологизированной лексической единицы в естественном языке: если в качестве термина в тексте закона используется слово, первое, не правовое значение которого обывателю понятно, он будет склонен воспринимать термин именно в этом естественном значении, даже если в юридической практике смысл у рассматриваемого слова совсем иной.

Учитывая все вышесказанное, мы полагаем, что на современном этапе развития российского законодательного дискурса необходимо осуществить переход к новым способам изучения юридических текстов и юридической терминологии, основанным на интерпретационном подходе к рассмотрению явления терминологической точности и однозначности. Совершенствование юридического языка и оптимизация терминосистемы права – длительный, многоуровневый процесс, и при его осуществлении было бы неразумно пренебрегать учетом влияния экстралингвистических факторов. Это в существенной степени обуславливает актуальность интерпретационного подхода в современной ситуации, когда происходит стремительное смещение юридической науки (а вместе с ней и юрислингвистики) в сторону антропоцентрической парадигмы. В рамках данного направления единственно возможно проследить взаимосвязь между законодательным текстом как таковым и уровнем развития правового сознания его адресатов.

В частности, благодаря применению интерпретационного подхода российскими учёными были выявлены некоторые типичные ошибки при трактовке юридических терминов, приводящие к формированию неверных представлений о сути правовых реалий. В. Ю. Туранин в статье «Три причины трудности понимания текста закона» выделил следующие причины, по которым носитель естественного языка оказывается неспособен правильно истолковать законодательный текст:

- 1) отсутствие дефиниций у терминов;

2) наличие содержательных недоработок;

3) перегруженность текста терминологическими единицами (Туранин, 2010, с. 2).

В ряде случаев, как отмечает В. Ю. Туранин, законодатель не приводит определений ни для таких терминов, которые заимствованы из других областей знания, но могут получать дополнительный юридический смысл (например, *допинг*), ни для юридических терминов, смысл которых среднестатистическому носителю языка непонятен (*рекультивация нарушенных земель*). Вторая причина, выделенная В. Ю. Тураниным, связана с расплывчатостью, двусмысленностью формулировок, которые могут быть подвергнуты разным трактовкам в зависимости от особенностей субъективного восприятия правоприменителя. Что касается третьей причины (излишнего употребления терминов в нормативно-правовых актах), то очевидно, что избыток сложных терминов, не определяющихся в тексте закона, и усложненность синтаксических конструкций отпугивают адресата этого текста. С нашей точки зрения, все три указанные проблемы напрямую воздействуют на формирование искаженного правового сознания, поскольку способствуют усилению субъективности при восприятии законодательного текста. Адресат правового акта оказывается неспособен адекватно интерпретировать множество непроясненных или неоднозначных терминов; следовательно, он теряет возможность воспринять те юридические реалии, которые за ними стоят. В итоге оказывается, что для среднестатистического гражданина закон становится фикцией, а его текст – сочетанием непонятных лексических единиц, которые кажутся не обладающими смыслом. В такой ситуации говорить о каком бы то ни было развитии уважения к праву и повышении степени понимания юридических норм невозможно. Неаккуратность при конструировании юридической терминологии непосредственным образом тормозит развитие российского правосознания.

Говоря о взаимозависимости юридического языка и правосознания, необходимо обратить внимание и на природу языкового сознания профессиональных юристов. В некотором смысле языковое сознание законодателя является

отражением правосознания адресата нормативного акта. По сути, применительно к законотворчеству можно говорить об особом коммуникативном процессе, успех которого зависит от того, насколько успешно обе стороны коммуникации декодируют сообщения друг друга и с какой степенью точности отражают свои представления о праве в конкретных текстах.

В связи с этим целесообразно указать на ряд особенностей языкового сознания профессиональных юристов, выделенных Н. Б. Лебедевой. Среди них:

- 1) орудийный подход к языку, осознаваемому как инструмент выражения мыслей и чувств, полностью подчиненный говорящему;
- 2) неприятие саморазвития и самоизменения языка;
- 3) тенденция к смешению или неразличению современных и устаревших слов и значений;
- 4) литературноцентризм, при котором естественный язык воспринимается как «вульгарный», в отличие от языка письменных текстов;
- 5) недостаточно полное осознание полисемии отдельных слов, особенно в различного рода речевых практиках;
- 6) тенденция к формированию ложной этимологии;
- 7) явное предпочтение одних лингвистических разделов другим (Лебедева, 2000, с. 57).

Все перечисленные особенности очевидным образом препятствуют адекватному пониманию сути законодательного дискурса как диалогического пространства. Недостаточно развитые навыки конструирования правовых актов и особенно то пренебрежение, которое многие профессиональные юристы испытывают к естественному языку, влекут за собой возникновение разнообразных ошибок и неточностей: полисемии, совмещения значений единиц естественного и юридического языка, смещения значений или неверной интерпретации отдельных лексических единиц, неразличения современных и устаревших значений слов или же подмене смыслов. Без сомнения, эти особенности языкового сознания юристов препятствуют пониманию ими специфики восприятия юридической терминологии непрофессионалами: законодатель часто оказывается

не в состоянии предусмотреть возможные неверные интерпретации тех терминов, которые ему самому представляются понятными и самоочевидными. Мы полагаем, что к перечисленным Н. Б. Лебедевой особенностям можно добавить еще одну: восприятие профессиональными юристами законотворческого процесса как однонаправленной коммуникации, некоего монолога. Законодателю нередко свойственно видеть закон как нечто «сбрасываемое» сверху и принимаемое безоговорочно, как будто бы интенция адресата заведомо ясна каждому гражданину. Это отражается и в специфике лингвистического конструирования правовых актов. На самом же деле, как мы уже замечали выше, законодательный дискурс не может функционировать вне постоянно идущего процесса взаимных интерпретаций, и тот факт, что многие юристы до сих пор не учитывают фактор восприятия, в значительной степени тормозит развитие как юридического языка, так и правового сознания.

Этот вопрос закономерно приводит нас к выводу, согласно которому для эффективного развития правосознания и законодателям, и ученым целесообразно пересмотреть отношение к законодательному дискурсу как таковому. На сегодняшний день законодательный дискурс определяется как «подтип юридического дискурса, в рамках которого создаются и утверждаются законодательными органами различные правовые акты, в том числе и законы» (Коновалова, 2008, с. 8), однако данная формулировка представляется нам не вполне совершенной, поскольку законодательный дискурс очевидным образом включает не только сами правовые акты, но и весь комплекс текстов, напрямую с ними связанных – вторичные юридические тексты (комментарии к законодательству, интерпретационные положения, прецедентные решения и т.д.). Поэтому мы считаем разумным внести в приведенную выше дефиницию некоторые коррективы и предлагаем определять законодательный дискурс как **особую разновидность юридического дискурса, включающую в себя тексты, сконструированные в процессе разработки, создания, утверждения и истолкования правовых актов**. В данном определении мы специально подчеркиваем две составляющие законотворческого процесса, которые наиболее важны с точки

зрения изучения юридической терминологии: предварительную разработку (в данном случае мы имеем в виду такие составляющие этой деятельности, как проведение лингвистических исследований и экспертиз) и последующие интерпретационные процессы (создание вторичных текстов, комментариев, дополнений к правовым актам).

Таким образом, становление правового сознания неразрывно связано с лингвистическим конструированием законодательных актов, и несовершенство правовой терминологии, равно как и невнимание законотворцев к интерпретационному потенциалу создаваемых ими текстов, являются негативными факторами, заметно тормозящими его развитие. В следующем разделе рассмотрим пути и этапы оптимизации терминологической системы российского законодательства.

1.5. Пути и этапы оптимизации терминологической системы российского законодательства

Как неоднократно отмечалось выше, большинство российских юрислингвистов сходятся во мнении, что терминология российского законодательства далека от совершенства. Существуют различные точки зрения относительно того, почему юридические термины, функционирующие в нормативно-правовых актах, не исполняют своего предназначения надлежащим образом. Чаще всего причиной несовершенства терминологической системы права называется небрежность законотворцев: погрешности юридической техники, нарушение общезыковых законов и норм, излишняя формализация текстов, невнимательность при терминологизации единиц естественного языка (Козырева, 2008; Кулакова, 2007; Туранин, 2010). И. В. Щепалин указывает, что юристы часто с неоправданным легкомыслием относятся к языковой составляющей юридического текста, и перечисляет типичные погрешности, допускаемые в правовых ак-

тах, среди которых неправильное употребление слов, неточность выражений, смысловая и синтаксическая избыточность, грамматические и пунктуационные ошибки (Щепалин, 2004). Е. А. Крюкова упоминает о наличии большого числа ошибок, связанных с немотивированным выбором терминов, их лексической несочетаемостью, несоблюдением единообразия, неправильным одновременным использованием терминов, обозначающих видовое и родовое понятия (Крюкова, 2000). Б. В. Чигидин обращает внимание на низкий уровень юридической техники при создании нормативно-правовых актов и одной из главных причин, по которым тексты принимаемых законов оказываются несовершенными, называет небрежность в применении юридической терминологии (Чигидин, 2002). Н. Б. Лебедева считает корнем проблемы специфику профессионального мышления юристов (Лебедева, 2000). Д. В. Чухвичев указывает на необходимость повышения речевой культуры российских законодателей, сообщая о тревожной частоте нарушения общезыковых норм в текстах законодательных актов и критикуя современное российское законодательство за употребление терминологии, заимствованной из сленга, а иногда и из уголовного жаргона, устаревших выражений, жаргонизированных сокращений и прочих чуждых законодательному дискурсу элементов (Чухвичев, 2005). На важность соблюдения стилистических норм в юридических текстах указывал М. М. Зубович, признававший, что на современном этапе во многие правовые акты разного уровня из естественного языка проникают ненормативные элементы, и во многих юридических текстах встречаются неверные согласования, разговорные обороты, искажения юридического значения терминов и даже орфографические ошибки в них, приводящие к неверному истолкованию документов (*компания* вместо *кампания* и т.п.) (Зубович, 2001). Не всегда соблюдаются пунктуационные нормы (Вавилова, 2007). О наличии проблемы низкого лингвистического уровня в среде профессиональных юристов писали и другие авторы, например, Н. Н. Ивакина (Ивакина, 2008, с. 20).

Н. П. Шайхутдинова выделяет четыре проблемы, актуальные для современной терминологии права:

- 1) несогласованность терминологической системы;
- 2) применение т.н. «модельных терминов»;
- 3) недостаточную точность терминологических единиц;
- 4) оценочность терминов (Шайхутдинова, 2008).

М. П. Пронина, затрагивая вопрос о точности и однозначности юридической терминологии, замечает, что даже в Конституции РФ содержатся спорные в этом отношении терминологические единицы. По ее мнению, в действующей редакции основной закон Российской Федерации предполагает полное смысловое тождество терминов *государство* и *республика*, что, в свою очередь, приводит к абсурдному с точки зрения права утверждению, согласно которому на территории РФ расположены двадцать два государства (Пронина, 2013, с. 235). Среди основных затруднений, препятствующих совершенствованию норм российского права, М. П. Пронина выделяет следующие:

- 1) введение новых терминов без должного уточнения их значения в контексте и дефинирования;
- 2) нечеткое разъяснение ключевого термина законодательного акта;
- 3) неточное применение терминов других отраслей права;
- 4) употребление термина, не соответствующего понятию;
- 5) использование иностранных и специальных терминов без определения их значения (Пронина, 2013, с. 235–236).

Как правило, исследователи, критикующие недостатки терминосистемы российского права, предполагают добросовестность законодателя, однако некоторые из них (в частности, Д. И. Милославская (Милославская, 2002) и А. К. Соболева (Соболева, 2009)) допускают, что терминологические недочеты в юридических текстах могут возникать вследствие осознанного желания законодателя скрыть истинную цель принятия правового акта или же ради того, чтобы обойти уже существующие нормы. Б. В. Чигидин советует различать технико-правовые ошибки, допущенные законодателем вследствие заблуждения или по недосмотру, и «законотворческие уловки», которые следует безоговорочно пресекать (Чигидин, 2002), а А. К. Соболева рекомендует даже при полной уверен-

ности в изначальной корректности намерений законодателя всегда предполагать наихудший (т.е. полностью противоречащий истинной интенции) вариант интерпретации любой неоднозначной по смыслу терминологической единицы, встречающейся в юридическом тексте (Соболева, 2009, с. 375). Как мы продемонстрируем далее, соответствующие опасения вполне резонны, и авторы законопроектов не всегда заинтересованы в улучшении используемой ими терминологической базы. Проблемы, связанные с использованием юридической терминологии для манипулирования общественным сознанием, и влияние ошибок, допущенных при терминологизации единиц естественного языка, на вероятность ложной интерпретации их правового смысла носителем обыденного сознания, мы более подробно рассмотрим во второй главе нашего диссертационного исследования, в связи с чем считаем нужным обратить внимание на иные недочеты российской юридической терминологии, выделяемые исследователями, и рассмотреть некоторые из вариантов их устранения, которые предлагаются учеными-юрислингвистами.

К примеру, среди других недостатков, обнаруживаемых в текстах из области права и требующих оптимизации, можно выделить декларативность, т.е. излишне широкое определение того или иного термина, не позволяющее уверенно применять его на практике (Губаева, 2004, с. 46). Данное явление в разной степени свойственно всем юридическим языкам и не уникально для языка российского законодательства. Умеренная декларативность допустима, когда речь идет о наиболее общих и базовых правовых феноменах, поэтому конструкции со словами *каждый*, *всякий* и т.п. могут употребляться в текстах международных конвенций, постановлений, резолюций и прочих нормативных документов, подразумевающих предельную широту использования. Тем не менее, излишняя приверженность таким обобщениям чревата размыванием юридического значения терминологических единиц. Помимо таких приводимых Т. В. Губаевой в качестве примеров словосочетаний, как *опасное состояние личности* или *требования разумности*, к декларативным терминам можно причислить и всеобъемлющие по смыслу формулировки наподобие *нарушение кон-*

ституционных прав граждан, употребление которых допустимо на высшем уровне юридической коммуникации (в основном законе государства и т.п.), однако нежелательно в законодательных актах, создающихся для применения в конкретной сфере (таких, как Уголовный кодекс Российской Федерации), или, если обратиться к зарубежной правовой практике, функционирующие в американском варианте юридического английского «термины без конкретного толкования» (*unlawful acts* – «противозаконное поведение», *unnatural acts* – «действия, противные природе», *every living creature* – «всякое живое существо», и т.п.). Основной проблемой, возникающей при включении подобных терминов в законодательные тексты, безусловно, становится потенциальная неисчерпаемость способов их интерпретации. Конструкции типа *опасное состояние личности* могут быть применены к любому состоянию личности, как временному, так и постоянному, в котором она может представлять угрозу (от психической нестабильности до сильного раздражения). *Конституционные права граждан*, вне всякого сомнения, должны соблюдаться, однако, например, в судебной практике важнее определить, какое именно из прав нарушено. Словосочетание *unnatural acts* («действия, противные природе»), встречающееся в законах некоторых американских штатов, и вовсе может обозначать все что угодно в зависимости от широты воображения интерпретатора и его понимания «природы». Понятно, что и текст закона, воспрещающий «умерщвление любого живого существа», в силу декларативности употребляемых формулировок будет противоречить логике и практике правоприменения. Полное устранение декларативных конструкций из законодательства вряд ли возможно, однако ограничение их употребления представляется целесообразным.

Случается, что для создания юридических терминов заимствуются терминологические единицы из других областей знания, однако по небрежности законотворцев им не придаются новые, сугубо правовые определения или же даются такие дефиниции, которые противоречат их исходному смыслу. М. П. Пронина иллюстрирует данную проблему при помощи термина *аффект*, который имеет различные и несопоставимые значения в уголовном праве и психо-

логии как таковой (со своей стороны заметим, что наличие двух достаточно различных между собой трактовок у этой лексической единицы потенциально чревато затруднениями при проведении психиатрических и лингвopsихологических экспертиз) (Пронина, 2013).

Практически все исследователи языка российского законодательства поддерживают мнение, согласно которому его насущной проблемной является отсутствие единообразия. Об этом еще в 1990 г. писал С. П. Хижняк (Хижняк, 1990). Данный вопрос подробно исследовался С. К. Магомедовым, который признает, что в российском юридическом поле до сих пор не разработаны механизмы эффективного контроля правотворческой деятельности (Магомедов, 2004а; 2004б, с. 5); вопросы унификации юридической терминологии поднимала также, среди прочих, Л. Ю. Фомина (Фомина, 2006; 2012). Как отмечает Н. П. Шайхутдинова, в разных областях российского законодательства зачастую одни и те же термины функционируют как единицы для обозначения различных по сути юридических реалий; кроме того, случается, что на основе одного термина конструируется другой, имеющий отличный от исходного правовой смысл (Шайхутдинова, 2008). М. М. Мушнина в ходе исследования русской юридической терминологии пришла к выводу, что в различных типах юридических текстов уровень стабильности соотношения «понятие – обозначение» варьируется, и в ныне действующем законодательстве термин может получать разные дополнительные юридические значения в зависимости от того, в каком конкретном тексте он используется (Мушнина, 2007, с. 787), а это мешает восприятию и применению терминологических единиц в правовой практике. Часто случается, что под одним и тем же термином в разных законодательных актах понимаются совершенно различные понятия, что может приводить к серьезным разночтениям (Милославская, 2002). В. Б. Исаков говорит о негативном влиянии на общее состояние современного языка права излишнего количества плохо продуманных и созданных без должной тщательности региональных законов и ведомственных правовых актов (Исаков, 2000), а также доказывает необходимость унификации правовой терминологии, замечая, что та-

кие широко употребляемые термины, как *потребитель, штраф, работник* и т.п., могут в российском законодательстве приобретать от двух до четырех различных значений, в которых употребляются в разных правовых актах, что затрудняет разработку для таких основополагающих понятий единых конвенциональных дефиниций (Исаков, 2007, с. 88). Д. И. Милославская обоснованно считает терминологическую полисемию и нарушение основополагающих требований к конструированию юридических терминов одной из важных причин несовершенства законодательства и отсутствия единообразия в терминосистеме, если не важнейшей (Милославская, 1999; 2000а). Т. Б. Земляная и О. Н. Павлычева критикуют российское законодательство за неоправданную громоздкость лингвистических конструкций, неверное словоупотребление, низкую доступность текстов правовых актов для восприятия носителями естественного языка и обилие противоречий между общефедеральными законами и нормативно-правовыми актами субъектов федерации; они указывают, что используемые в нормативно-правовых актах юридические термины не унифицированы должным образом, а потому могут использоваться в различных значениях и часто лишены четкой трактовки (Земляная, Павлычева, 2010). Это приводит исследователей к уверенности в том, что весьма желательно привести систему терминов, употребляемую в современных законодательных актах Российской Федерации, к соответствию нормам европейского и международного права, откуда уже началось постепенное заимствование терминологических единиц.

Юрислингвистами предлагаются различные приемы и методы унификации терминосистемы права. По мнению Т. Б. Земляной и О. Н. Павлычевой, проблемы, имеющиеся в сфере российской юридической терминологии, могут быть решены за счет частичного заимствования западных правотворческих норм и унификации законодательства, а также устранения терминологической синонимии и стандартизации терминов, что может быть достигнуто за счет более широкого применения единообразных терминологических конструкций и придания формулировкам «броскости» и «живости» (Там же). Более конкретен в своих предложениях С. Г. Ватлецов, который советует придерживаться ком-

плексного подхода к предварительной оценке законопроектов и помимо формально-структурной лингвистической экспертизы внесенных на рассмотрение текстов проводить их семантический анализ, который позволит не только протестировать эффективность тезауруса конкретного правового акта, но и скорректировать типовые законотворческие модели (Ватлецов, 2013, с. 160). По мнению Е. А. Крюковой, в текстах законов целесообразно отводить отдельные статьи под определения всех встречающихся в тексте отдельно взятого правового акта терминов во избежание возможных инотолкований (Крюкова, 2000). М. П. Шайхутдинова считает первым этапом устранения недостатков терминосистемы российского права ревизию лексического состава, предлагая заменить отдельные термины новыми, аналогичными по смыслу, однако точнее отражающими юридическую суть понятий, а также отказаться от использования таких лексических единиц, которые нарушают общие требования к стилю закона (например, слово *ростись*, ошибочно употребляемое вместо *подпись*, нуждается в исключении из текстов нормативных актов) (Шайхутдинова, 2008). Д. И. Милославская высказывает мнение о необходимости посредничества между адресантом и адресатами законодательных текстов при помощи средств массовой информации, позволяющем создать обратную связь для устранения недочетов правовых текстов, а также о необходимости учета фактора потенциального адресата при создании законодательных актов (Милославская, 2002).

Среди перспективных мер по обеспечению единства правовой терминологии нельзя не упомянуть потенциальную разработку закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», предложенную в качестве средства унификации Л. Ю. Фоминой (Фомина, 2012, с. 98) (ранее Е. А. Крюкова также высказывала мнение о необходимости урегулирования на законодательном уровне использования юридической терминологии, в частности, внесения ограничений на употребление полисемичных терминов, создания списков нежелательной в правовых текстах лексики и обязательной унификации терминологических единиц (Крюкова, 2003)). По мнению исследовательницы, такой закон, принятый на федеральном уровне, позволил бы выстроить иерархическую сис-

тому правовых отношений и закрепить требования к юридическим терминам посредством того самого дискурса, который они призваны поддерживать. Создание нормативно-правовых актов, предписывающих, какие слова следует использовать при конструировании юридических терминов и каких правил необходимо придерживаться при написании законов, практикуется во многих странах Западной Европы – например, в Нидерландах (Гроте, 2002, с. 145). Поэтому такой шаг, как разработка федерального закона, утверждающего требования к терминам права, не станет беспрецедентным или новаторским и окажется лишь дополнительным этапом продолжающейся унификации юридических традиций, происходящей в современном мире. Более того, представляется, что для российского законодательства было бы полезно обратить внимание на зарубежный опыт и тщательно изучить методику законодательного регулирования правовой терминологии. Помимо прочих возможных выгод, разработка и принятие соответствующего правового акта с высокой вероятностью привела бы к сближению российской юридической терминологии с международной. Тем не менее, поспешность в решении данного вопроса чревата лишь более серьезными затруднениями, поэтому принятие подобного закона целесообразно осуществлять уже после проведения ревизии законодательства. Учитывая возрастающее внимание правоведов и лингвистов к проблемам юридического языка, в недалеком будущем вполне возможна разработка некоего правового кодекса или нормативного акта, регламентирующего употребление юридических терминов в единых непротиворечивых значениях.

В качестве еще одного из путей систематизации, унификации и оптимизации терминологического аппарата российского права И. Е. Ворониной и Е. А. Пигалковой предлагается создание единой онтологии, т.е. «документированной совокупности терминов предметной области и правил, согласно которым эти термины могут быть использованы для построения достоверных утверждений о состоянии системы» (Воронина, 2010, с. 154). В качестве отличий онтологической системы от обычной кодификации терминологических единиц упомянутыми исследовательницами, в частности, называется строгое распределение

лексических единиц по классам, уровням, слотам и т.п.; таким образом, язык права понимается как сложная многоуровневая система, в которой разные элементы функционируют на различных ярусах, а общая структура имеет пирамидальный вид, восходя от терминов, используемых в конкретных правовых актах, к общелингвистическому уровню. Учеными предлагается древовидная модель классово-объектных отношений между лексическими единицами, позволяющая проследить связи между различными терминами и их принадлежность к определенным специфическим отраслям общего языка права. Как указывают И. Е. Воронина и Е. А. Пигалкова, подобные онтологические системы существуют и успешно функционируют применительно к европейским юридическим языкам, тогда как в нашей стране даже попыток их построения никогда не предпринималось (Воронина, Пигалкова, 2010, с. 156). Не подвергая сомнению правильность наблюдений исследовательниц, мы все же возьмем на себя смелость утверждать, что формирование единой онтологии российского права, особенно по нисходящей модели, в современных условиях практически нереализуемо, и даже обычная кодификация юридических терминов русского языка является затруднительной вследствие обилия изъянов и погрешностей юридической техники, которые упоминались выше. Тем не менее, создание онтологической схемы – несомненно, следующий потенциальный шаг к совершенствованию терминологической системы российского права после оптимизации, кодификации и унификации.

Таким образом, можно говорить о том, что первым этапом реформирования терминосистемы российского законодательства должна стать оптимизация – ревизия уже функционирующих терминологических единиц, удаление из правовых документов ложноориентирующих формулировок, проведение комплексных экспертиз законопроектов; кодификация (создание новых словарей и тезаурусов, утверждение нормативно-правовых актов, регламентирующих правила конструирования юридических терминов) воспринимается нами как логически последующий этап, проходящий параллельно с приведением терминологических единиц к единым стандартам и уточнением их дефиниций, а заверше-

нием данного процесса может стать разработка универсальной онтологической схемы российского права.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Основываясь на освещении проблем взаимодействия естественного и юридического языков в работах современных исследователей, мы можем сделать следующие выводы.

1. Юридический язык является одним из так называемых «специальных языков» и представляет собой комплекс лингвистических средств, используемых для передачи правовых норм. Для доведения своей интенции до правоприменителя законодатель использует юридический текст. Базовыми единицами юридического языка являются правовые понятия, для передачи которых используется юридическая терминология. Юридический термин – это слово или словосочетание, передающее исходное понятие правовой нормы, при этом характер и степень терминологизации единиц естественного языка могут быть различными. Путем трактовки юридических терминов правоприменитель и субъект права воспринимают правовой смысл юридического текста, что объясняет необходимость соблюдения ряда требований при их конструировании.

2. Естественный и юридический языки находятся во взаимозависимых отношениях, что объясняет диалогическую, двунаправленную природу законодательного дискурса и обосновывает необходимость изучения терминов права с точки зрения их интерпретации носителями естественного языка.

3. Наиболее важным из требований, предъявляемых к юридическим термину, можно считать соответствие критерию точности и однозначности. Исследование научных работ, посвященных данной проблеме, позволяет выделить два основных подхода к рассмотрению этого требования. В рамках интерпретационного подхода терминологическая точность и однозначность рассматривается с точки зрения взаимосвязи естественного и юридического языков, при этом особое внимание уделяется специфике восприятия юридических терминов носителями естественного языка. Другой подход, условно названный нами формальным, предполагает изучение терминологической точности исключи-

тельно в рамках юридического языка, его сторонники уделяют первостепенное внимание вопросам юридической техники и общей стилистике законодательных текстов.

4. Несмотря на то, что оба рассмотренных подхода имеют свои преимущества, интерпретационный подход к исследованию терминологической точности и однозначности представляется нам более актуальным, поскольку непосредственно затрагивает взаимосвязь между юридическим языком и правосознанием. Развитие правового сознания в значительной степени зависит от того, насколько верно и успешно носители естественного языка трактуют юридическую терминологию и соотносят составляющие ее лексические единицы с тем правовым смыслом, который в них вкладывает законодатель. По ряду причин, в том числе вследствие специфики профессионального мышления юристов, внутренняя диалогичность законодательного дискурса нередко игнорируется адресантами текстов нормативно-правовых актов, что тормозит развитие как правосознания, так и юридического языка.

5. Терминосистема российского права пребывает не в идеальном состоянии, и среди насущных проблем юрислингвистики не последнее место занимает приведение ее к единым нормам и стандартам. Данный процесс, на осуществление которого исследователи, придерживающиеся интерпретационного и формального подходов, смотрят по-разному, может включать несколько этапов: начавшись с избавления от стилистических погрешностей, несовершенных по форме терминологических единиц и ревизии тезауруса отдельных правовых актов, он на более высоком уровне может проходить в форме унификации терминологической базы, составления новых словарей юридического языка и разработки законодательных норм, регулирующих создание правовых терминов, а его завершением, возможно, станет создание единой онтологической схемы российского права.

Опираясь на выделенные нами теоретические положения, во второй главе своего диссертационного исследования мы перейдем к непосредственному ана-

лизу конкретных законодательных актов и содержащихся в них терминологических единиц.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассмотрев различные точки зрения на сущность юридического языка и юридической терминологии, а также проведя анализ освещения проблемы взаимодействия естественного и юридического языков и вопросов, связанных с точностью и однозначностью терминологических единиц, обозначающих правовые реалии, в исследованиях современных специалистов, перейдем к исследованию конкретных правовых актов и содержащихся в них терминов. Работая в рамках интерпретативного подхода и опираясь на полученные в ходе изучения фактического материала данные и результаты, мы рассмотрим следующие основные вопросы:

- выделим типовые трудности, возникающие при терминологизации единиц естественного языка в текстах нормативно-правовых актов, и предложим способы их оптимизации;
- рассмотрим нарушения требований, предъявляемых к юридическим терминам, допущенные в правовых актах, и предложим способы их устранения;
- определим понятия манипулятивного термина и манипулятивного потенциала, определим причины возникновения данных явлений в российской юридической терминологии и составим рабочую классификацию манипулятивных терминов;
- изучим затруднения, возникающие при формировании совершенно новых терминов права и терминологических обозначений для вновь возникших юридических реалий, а также дефекты новообразованных терминов, связанные с недостаточной их проработанностью;
- рассмотрим вопрос о специфике заимствований иноязычной юридической терминологии и определим случаи, в которых целесообразно использование данных заимствований;

- сформулируем рабочую модель юридического термина как совокупности различных его значений и интерпретаций, призванную облегчить процесс юрислингвистического анализа.

2.1. Типовые трудности терминологизации единиц естественного языка в законодательном тексте

Специфика законодательного текста заключается в том, что в нем юридизация естественного языка достигает максимума – практически каждое значимое слово, используемое в нормативно-правовом акте, должно наделяться правовым смыслом, то есть обозначать строго определенное понятие, правовую реалию (Голев, 2000, с. 19). Разумеется, не все слова, используемые при создании законодательного акта, являются терминами. В частности, нет нужды в излишних определениях понятий, которые ранее уже были дефинированы в нормативно-правовых актах, а также таких, необходимость юридического осмысления которых отсутствует (например, слово «вода», употребленное в тексте нормативно-правового акта, не будет требовать определения, поскольку обозначаемый им объект не может иметь юридического значения) (Магомедов, 2004а, с. 28).

Тем не менее, часто привнесенные в юридический текст из естественного языка слова или словосочетания используются для выражения некоего понятия, имеющего правовой смысл. В этом случае они подвергаются терминологизации. Терминологичность свойственна любому слову или словосочетанию, которое выступает в номинативной функции, а также обозначает ключевое понятие элемента правовой нормы (Малюкова, 2011; Хижняк, 1997, с. 13). Соблюдение всех требований, предъявляемых к юридическим терминам, особенно важно в отношении тех из них, которые основываются на единицах естествен-

ного языка, поскольку их адекватное восприятие адресатом законодательного текста является залогом правильности правоприменения.

Поскольку тексты нормативно-правовых актов должны одинаково восприниматься как специалистами в области юриспруденции, так и рядовыми носителями естественного языка (Никитина, 2008, с. 362), при перенесении единицы естественного языка в юридический текст необходимо позаботиться о том, чтобы возникшее у нее юридическое значение не имело экспрессивной коннотации.

К примеру, совершенно оправданным нам представляется отказ от использования в нормативно-правовых актах слова *секта*, которое в естественном языке имеет основное значение «религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви» (в юридическом языке тот же смысл выражает формулировка *новое религиозное направление*). Как убедительно доказывает А. Г. Волкова, это слово не имеет единой, общепринятой научной трактовки, однако в естественном языке у него выработалась вполне определенная отрицательная коннотация (Волкова, 2011, с. 180). В законодательстве данная лексическая единица не зафиксирована. Ее перенесение в юридический язык в качестве термина было бы нежелательным, поскольку, во-первых, не существует определенной ее трактовки (следовательно, сложно говорить о том, что она способна адекватно отражать некий правовой смысл), во-вторых, она наделена сильной оценочной, экспрессивной коннотацией, а существование в российском законодательстве терминов, основанных на единицах естественного языка, имеющих оценочную составляющую, и отсутствие у них четких дефиниций может привести к таким ситуациям, в которых юридическое значение таких терминов будет трактоваться исключительно на основании субъективного восприятия; таким образом, истинный правовой смысл будет либо неоправданно сужен, либо, напротив, непозволительно расширен (Кубиц, 2007, с. 47).

Другой заметной проблемой является наличие в законодательстве терминов, которые фиксируются в законодательстве, но не разъясняются и не соответствуют критерию точности. З. Х. Ловпаче в статье «Юридическая герменев-

тика как раздел науки о понимании» называет такие терминологические единицы «неизвестными» терминами (Ловпаче, 2011). «Неизвестные» термины могут иметь определенное юридическое значение для самого законодателя, но их правовой смысл оказывается непонятен для правоприменителя (в дальнейшем мы еще коснемся различий между значением, которое термину желает придать законодатель, и истолкованиями, возникающими в процессе правоприменения). Характерным примером подобного термина является словосочетание *одинокая мать*, используемое в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее ТК РФ). Согласно сложившейся практике, оно обозначает женщину, имеющую ребенка, в чьем свидетельстве о рождении не указано отцовство (или же запись о нем сделана со слов матери); однако такая дефиниция не закреплена ни в одном законодательном акте, что делает ее юридическое значение неизвестным рядовому носителю языка, вынужденному применять законодательство на практике. Таким образом, теоретически ничто не мешает применить понятие «одинокая мать», например, к разведенной женщине, сославшись на непроясненность этого термина в нормативно-правовых актах, но в то же время это будет юридически неверно. Как видим, формируется некая лакуна, требующая заполнения – термин фактически существует, у него есть относительно устойчивая трактовка, но при этом нет точной дефиниции, следовательно, имеется возможность его неверного истолкования при правоприменении. В данном случае решение проблемы представляется относительно простым по сравнению с методами ликвидации более серьезных погрешностей юридической техники, поскольку вполне достаточно всего лишь официально закрепить используемую трактовку понятия в законодательном акте, чтобы избежать инотолкований.

Чтобы более наглядно продемонстрировать типичные ошибки и проявления небрежности при перенесении слов и словосочетаний из естественного языка в юридический и их терминологизации, проанализируем ряд терминов, основанных на единицах естественного языка и использующихся в действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ). Остановимся на наиболее показательном с данной точки зрения фрагменте ука-

занного нормативно-правового акта, а именно на гл. 70, основанной на тексте утратившего силу Закона «Об авторском праве и смежных правах».

В качестве примера неудачной практики применения единиц естественного языка в юридическом тексте рассмотрим ст. 1275 гл. 70 ГК РФ, содержащую формулировки *малообъемное произведение* и *короткий отрывок*. Эти словосочетания были перенесены в ГК РФ из утратившего силу Закона «Об авторском праве и смежных правах». Изучим данные формулировки в отношении печатного произведения.

Термин *малообъемное произведение* никак не определяется ни в самом тексте ГК РФ, ни в иных законодательных актах, что оставляет возможность различных его интерпретаций. По сути, носитель естественного языка может прибегнуть к наивной трактовке и счесть малообъемным практически любое произведение, занимающее небольшое количество страниц в книге. Однако такой подход, очевидно, нельзя применять при истолковании законодательного текста. Логично было бы сделать вывод, что указанный термин является зонтичным, объединяя в себе обозначения различных типов произведений, обычно отличающихся небольшим объемом, таких как статья, короткий рассказ, очерк, стихотворение в прозе и так далее. Однако, к примеру, слово *статья* в ГК РФ упоминается отдельно от термина *малообъемное произведение*. Естественным образом встает вопрос об их различиях, которые, однако, не разъясняются. Справедливо было бы предположить, что малообъемным следует называть только такое произведение, которое не превышает величину определенного показателя, например, ту или иную долю авторского листа (единицы, традиционно применяющейся в книгоиздательской практике) или любое количество печатных знаков на усмотрение законодателя. Такая интерпретация термина *малообъемное произведение* была бы, как нам представляется, более уместной в ГК РФ. На сегодняшний же день любой желающий волен давать индивидуальную трактовку данному термину, а это, разумеется, нежелательно, поскольку от корректного истолкования формулировки зависит соблюдение правовых норм, касающихся воспроизведения текста и соблюдения авторских прав.

Неоднозначно с точки зрения правового смысла и словосочетание *короткий отрывок*, также употребляющееся в указанной статье ГК РФ. Никакого комментария к этому термину нет, и правоприменителю приходится самостоятельно определять, какой отрывок можно считать коротким и насколько короток он должен быть. Здесь также возможны многочисленные варианты понимания термина: коротким отрывок можно признать в том случае, если он не превышает определенного количества печатных знаков; составляет не более определенной доли от общего объема произведения; занимает не более определенной доли печатного пространства, и так далее.

Есть и другие некорректные формулировки, перенесенные в текст ГК РФ из утратившего силу Закона «Об авторском праве и смежных правах». В частности, в тексте ГК употребляется словосочетание *запись <художественного произведения> в память ЭВМ* (ст. 1270). Слово *запись* предполагает перенос данных на некий носитель, однако нигде не проясняется, что именно в данном конкретном случае подразумевается под записью – сохранение данных на жестком диске, CD и т.п. (Хургин, 2000). Кроме того, слово *память* по отношению к ЭВМ может обозначать совершенно различные понятия. Нигде в тексте нормативно-правового акта не указывается, каким образом нужно толковать данное словосочетание; следует отметить, что еще в период действия Закона «Об авторском праве...» разночтения при трактовке указанного термина привели к проблемам при определении правомочности библиотек создавать электронные копии редких книг на собственных компьютерах. Как отмечает Н. А. Смирнова, в устаревшем Законе присутствовало еще больше подобных нарушений – например, не давалось никаких пояснений относительно часто в нем употреблявшейся и юридически важной формулировки *единичный экземпляр*. В связи с этим длительное время велись споры о том, как следует понимать данный термин – как «изготовление копии в одном экземпляре для одного читателя» или как «изготовление единичной копии за весь период хранения произведения в библиотеке» (Смирнова, 2006, с. 50). Небольшое число таких недочетов было устранено в ГК РФ, однако многие проблемные терминологические кон-

струкции оказались некритично перенесены в его текст из утратившего силу Закона.

Терминологическая синонимия и неразличение понятий – столь же серьезные проблемы современного законодательства, также нашедшие отражение в тексте ГК РФ. Так, термины *воспроизведение* и *репродуцирование* в гл. 70 трактуются различным образом, но впоследствии в ряде статей функционируют как полные синонимы; термин *копирование* никак не раскрывается и употребляется лишь изредка, однако в то же время он является базовым для ряда других законов (нарушение принципа устойчивости). Эти три термина, изначально истолкованные по-разному, в контексте правового акта зачастую употребляются в совершенно одинаковом значении – «изготовление копии художественного произведения, представленного в электронной форме либо на каком-либо носителе». Совершенно неясно, чем объясняется употребление сразу трех различных терминов для обозначения единственного действия; было бы логично предположить, что, к примеру, *репродуцирование* означает создание резервной копии книги, а *копирование* – создание электронной копии электронного же издания, поскольку приблизительно в этих значениях данные термины функционируют в обиходной речи, и т.п.. Однако в Законе нет подобных конкретизаций, которые могли бы оправдать такое многообразие терминов, и вопрос об их соотношении остается открытым.

Как мы видим, бездумное перенесение в юридический текст формулировок, заимствованных из естественного языка, может повлечь за собой утрату вновь созданными терминами определенного юридического значения. В данном случае вообще сложно говорить о наличии у терминов самостоятельного правового смысла, поскольку их значения вовсе не раскрыты. Наиболее простым и очевидным решением указанной проблемы является внесение в текст нормативно-правового акта поправок, разграничивающих значения терминов-синонимов или устраняющих из текста лишние с юридической точки зрения лексические единицы, а также создание ясных, корректных и однозначно трактуемых дефиниций.

Схожие ситуации складываются в тех случаях, когда законодатель пытается терминологизировать слово или словосочетание, которое даже в естественном языке не имеет определенного значения. В качестве подобного примера можно рассмотреть инициативу заместителя председателя комитета верхней палаты парламента по социальной политике И. Чернышева, предложившего внести на рассмотрение законопроект, предусматривающий ограничение доли *негативной информации* в СМИ (в другом законопроекте предлагался построенный по аналогичной схеме термин *негативная реклама*). Прилагательное *негативный* в данном случае трактуется в сугубо бытовом ключе, в значении «вызывающий негативные эмоции», однако с точки зрения юриспруденции оно лишено правового смысла, поскольку отношение к эмоциям у каждого субъекта права индивидуально, и нет ясности в определении того, насколько обоснованно можно называть ту или иную информацию *позитивной* либо *негативной*, поскольку сама по себе *информация* не несет оценочной составляющей и приобретает ее исключительно в сознании правоприменителя. Если предложенный термин касается только сферы «этических норм», как утверждает предложивший его законодатель, то он не может быть рассмотрен как наделенный строго конкретным значением и тем самым однозначно не соответствует требованиям однозначности и общепонятности. Если же имеется в виду информация, способная подтолкнуть граждан к совершению противоправных действий, то в разработке каких-либо новых терминологических единиц нет смысла, поскольку ее распространение уже криминализировано. Таким образом, можно констатировать, что в указанном случае мы наблюдаем инициативу по закреплению в правовом поле российского законодательства заведомо манипулятивной формулировки, не несущей совершенно никакой правовой нагрузки (подробнее о манипулятивности юридической терминологии будет сказано ниже). Подобные прецеденты уже отмечались ранее: так, в ныне действующем законодательстве фигурирует термин *атрибутика*, который не только не дефинирован, но и основан на единице естественного языка, имеющей достаточно расплывчатое, сливающееся с близкими ему по смыслу значение. С правовой точки зрения нет

достаточной ясности в том, чем именно *атрибутика* отличается от *символики*, тем более что символ, особенно иконического типа, часто сам по себе является атрибутом (отличительным признаком, неотъемлемо присущим некому объекту или связанным с ним). Поскольку даже в естественном языке грань между двумя понятиями можно считать условной, включение указанного термина в законодательные акты сложно назвать хорошо мотивированным шагом.

Случается также, что в юридический текст попадают единицы естественного языка, имеющие в нем коннотацию, способную помешать адекватному восприятию юридического смысла обозначаемых ими понятий. К терминам, перенесение которых из естественного языка в юридический нежелательно, можно отнести терминологическое словосочетание *семейные ценности*, использованное в ст. 5 Закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», и производное от него – *традиционные семейные ценности*. Рассматриваемые термины не только не имеют дефиниции, но и несут в себе существенные лингвистические изъяны. Они относятся к числу таких лексических единиц, которые имеют определенное значение в естественном языке, однако не несут сколько-нибудь точного правового смысла. Прежде всего, в их семантической структуре центральное место занимает неопределенный по юридическому содержанию аксиологический компонент: слово *ценности* в рассматриваемых примерах употребляется для обозначения нематериальных феноменов, тогда как в большинстве случаев в юридической практике оно применимо исключительно к объектам физического порядка (*материальные ценности*). Определение *семейных ценностей* отсутствует в законодательстве Российской Федерации, в том числе в Семейном кодексе (далее СК РФ), где зафиксирован только термин *семья*. Фиксация понятия ценностей в законодательстве чревата значительными проблемами при правоприменении, поскольку аксиологические ориентиры даже у носителей одной и той же культуры или религии могут заметно различаться, и ценностные нормы граждан не относятся напрямую к сфере правового регулирования. В указанном же контексте *ценности* оказываются к тому же *семейными* и *традиционными*, что подра-

зумевают их потенциальный выход за рамки действующего в Российской Федерации законодательства. Этнокультурные и религиозные традиции в широком понимании не являются предметом юридического регулирования, а в ряде случаев могут откровенно противоречить законодательству РФ, в том числе в области семейного права (к примеру, разрешенное Кораном многоженство вполне может быть сочтено *традиционной семейной ценностью* некоторых групп граждан, исповедующих ислам, однако прямо запрещено законом). Следовательно, нельзя говорить о том, что указанное терминологическое словосочетание имеет хотя бы какое-то правовое значение. Даже с точки зрения естественного языка смысл этой конструкции оказывается весьма размытым, что позволяет причислить ее к манипулятивным терминам (данное понятие будет более подробно раскрыто нами в нижеследующих разделах).

Если же понимать уважение к *семейным ценностям* как соблюдение юридических норм, относящихся к семейному общежитию, то соответствующие понятия уже зафиксированы в действующих правовых актах (СК РФ, Федеральном Законе «О правах ребенка в РФ» и др.). В этом случае очевидно, что в изобретении нового термина нет нужды, поскольку отсутствует необходимость в уточнении ранее принятых правовых установлений. Исходя из этих соображений, мы считаем некорректным использование в тексте принятого законодательного акта формулировок, юридическое значение которых в лучшем случае можно считать расплывчатым. Поскольку у термина *семейные ценности*, как и у его производного *традиционные семейные ценности*, нет однозначного толкования (а их, между тем, предлагается использовать в качестве одного из критериев оценки приемлемости или неприемлемости информационной продукции для демонстрации несовершеннолетним), соответствие того или иного произведения п. 2.4 ст. 5 рассматриваемого Закона не может быть однозначно установлено. Вероятно, более корректной и точной формулировкой могла бы быть следующая: *информация, побуждающая несовершеннолетних совершать противоправные действия в отношении родителей и (или) иных членов семьи, а также способная подтолкнуть их к пренебрежению своими*

обязанностями по отношению к членам семьи, зафиксированными в Семейном кодексе. Такое определение не вступает в противоречие с общим юридическим значением Закона и в то же время имеет реальный правовой смысл, что делает его более доступным для понимания и облегчает практическое применение указанного законодательного акта.

Особую важность точность дефиниций и исключение неверных трактовок терминологических формулировок приобретают в тех случаях, когда перекладывание ответственности за их интерпретацию на правоприменителей способно повлечь за собой нарушение правовых норм. Это касается не только слишком широких и расплывчатых определений терминов, но и изменений, вносимых в функционирование уже действующих в юридическом поле лексических единиц.

Так, примечательны с этой точки зрения поправки, предложенные к Закону «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», где формулировку *требования к применению физической силы, специальных средств и оружия* рекомендуется изменить на *право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия*. Согласно общепринятой юридической практике, право является в определенной степени неотъемлемым и возникает по умолчанию в предусмотренных законодательством ситуациях. Таким образом, из приведенной формулировки можно сделать вывод, согласно которому и без того имеющееся у сотрудников исправительных учреждений право на применение силы в ряде специально оговоренных случаев расширяется до права на применение силы в любых обстоятельствах по собственному усмотрению. На возможность такой трактовки дополнительно указывает изменение содержащейся в действующей редакции Закона формулировки, указывающей на возможность применения сотрудниками исправительных учреждений силы по отношению к заключенным *в порядке, предусмотренном законодательством, на территориях учреждений, исполняющих наказания, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, и на охраняемых объектах для задержания осужден-*

ных, пресечения преступлений и административных правонарушений, совершаемых осужденными, если ненасильственным способом выполнить их законные требования невозможно на гораздо более лаконичную и вызывающую при этом заметно больше вопросов: *сотрудник УИС может применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на него обязанностей*. Поскольку предлагаемая конструкция не перечисляет круг действий, при которых правоприменитель может законным путем использовать физическую силу, а лишь расплывчато указывает на необходимость *выполнения возложенных на него обязанностей*, решение об использовании насильственных методов воздействия оказывается всецело зависящим от индивидуальной воли, поскольку только сам интерпретатор текста Закона может определить, что именно препятствует ему исполнять свои обязанности. Более того, в Закон рекомендуется внести уточнение, согласно которому силовые способы воздействия применимы не только при угрозе совершения заведомо преступного действия, но и при *нарушении режима содержания* в местах временного лишения свободы, а также в любых условиях, при которых заключенные своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе, что фактически декриминализует любое применение силы работниками исправительных учреждений, поскольку оставляет определение широты применения указанных положений исключительно на их усмотрение. Помимо всего перечисленного, из действующей редакции Закона предлагается убрать уточнение, указывающее, что применение силы является законным в том случае, если неповиновение или сопротивление действиям представителя закона является *злостным*, т.е. заведомо злонамеренным и, помимо прочего, неоднократным. Резонные замечания со стороны правозащитного и адвокатского сообщества вызвал также пункт, согласно которому сотрудник исправительного учреждения имеет право произвести выстрел из огнестрельного оружия на поражение в том случае, если заключенный приблизился к нему, *сократив указанное им расстояние*. Даже если не принимать во внимание правовую сторону

вопроса, нельзя не отметить, что с лингвистической точки зрения в предлагаемых поправках наблюдается абсолютный релятивизм при интерпретации терминологических формулировок, поскольку их трактовка и применение полностью отдаются во власть индивидуального правоприменителя, чье личное мнение, по сути, ставится выше норм российского и международного права. Подобные неаккуратности и нарушения законотворческой техники, даже если они не были осознанными, оставляют огромное пространство для инотолкований и ведут к возникновению манипулятивного потенциала у терминологических единиц.

Таким образом, в ходе исследования нами были выявлены следующие основные трудности, возникающие при перенесении единиц естественного языка в юридический текст:

- 1) наличие у подвергающегося терминологизации слова или словосочетания специфической коннотации в естественном языке, способной помешать адекватному восприятию его юридического значения;
- 2) использование при конструировании новых юридических терминов таких слов, которые не имеют однозначного истолкования в естественном языке;
- 3) отсутствие определений у терминов, препятствующее корректному их восприятию правоприменителем.

Основные пути устранения указанных трудностей, на наш взгляд, – это тщательная разработка дефиниций вновь создаваемых терминов и фиксирование их в текстах нормативно-правовых актов, а также проведение предварительной лингвистической экспертизы законопроектов, учитывающей особенности восприятия юридической терминологии правоприменителями – рядовыми носителями языка. Кроме того, мы считаем необходимым сведение к минимуму использования в законодательных актах терминологических единиц, трактовка которых оказывается субъективной и отдается на волю адресата нормативно-правового текста. В следующем разделе рассмотрим основные нарушения требования терминологической точности и однозначности в российском законодательстве и способы их оптимизации.

2.2. Нарушения требования терминологической точности и однозначности в российском законодательстве и способы их оптимизации

Проблема однозначности восприятия и истолкования юридической терминологии в настоящее время является весьма важной и актуальной. Вопросы соотношения естественного и юридического языка, трактовки одних и тех же понятий носителями различных типов сознания, точности передачи сути юридических реалий занимают важное место среди основных направлений исследований современных ученых-юрислингвистов, таких как Д. И. Милославская (Милославская, 2000), Е. А. Крюкова (Крюкова, 2000; 2003), Н. Б. Лебедева (Лебедева, 2000) и другие. Как справедливо замечает Л. В. Половова, практически все дефекты юридической техники требуют для своего установления и устранения произвести предварительное истолкование юридического смысла текста, так как без прояснения правового значения законодательного акта невозможно определить, какие неточности и нарушения присутствуют в его тексте (Половова, 2001, с. 406).

В то же время нельзя не отметить, что до сих пор многие тексты законодательных актов не могут считаться удовлетворяющими всем критериям нормы в отношении употребления юридической терминологии. О существовании проблемы низкого уровня лингвистической подготовки профессиональных юристов упоминали Н. Н. Ивакина (Ивакина, 2008, с. 20), В. Ю. Туранин (Туранин, 2007б, с. 41) и другие специалисты. Так, Н. М. Добрынин называет размытость, неопределенность и многозначность используемых в действующем законодательстве формулировок одним из доказательств системного кризиса российской юридической науки (Добрынин, 2007, с. 14). Несовершенство законодательной техники, ошибки при конструировании текстов правовых актов могут даже считаться признаками общей дисгармоничности современного российского законодательства (Пшеничнов, 2011, с. 7). Многие правовые акты составлены с нарушениями лингвистических норм и оперируют терминами, не выдер-

живающими никакой критики с точки зрения их соответствия минимальным требованиям, применяемым к юридической терминологии.

В качестве яркого примера нарушения требования терминологической точности и однозначности можно рассмотреть текст Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», в котором содержатся многочисленные недочеты.

В общем и целом Закон «О средствах массовой информации» представляется нам весьма несовершенным с лингвистической точки зрения. В нем имеются определенные внутренние противоречия, в том числе структурные, которые несколько затрудняют его восприятие, а принимаемые дополнения и поправки не всегда приводят к его улучшению. Термины, используемые в тексте Закона, не всегда разъясняются; отдельной статьи, посвященной систематизации и истолкованию используемых терминологических единиц, в нем нет. Многие фрагменты Закона остаются непроясненными по причине несовершенства используемой в нем терминологии вообще и нарушений требования терминологической однозначности в частности.

Так, сомнительной с точки зрения однозначности представляется формулировка *экземпляры текста, созданные при помощи компьютеров и (или) хранящиеся в их банках и базах данных*. Согласно ст. 24 Закона, такие тексты могут быть признаны средствами массовой информации в случае, если распространяются с некоторой периодичностью тиражом более тысячи экземпляров. Однако при определении правового значения данного терминологического словосочетания возникает закономерный вопрос: какой именно *экземпляр текста* считается *созданным при помощи компьютера* и каким образом подсчитывается тираж? Если имеется в виду текст, помещенный на некоем носителе информации (CD, DVD и т.п.), то применение к нему норм, касающихся СМИ, кажется нам достаточно спорным, если только данный носитель не является составной частью печатного издания. Так или иначе, анализируемая формулировка размыта настолько, что однозначно истолковать ее правовое значение не представляется возможным. Неясно, следует ли, к примеру, относить к средствам

массовой информации любые материалы, размещаемые в сети Интернет. Недавно принятые законодательные нормы, предполагающие обязательную регистрацию в качестве СМИ наиболее популярных Интернет-дневников (блогов) вызывают лишь больше дополнительных вопросов. Очевидно, что не для всякого текста, создающегося при помощи компьютера, возможно с уверенностью определить его тираж и периодичность. Статья 24 Закона представляется крайне трудной для адекватного понимания и верного истолкования именно из-за наличия данной формулировки, ничего не проясняющей и чреватой самыми различными вариантами трактовки.

Другим неоднозначным термином, используемым в Законе «О средствах массовой информации», может быть признан термин *внештатный сотрудник*. Его определения в тексте Закона нет, однако при этом он используется в статье 52. Более того, в современном российском законодательстве данная терминологическая единица, созданная в советские времена, не определяется вовсе (Кузякин, 2007).

Согласно ст. 52 Закона, статус журналиста распространяется на *авторов, не связанных с редакцией средства массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями, но признаваемых ею своими внештатными авторами или корреспондентами, при выполнении ими поручений редакции*. Данная формулировка, несмотря на свою развернутость, на практике оказывается достаточно сложной для истолкования. Например, не вполне ясно, каким именно образом фиксируется «признание» журналиста внештатным корреспондентом и какой конкретный смысл вкладывается в понятие внештатного сотрудника. Следует отметить, что данный термин может трактоваться как минимум двояко:

1) внештатный сотрудник – лицо, сотрудничающее с редакцией на временной основе, не являющееся членом редакции и выполняющее поручения редакции за гонорар;

2) внештатный сотрудник – лицо, сотрудничающее с редакцией на временной или постоянной основе, однако не являющееся членом редакции и / или не получающее гонорара за свою деятельность.

Таким образом, формулировка, которая используется в Законе сейчас, не дает прямого ответа на вопрос о правомерности причисления к журналистам-внештатникам, к примеру, проходящих практику студентов, которые не получают гонораров за свою деятельность, однако фактически являются сотрудниками редакций СМИ на временной основе. Более того, размытость этого определения приводит к возникновению определенных проблем при истолковании ст. 20 того же Закона.

Статья 20 указывает на необходимость принятия Устава средства массовой информации всеми его штатными сотрудниками. Можно предположить, что данная оговорка автоматически освобождает внештатных сотрудников от необходимости принимать положения Устава, однако в таком случае правомерность их деятельности вообще оказывается под вопросом. Более того, в статье прямо говорится, что Устав определяет и ограничивает лишь полномочия штатных сотрудников редакции, таким образом, деятельность внештатных корреспондентов вообще никак не регулируется.

Если следовать этим положениям, то нам приходится сделать вывод, что редакция СМИ и ее внештатный сотрудник не несут абсолютно никакой ответственности за действия друг друга. Поэтому вполне возможно возникновение ситуаций, в которых редакция будет пытаться уйти из-под обвинения (например, в публикации клеветнических материалов), утверждая, что вина лежит исключительно на не состоящем в штате сотруднике. В связи с этим кажется необходимым прояснить формулировку *внештатный сотрудник* и внести в статью 20 Закона «О СМИ» оговорку, согласно которой все лица, так или иначе сотрудничающие с редакцией, обязаны строго соблюдать Устав СМИ.

Также кажется не вполне однозначной формулировка *необоснованные сведения, порочащие честь и достоинство гражданина либо причиняющие ему иной немущественный вред*, содержащаяся в статье 62 Закона. Речь идет о за-

щите граждан от клеветы, распространяемой при помощи средств массовой информации. Однако до сих пор понятия «чести» и «достоинства» в законодательстве Российской Федерации не сформулированы точно и однозначно (Кречетов, 2000, с. 100), а в ст. 21 Конституции Российской Федерации зафиксирован лишь термин *достоинство личности*. Понятия чести и достоинства гражданина традиционно либо сливаются в одну формулу *честь и достоинство*, которая из-за этого становится слишком общей и малопонятной, либо истолковываются друг через друга. Так, достоинство рассматривается как базовое понятие, отражающее ценность личности как таковой, а честь – как своего рода внешнее отражение достоинства (Гаскарова, 1999, с. 11). Т. Н. Касьянюк также отмечает, что однозначные определения понятий чести и достоинства в российском праве отсутствуют, хотя на практике сложилась относительно определенная их трактовка; в то же время, по наблюдению исследовательницы, эти понятия настолько взаимозависимы, что их в принципе не вполне корректно использовать по отдельности, т.е. формулировка *честь и достоинство*, по сути, равнозначна термину *достоинство личности*, зафиксированному в Конституции РФ (Касьянюк, 2007, с. 784). Кроме того, в законодательстве о защите чести и достоинства (включая Закон «О СМИ») используются синонимичные термины *порочающие сведения* и *позорящие сведения*, смысловое различие между которыми не прояснено.

В свою очередь, определение термина *клевета* в УК РФ выглядит как *распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию*. Клеветническим считается лишь тот материал, который не оперирует доказательствами (Пригарина, 2007а, с. 930). Следовательно, расплывчатое определение, дающееся в Законе, можно без потерь для содержания свести к более краткой и трактуемой вполне однозначно формулировке: *клеветнические или наносящие иной неимущественный вред материалы*. Такая формулировка одновременно избегает использования не имеющих четких дефиниций терминов *честь и достоинство* и значительно облегчает применение Закона на практике. Однако, на наш взгляд, проблема

точности формулировки, связанной с честью и достоинством человека, остается, поскольку, например, не является клеветой распространение о другом человеке сведений хотя и позорящих, но соответствующих действительности.

Определенную трудность вызывает однозначное толкование приведенного в Законе терминологического словосочетания *эротическое издание*. В статье 37 Закона это понятие трактуется как *периодическое издание или программа, которые в целом и систематически эксплуатируют интерес к сексу*. Однако здесь возникают сразу несколько проблем, связанных с недостаточным раскрытием других терминов в российском законодательстве и возможными разночтениями при истолковании данной формулировки.

По сути, большинство изданий, которые признаются общественностью эротическими (и являются таковыми по сути), не подпадают под это определение, поскольку не эксплуатируют интерес к половой жизни человека *в целом*. Они содержат не связанные с данной тематикой материалы, зачастую в достаточно большом объеме, и теоретически учредители таких изданий вполне могут уклониться от требований Закона, опираясь на приведенную выше формулировку, доказав, что издание не посвящено сексуальным взаимоотношениям целиком и полностью. С этой точки зрения кажется разумным ввести дополнительное уточнение и трактовать понятие «эротическое издание» как *издание или программу, содержащее материалы эротического характера в объеме, позволяющем говорить о его общей эротической направленности*. Для определения допустимого объема подобных материалов целесообразно привлекать экспертов. То, что такая проблема имеет место, характеризуется хотя бы тем фактом, что известный журнал «Мaхiм» в различных источниках классифицируется то как эротическое издание, то как «мужской журнал с элементами эротики», а эти понятия с правовой точки зрения не тождественны.

Отметим также, что содержащееся в Законе требование о продаже *эротических изданий* запаянными в прозрачный пластик просто не может работать, поскольку прямо вступает в конфликт с содержанием Закона РФ «О защите прав потребителей», в связи с чем наблюдается законодательная коллизия. С

одной стороны, требование Закона «О средствах массовой информации» не выполняется, т.е., по сути, Закон нарушается; однако выполнение того же требования окажется нарушением другого законодательного акта. Несмотря на то, что это в большей степени юридическая, а не лингвистическая проблема, обратим внимание на то, что в данном случае правовые акты необходимо согласовывать между собой и в языковом плане.

Требование однозначности и точности, недопустимость размытости формулировок касается не только тех слов, которые могут быть однозначно причислены к юридическим терминам, но и других лексических единиц, используемых в текстах законодательных актов, так как, по мнению В. М. Когана, высказанному еще в 1967 г. (Коган, 1967, с. 103), употребление в законе исключительно терминов – это идеал, к которому всегда стремится право, пусть даже труднодостижимый. Так, в тексте анализируемого Закона слово *преимущественно*, употребленное в статье 8, не является термином, однако по своим функциям к нему приближается.

В данном контексте слово *преимущественно* относится к масштабам распространения печатной продукции, на основании которых принимается решение о регистрации средства массовой информации (т.е. осуществляется правовое действие). Следовательно, «преимущественность» является одним из определяющих факторов, влияющих на применение статьи Закона на практике. Однако законодатель никак не поясняет его и не приводит никаких конкретных параметров «преимущественности», руководствуясь которыми можно было бы определить, насколько действительно велики объемы распространения средств массовой информации по разным регионам Российской Федерации. Вполне возможно возникновение, к примеру, такой ситуации, когда примерно равные части тиража некоего периодического издания распространяются на территориях двух соседних областей с небольшим перевесом в пользу одной из них. непонятно, каким образом в этом случае следует понимать слово *преимущественно* – учитывать процентное соотношение, количество подписчиков или какие-либо иные факторы для определения необходимого места регистрации издания.

Нет пояснений относительно того, каким образом должно отслеживаться количество экземпляров, распространяемых на разных территориях, и следует ли вообще проводить такую работу с целью определения места регистрации СМИ. Внесение в текст такого субъективно трактуемого понятия, как «преимущество» распространения, не только не проясняет смысл рассматриваемой статьи Закона, но и кажется явно излишним, поскольку ниже в его тексте основания, согласно которым периодические издания должны регистрироваться тем или иным органом, разграничиваются относительно четко.

Вышеперечисленные ошибки наводят на мысль о том, что определенные части Закона «О средствах массовой информации» нуждаются в доработке. Нам представляется необходимым произвести его редактирование с целью устранения имеющихся лингвистических нарушений и правовых коллизий, выработки более точной, однозначно трактуемой и удобной в употреблении терминологии, прояснения отдельных формулировок и ликвидации ошибок, допущенных при использовании терминологических единиц. Также мы считаем целесообразным:

- 1) включить в Закон отдельную статью или же приложения, содержащие дефиниции ключевых терминологических единиц, употребляемых в его тексте;
- 2) отказаться от использования в Законе тех терминов, которые не зафиксированы в других правовых актах и не имеют на данный момент законодательно зафиксированных определений;
- 3) устранить из текста Закона те нетерминологические единицы, которые трактуются правоприменителем субъективно и не несут существенного правового значения;
- 4) устранить прямые расхождения между Законом «О СМИ» и другими законодательными актами путем проведения редактирования текста Закона.

В следующем разделе раскроем манипулятивный потенциал юридической терминологии и рассмотрим, как функционируют манипулятивные формулировки в современном российском законодательстве.

2.3. Функционирование манипулятивных формулировок в современном российском законодательстве и явление манипулятивного потенциала юридической терминологии

Поскольку юридический язык неразрывно связан с языком естественным, было бы ошибкой пренебрегать при анализе и оценке юридической терминологии спецификой восприятия конкретных терминологических единиц носителями языка – не только профессиональными юристами и лингвистами, но и рядовыми гражданами, не имеющими специального образования, однако регулярно сталкивающимися с употреблением рассматриваемой нами терминологии (Голев, 2000, с. 19). В ситуации, когда некий правовой акт ориентирован на восприятие рядовыми носителями естественного языка, не всегда знакомыми с языком юридическим, может возникнуть проблема расхождения трактовок одного и того же понятия; несмотря на то, что ее относительно просто решить, она чревата также и другой проблемой, заключающейся в возникновении возможности для манипулирования сознанием адресата правового акта. Юридический термин, использованный некорректно, может сделаться инструментом манипуляции, средством введения субъекта права в заблуждение; это может привести к большим трудностям и нежелательным последствиям при правоприменении.

Особенно остро данная проблема стоит в сфере лингвистической экспертизы, где важно правильно оценить интенцию адресанта. Вопрос о потенциальной возможности использования юридических терминов для манипулирования правосознанием рассматривался некоторыми исследователями на протяжении 2000-х годов (например, Л. Е. Кирилловой, затронувшей эту тему в своей работе о термине *деловая репутация* (Кириллова, 2010), Н. К. Пригариной, указывавшей на потенциальную возможность применения оценочных формулировок для манипулирования сознанием адресата в юридическом дискурсе (Пригарина, 2007б) или Д. И. Милославской, обратившей внимание на проблему в целом в

статье «Термины избирательного законодательства и общественное сознание» (Милославская, 2002)), однако работы, полностью посвященные данной проблематике, начинают публиковаться лишь сейчас. Это заставляет нас предпринять попытку анализа и описания проблемы манипулятивного потенциала юридической терминологии, а также разработки классификации примеров манипулирования общественным сознанием при помощи использования юридических терминов.

В трактовке понятия *манипуляции* мы следуем за Т. В. Анисимовой, которая в своей монографии «Манипуляция как характеристика институционального дискурса» определяет этот термин как *приемы искажения языковой картины мира адресата с помощью возможностей, предоставляемых языковыми механизмами* (Анисимова, 2010, с. 54). С этой точки зрения, «искусственной картиной мира» мы будем считать искаженное представление адресата правового акта о действительном содержании некоего конкретного юридического термина (в том случае, если у термина нет единой общепризнанной трактовки или он дублирует уже существующую терминологическую единицу, привнося в ее восприятие некую дополнительную коннотацию). Иными словами, манипулятивным влиянием мы признаем введение правоприменителя (как и любого субъекта права) в заблуждение относительно истинного правового смысла того или иного термина, а в отдельных случаях – относительно наличия у лексической единицы корректного правового смысла как такового. Используя терминологию Е. Ю. Ильиновой, можно говорить о том, что в данном случае имеет место вид *манипулятивного вымысла* (Ильинова, 2008), где вымышленным будет являться юридическое значение термина. В более широком смысле использование манипулятивной терминологии может быть рассмотрено как разновидность лжи, поскольку отвечает основным характеристикам ложного сообщения, среди которых, согласно С. Г. Воркачеву, принадлежность к сфере коммуникации, знание говорящего о ложности высказывания и намерение ввести адресата в заблуждение (Воркачев, 2013, с. 17). Можно также говорить о том, что такой вид манипуляции является составляющей дискурса, который В. И. Карасик оп-

ределяет как стратагемный, т.е. направленный на получение преимущества над партнером по коммуникации (в рамках юридической коммуникации – на получение законотворцем или профессиональным юристом, оперирующим терминологией, преимущества над адресатом правового текста, не всегда способным грамотно истолковать его) (Карасик, 2008; 2009, с. 346; 2010).

Исходя из данного выше определения, мы выделяем термины, которые создаются специально для манипулирования общественным сознанием (на возможность их существования ранее указывали Д. И. Милославская (Милославская, 2002) и А. К. Соболева (Соболева, 2009, с. 375)), и термины, обладающие определенным *манипулятивным потенциалом*. Отметим, что преднамеренность создания манипулятивных терминологических единиц кажется нам достаточно легко доказуемой. Введение в законодательство любой новой формулировки априори считается обусловленным необходимостью; вновь созданный термин должен обозначать понятие, которого ранее не существовало, и подчеркивать некое существенное отличие этого понятия от уже существующих, иначе создание этой терминологической единицы нарушит требование недопустимости терминологической полисемии, а сам термин лишится юридического смысла. Когда новая формулировка такого смысла не несет, фактически обозначая уже существующее понятие, однако при этом привносит в его восприятие определенную смысловую коннотацию, не соответствующую конкретному юридическому значению термина, имеет, на наш взгляд, место манипуляция сознанием. Следовательно, мы можем с высокой долей уверенности назвать подобный термин *манипулятивным*. Подобное явление отмечалось и другими исследователями, применяющими для его обозначения иные формулировки. Так, С. Г. Ватлецов называет терминологические единицы, которые имеют излишне расплывчатую трактовку и не успели приобрести единое устоявшееся значение, «ложноориентирующими» (что по своей сути близко к предложенному нами понятию манипулятивного термина, поскольку основой манипуляции является именно искажение картины мира, в данном случае – ложное ориенти-

рование участника юридической коммуникации в правовом пространстве) (Ватлецов, 2013, с. 163).

К манипулятивным терминам мы отнесем следующие подгруппы терминологических единиц:

1) термины, которые по своему содержанию дублируют уже имеющиеся, однако используются с целью создания видимости наличия смыслового различия между ранее существовавшим и новым терминами;

2) термины, изначально лишенные определений и созданные исключительно с целью создания видимости наличия у них юридического значения;

3) термины, созданные на основе лексических единиц естественного языка, имеющих явную оценочную окраску, и служащие для представления некоего явления в положительном или отрицательном контексте в соответствии с целями адресанта.

Как можно видеть, данные группы манипулятивных терминов обладают одной общей характеристикой: они маскируют отсутствие реального правового смысла у лексической единицы или подменяют его таким образом, чтобы у адресата законодательного текста складывалось ложное представление о его значении. Лингвистические недостатки таких терминологических конструкций неразрывно связаны с недочетами сугубо юридического характера. Так, близким подобием манипулятивных терминов являются «тупиковые» формулировки, в строгом смысле слова не являющиеся терминологическими, однако часто содержащие в себе термины из той или иной области права. Суть их действия (вернее, препятствования реальному юридическому действию) сводится к переключиванию правоприменительной практики на другие законодательные акты, в которых, в свою очередь, нет никаких указаний на то, каким образом данные нормы должны реализовываться. Оставляя в стороне многочисленные примеры применения подобной практики в российском законодательстве, в качестве наглядной демонстрации такого манипулятивного приема можно указать на недавно принятый в республике Украина закон «Об очищении власти», в котором указано, что при люстрации чиновника, занимающего выборную должность,

досрочное прекращение его полномочий осуществляется в порядке, установленном «Конституцией и законами Украины». Однако, парадоксальным образом, ни в Конституции, ни во всем законодательном комплексе Украины нет четко прописанных норм, регламентирующих порядок досрочного принудительного прекращения полномочий должностного лица, избранного путем голосования, что в значительной мере обесценивает закон как таковой и препятствует его претворению в жизнь. Учитывая отчасти популистский характер принятого правового акта, разумно предположить, что осознанная манипуляция здесь вполне могла иметь место. Использование разночтений, пробелов в законодательстве и ссылок на неисполняемые правовые нормы является в большей мере юридическим приемом манипуляции, нежели лингвистическим, однако в нем ярко проявляется связь между несовершенством законодательных актов с языковой точки зрения и их правовой неэффективностью.

В то же время наряду с непосредственно манипулятивными формулировками в современном российском правовом пространстве наличествуют многочисленные терминологические единицы, которые явно не были созданы с целью манипулирования сознанием или навязывания адресату каких бы то ни было точек зрения, однако могут использоваться для этого из-за определенных неосознанных лингвистических нарушений, допущенных при их конструировании. В нашем исследовании для обозначения таких терминов используется словосочетание *манипулятивный потенциал*, которое следует трактовать как возможность использования некого термина с целью создания искаженной картины мира у адресата текста, в котором этот термин употребляется; при этом нужно учитывать, что использовать такой термин в манипулятивных целях теоретически может любой заинтересованный правоприменитель. Отметим, что если у собственно манипулятивных терминов реального юридического значения нет (либо же их правовой смысл искажен настолько, что не поддается однозначному определению), то у терминов, имеющих манипулятивный потенциал, оно всегда имеется, однако опасность заключается в неверной его трактовке.

Среди терминов, обладающих манипулятивным потенциалом, мы выделяем следующие подгруппы:

1) термины и терминологические словосочетания, которые состоят из лексических компонентов, имеющих специфическую семантику в естественном языке, однако не имеющих таковой в языке юридическом;

2) термины, не имеющие однозначного определения и оставляющие возможность для заведомо ложных истолкований, которые могут быть восприняты адресатом как истинные;

3) совмещение первых двух вариантов – терминологическое словосочетание, один из компонентов которого вовсе не имеет определения и толкования в юридическом языке, тогда как в естественном языке ему присуще и вполне определенное содержание, и явная оценочная коннотация.

Заметим, что определение степени манипулятивного потенциала терминологических единиц тесно связано с вопросами соблюдения (а точнее, несоблюдения) основополагающих принципов конструирования единиц юридической терминологии, которые были нами описаны выше.

Нам представляется необходимым рассмотреть несколько конкретных примеров, иллюстрирующих вышеназванные типовые приемы манипулирования правовым сознанием адресата законодательного текста и демонстрирующих случаи, в которых у терминологических единиц возникает манипулятивный потенциал. Ниже мы проанализируем несколько формулировок, встречающихся в действующих, отозванных и принятых к рассмотрению нормативно-правовых актах, и установим причины, по которым они могут считаться в той или иной степени манипулятивными.

Как неоднократно указывалось ранее, главными требованиями к терминам, употребляющимся в законодательных актах, являются точность, однозначность и общеупотребительность (Милославская, 1999). Последнее из перечисленных требований включает два аспекта: недопущение двояких трактовок одного и того же термина в разных законах и необходимость употребления

только таких терминологических единиц, которые соотносятся с естественным языком.

Следует отметить, что если первый аспект проблемы общеупотребительности юридических терминов относительно полно и глубоко исследован, то ко второму ученые до сих пор проявляли сравнительно незначительное внимание, обосновывая это тем, что большинство терминов ориентировано на восприятие специалистами в области юриспруденции. Однако весьма часто случается, что особенности восприятия отдельных законодательных терминов рядовыми носителями языка оказываются важными и могут влиять непосредственно на функционирование тех правовых актов, в которых эти термины встречаются (Голев, 2000, с. 20). Поскольку конструирование новых терминологических единиц невозможно без опоры на уже существующие в естественном языке лексические единицы, имеющие собственный смысл, отличный от того, который они приобретают в рамках юридического текста, использование некоторых терминов, которые имеют иное значение в естественном языке, может применяться законодателем для манипуляции общественным сознанием или подмены смыслов.

Отдельно отметим проблему существования в российском праве ряда словесных конструкций, зафиксированных в нормативных актах, однако не имеющих определенного юридического значения. Е. Б. Хохлов образно охарактеризовал такие термины как «юридические химеры». По его мнению, тенденция к созданию подобных терминологических единиц сочетается в российском законодательстве со стремлением максимально усложнить терминологию, сделать ее трудной для восприятия. Таким образом, некоторые термины оказываются одновременно и непонятны, и бессмысленны (Хохлов, 2004, с. 5). На наш взгляд, возможность использования таких терминов для искажения языковой картины мира правоприменителя совершенно очевидна.

В качестве одного из ярких примеров манипуляции общественным сознанием при помощи юридической терминологии можно привести недавно принятый Закон РФ «О полиции».

Смена наименования органов правопорядка вызвала большой общественный резонанс и привлекла внимание отнюдь не только специалистов по юридической терминологии. Как изначально декларировалось, изменение названия с *милиции* (в первоначальном значении слова – нерегулярное народное ополчение, обеспечивающее соблюдение законности) на *полицию* (в первоначальном значении – регулярный правоохранительный орган, состоящий из профессионалов) должно было указывать на определенные изменения в функциях, роли и качестве работы данного органа. Вполне логично, что многие рядовые носители языка, особенно те, которые не имели возможности ознакомиться с текстом Закона, могли воспринять смену терминологии как знак некоего прогресса и существенных перемен.

Однако если мы сравним формулировки, примененные для описания функций, выполняемых милицией и полицией, то увидим, что они совпадают практически слово в слово, а третья глава Закона «О полиции» (касающаяся полномочий полицейских) состоит из формулировок, перенесенных в Закон из других законодательных и подзаконных нормативных актов. Таким образом, назначение, права и обязанности полиции фактически ничем не отличаются от функций, прав и обязанностей милиции (Балашов, 2010). Основные различия сводятся к декларируемому увеличению «прозрачности» работы ведомства, а также некоторому ужесточению требований по отношению к полицейским. В частности, Закон предполагает обязательную проверку кандидатов в полицейские на наркотическую зависимость и вменяемость, а также недопущение к работе в полиции ранее судимых или входивших в бандформирования граждан; однако при этом стоит отметить, что, во-первых, сразу же после внесения законопроекта на рассмотрение поступили предложения об отмене этого положения для ряда регионов России, а во-вторых, в этой своей части Закон оперирует некорректными терминологическими единицами (например, термина *токсическая зависимость*, используемого в п. 4 ст. 35, на данный момент в законодательстве не существует, и он никак не разъяснен – указывается лишь, что он включает в себя алкоголизм, наркоманию и некие *иные зависимости*, и остае-

ся неясным, к примеру, относится ли к таким зависимостям употребление лекарственных препаратов, вызывающих умеренное привыкание). Другим заявленным новшеством является введение презумпции законности по отношению к действиям полицейских: их требования считаются правомерными «до тех пор, пока в предусмотренном законом порядке не установлено иное» (Балашов, 2010). Таким образом, одной формулировкой моментально нивелируются все ограничения, прописанные в предыдущих статьях Закона; кроме того, словосочетание *предусмотренный законом порядок* может восприниматься как минимум в трех смыслах: как согласование с конкретным законодательным актом, как согласование со всем комплексом законов РФ и как выяснение правомерности действий сотрудника полиции при проверке либо в суде. Мы видим, что даже те нововведения, которые действительно присутствуют в Законе, с лингвистической точки зрения сформулированы крайне расплывчато. Тот факт, что смена названия органов исполнения правопорядка носит, прежде всего, имиджевый характер и весьма незначительно затрагивает их реальные функции и методы деятельности, признается и специалистами в области юриспруденции (Кобылкин, 2011, с. 150).

Таким образом, если изучить текст Закона «О полиции», можно понять, что принципиальных отличий между сущностью и содержанием юридических терминов *милиция* и *полиция* нет, тогда как для рядового носителя языка разница между ними представляется существенной. С этой точки зрения, безусловно, акцентирование законодателем внимания на незначительных, «косметических» изменениях, таких как увеличение «прозрачности» ведомства, при сохранении неизменными основных положений, ориентировано именно на восприятие Закона рядовым гражданином (тем более что текст законопроекта был доступен широким массам через Интернет), а не специалистом в области юриспруденции. Безусловно, смена названия основного правоохранительного органа рассчитана на повышение его престижа в глазах россиян, однако за ней на данный момент не стоит никаких существенных изменений. Можно констатировать, что как законодательные термины слова *милиция* и *полиция* равнозначны, в от-

личие от их общеупотребительных аналогов. Единственной относительно значимой причиной, которой можно объяснить создание нового термина, является декларировавшееся на момент принятия Закона стремление России вступить в Международный союз полицейских организаций, членом которого государственная милиция быть не могла; однако такого объяснения недостаточно для того, чтобы счесть термин *полиция* действительно обладающим самостоятельным правовым смыслом, а не производным от ранее существовавшего термина *милиция*. Иными словами, имеет место манипулирование общественным сознанием не только в отношении граждан РФ, но и в отношении международного сообщества. Смена наименования правоохранительных органов была обусловлена сиюминутными целями законодателя, не означала каких-либо реальных изменений в их работе и была призвана лишь создать видимость наличия таковых; следовательно, термин *полиция* в том виде, в котором он функционирует в российском законодательстве, можно считать манипулятивным.

Манипулятивность терминов может актуализироваться вследствие неверного принципа их формирования. Согласно общепринятому способу конструирования юридических терминов, в основе каждой терминологической единицы должна лежать некая реалья, имеющая строго определенный смысл и изначально заданные координаты в системе правовых отношений; только при наличии такой реалии для ее обозначения подбираются единицы естественного языка, наделяющиеся дополнительным юридическим значением и приобретающие в итоге свойства терминов. Однако мы вынуждены отметить, что в ряде случаев в современном российском законодательстве происходит прямо противоположный процесс, в ходе которого сначала конструируется некая терминологическая единица, а уже потом под нее подбирается то значение, которое наиболее удобно законодателю. В данном случае можно говорить о терминах, не имеющих определенного значения и, следовательно, манипулятивных по самой своей природе. Такие формулировки могут приобретать манипулятивную направленность в силу своей расплывчатости и наличия фактических смысловых ошибок.

Особенно ярко указанная тенденция проявляется тогда, когда законодатель создает правовой акт, требующий формирования новых терминологических единиц, без учета сложившейся законотворческой традиции, преследуя некие сиюминутные цели. Манипулятивность таких формулировок, то есть преднамеренное желание законодателя исказить картину мира правоприменителя, даже может декларироваться открыто. В данном смысле показательна недавняя инициатива по внесению дополнений в Уголовный и Административный кодексы, криминализирующих *сознательный обман аудитории работниками СМИ, направленный на поддержку терроризма, интервенции, сепаратизма и геноцида*. Не касаясь вопроса о предлагаемой практике пресечения предлагаемой практики, предполагающей перенесение ответственности с непосредственных исполнителей – работников СМИ – на их руководителей, отметим, что при всей объемности и внешней солидности данного терминологического сочетания оно лишено сколько-нибудь реального содержания. Во-первых, не поясняется, каким образом будет определяться *сознательность* действий журналиста и подпадает ли под соответствующие ограничения, например, непреднамеренная публикация ложной информации, за которой следует опровержение. Во-вторых, из предлагаемой формулировки следует, что введение в заблуждение совершается непосредственно работником СМИ, но вопрос о том, допустимо ли ссылаться на непроверенную информацию, опубликованную другими СМИ или частными лицами, никак не проясняется. Кроме того, крайне расплывчатыми с правовой точки зрения представляются словосочетания типа *поддержка интервенции* (нет единой нормы, определяющей, что именно считать *поддержкой интервенции* и насколько широко сама *интервенция* трактуется). Особо отметим, что проблемы с терминами данного смыслового ряда возникают далеко не впервые, и ранее Закон «О противодействии экстремистской деятельности» уже подвергался критике за недостаточную ясность и разграниченность таких важных терминов, как *экстремизм, экстремистская деятельность, терроризм* и т.д.. Даже такие лингвисты, как В. А. Мишланов и В. А. Салимовский, защищающие многие спорные формулировки закона «О противодействии экстреми-

стской деятельности», вынуждены признать, что с точки зрения языка права современное российское законодательство в соответствующей сфере далеко не идеально (Мишланов, 2013, с. 166). Расширение применения спорных терминологических единиц, на наш взгляд, может привести к снижению уровня юридической корректности законодательных актов, а также, соответственно, и к дальнейшему усугублению тех затруднений при интерпретации терминов, с которыми носители естественного языка сталкиваются при ознакомлении с текстами права уже сейчас.

Возвращаясь к анализу предложенной формулировки, отметим, что она не разъясняет, при каких обстоятельствах личное мнение или гражданская позиция журналиста может превратиться в *сознательный обман аудитории*. Наконец, вызывает закономерное удивление предложение создать новое терминологическое словосочетание для обозначения действий, которые фактически уже описываются иными терминами.

Еще одним примером применения указанной практики, при которой термин фактически не имеет значения и приобретает тот правовой смысл, который законодателю наиболее удобен в данный конкретный момент, может служить словосочетание *политическая деятельность*, употребляющееся в законопроектах и действующих правовых актах без расшифровок и пояснений. Поскольку нет никаких указаний, насколько широко следует трактовать данное понятие, отсутствуют и реальные границы правоприменения, в рамках которых оно могло бы рассматриваться. Между тем, при практическом использовании термина *политическая деятельность* естественным образом возникают вопросы относительно того, какие именно действия можно уверенно и однозначно квалифицировать как политические. К примеру, участие в выборах или регистрация политической партии непременно будут рассматриваться именно как политическая деятельность. В то же время организация митинга или иного массового мероприятия частным лицом с целью привлечь внимание к некой политической проблеме вовсе не обязательно свидетельствует о непосредственно политической активности и служит скорее способом выражения гражданской позиции.

Участие в предвыборной агитации на стороне того или иного кандидата может осуществляться и в рамках предпринимательской или творческой деятельности. Однозначно определить ту грань, при переходе которой та или иная форма активности субъекта становится откровенно политической, а не просто политизированной, и должна регулироваться соответственно, на данный момент весьма затруднительно. Соответственно, мы сталкиваемся с ситуацией, в которой трактовка термина полностью зависит от его восприятия законодателями и правоприменителями – и нет никаких гарантий того, что обе эти стороны будут заведомо солидарны в его истолковании.

Показательным в плане нарушения требования общеупотребительности термина и создания возможностей для манипуляции является и недавно изобретенное терминологическое словосочетание *склонение к коррупционным действиям*, впервые употребленное в 2009 году в одном из нормативных актов г. Омска и с тех пор успевшее получить некоторое распространение. Основной проблемой при его оценке является даже не сомнительная сочетаемость лексических единиц (термин *склонение* <к чему-либо> употребляется в законодательстве в принципиально ином смысле, не имея отношения к *коррупционным действиям*, т.е. однозначно нарушено требование общеупотребительности), а отсутствие фактического содержания у данной формулировки. Несмотря на то, что термин начал применяться, он так и не получил подобающего истолкования: так, остается непоясненным, что именно подразумевается под данным видом *склонения*, в каких формах оно может выражаться и в каких ситуациях проявляется. Таким образом, учитывая расплывчатость формулировки, можно смело утверждать, что рассматриваемый термин оставляет огромный простор для манипуляции: теоретически данное определение может легко сделаться оружием в руках недобросовестных граждан, против которых оно изначально и было направлено. Ведь если нет точных критериев оценки того, что считать *склонением к коррупционным действиям*, то под это обвинение невозможно подвести доказательства; следовательно, привлечь виновного к ответственности окажется достаточно трудно; в то же время этот термин, не имеющий официальной трак-

товки, однако обладающий ярко выраженной коннотацией, может быть использован с целью очернения репутации определенных лиц. Поскольку юридического смысла это словосочетание не имеет, нам остается лишь классифицировать его как манипулятивный термин.

Схожие ситуации складываются в тех случаях, когда законодатель пытается терминологизировать слово или словосочетание, которое даже в естественном языке не имеет определенного значения. В качестве подобного примера можно рассмотреть инициативу заместителя председателя комитета верхней палаты парламента по социальной политике И. Чернышева, предложившего разработать законопроект, предусматривающий ограничение доли *негативной информации* в СМИ. Прилагательное *негативный* в данном случае трактуется в сугубо бытовом ключе, в значении «вызывающий негативные эмоции», однако с точки зрения юриспруденции оно лишено правового смысла, поскольку отношение к эмоциям у каждого субъекта права индивидуально, и нет ясности в определении того, насколько обоснованно можно называть ту или иную информацию *позитивной* либо *негативной*, поскольку сама по себе *информация* не несет оценочной составляющей и приобретает ее исключительно в сознании правоприменителя. Если предложенный термин касается только сферы «этических норм», как утверждает создавший его законодатель, то он не может быть рассмотрен как наделенный строго конкретным значением, и тем самым однозначно не соответствует требованиям однозначности и общепонятности. Если же имеется в виду информация, способная подтолкнуть к совершению противоправных действий, то в разработке каких-либо новых терминологических единиц нет смысла, поскольку ее распространение уже криминализировано. Таким образом, можно констатировать, что в указанном случае мы наблюдаем очередную инициативу по закреплению в правовом поле российского законодательства заведомо манипулятивной формулировки, не несущей совершенно никакой правовой нагрузки. Подобные прецеденты уже отмечались ранее: так, в ныне действующем законодательстве фигурирует термин *атрибутика*, который не только не дефинирован, но и основан на единице естественного языка,

имеющей достаточно расплывчатое, сливающееся с близкими по смыслу значение. С правовой точки зрения нет абсолютной ясности в том, чем именно *атрибутика* отличается от *символики*, тем более что символ, особенно иконического типа, часто сам по себе является атрибутом (отличительным признаком, неотъемлемо присущим некому объекту или связанным с ним). Поскольку даже в естественном языке грань между двумя понятиями можно считать условной, включение указанного термина в законодательные акты сложно назвать хорошо мотивированным шагом.

Перейдем к рассмотрению ситуаций, в которых термины, заведомо не создававшиеся с целью влияния на правовое сознание адресата или его восприятие действительности в целом, приобретают негативный потенциал, позволяющий использовать их с данной целью. Соответствующее явление мы выше охарактеризовали как манипулятивный потенциал и в дальнейшем будем придерживаться данного обозначения.

Как мы уже указывали, возникновение у конкретной терминологической единицы манипулятивного потенциала чаще всего объясняется ее несоответствием критериям, которые предъявляются к юридическим терминам, при их формулировании и создании. Коренное отличие таких единиц от непосредственно манипулятивных терминов – наличие у них юридического значения (пусть и не вполне определенно выраженного); однако их правовой смысл передается таким образом, что его восприятие адресатом законодательного текста может быть легко искажено. Нам представляется возможным выделить несколько типовых нарушений требований, предъявляемых к юридическим терминам, которые могут приводить к возникновению возможностей для использования отдельных формулировок с целью манипулирования:

- 1) нарушения требования однозначности – отсутствие определения, наличие нескольких противоречивых определений, наличие определения в естественном языке при его отсутствии в языке юридическом;

2) нарушения требования общеупотребительности – коренное противоречие между смыслом термина в естественном языке и его толкованием в юриспруденции;

3) нарушения требования устойчивости – различные толкования одного термина в разных законодательных актах.

Таким образом, как видим, проблема манипулятивного потенциала юридических терминов крайне тесно связана с вопросом соблюдения правил их создания, о которых мы уже говорили выше. Ниже мы представим анализ нескольких единиц, обладающих явным манипулятивным потенциалом, с целью демонстрации распространенных причин возникновения исследуемого нами явления.

Некоторые терминологические единицы приобретают манипулятивный потенциал в силу своей неопределенности, что влечет за собой противоречивость в процессе их применения на практике. Так, О. В. Романовская, анализируя использование и толкование термина *объединение граждан* в решениях Конституционного Суда РФ и региональных органов власти, пришла к выводу, что данная формулировка, являясь одной из базовых, в то же время трактуется без подобающего единообразия; как следствие, термин приобретает такие значения, которые первоначально не предусматривались (то есть, с нашей точки зрения, искажает правовую картину мира адресата юридического текста), а это, в свою очередь, провоцирует рассогласование законодательных актов (Романовская, 2009, с. 198). Тем не менее, мы не склонны полагать, будто подобные терминологические единицы конструируются с целью влияния на правовое сознание – в описанном О. В. Романовской случае, как и в большинстве аналогичных ситуаций, манипулятивный потенциал оказывается лишь нежелательным побочным эффектом нарушения правил построения юридических терминов.

Примером наличия у изначально не создававшегося для манипуляции общественным сознанием термина манипулятивного потенциала можно считать формулировку *материнский капитал*. В данном случае возможность ма-

нипуляции появляется из-за нарушения принципа терминологической общепотребительности и тесно связана с функционированием соответствующих лексических единиц в естественном языке. Нет никаких сомнений, что изначально данный термин не был введен в законодательство с целью манипуляции, однако нельзя не заметить, что его недобросовестная трактовка вполне подпадает под определение манипулирования, поскольку при помощи этого термина отдельных граждан Российской Федерации преднамеренно вводили в заблуждение относительно их прав. В данном случае проблема заключается в неудачном выборе языковых средств для конструирования термина – вместо «нейтрального» слова *родительский*, не допускающего двояких толкований и не имеющего никаких специфических коннотаций ни в юридическом, ни в естественном языке, законодатель использовал слово *материнский*, позволяющее использовать терминологическое словосочетание в целом для умышленного обмана граждан и манипуляции их сознанием (т.е. для создания ложной убежденности в том, что данные выплаты предназначены исключительно для женщин, в то время как по закону их вправе получать и мужчины). Этот факт показывает нам важность тщательного отбора языковых средств, которые ложатся в основу юридической терминологии – ведь неправильное истолкование единственного слова, употребленного в правовом акте, может привести к существенным ошибкам при правоприменении и к использованию этого термина с целью манипуляции.

Среди основных проблем, вызывающих возникновение у юридических терминов манипулятивного потенциала (а иногда и напрямую приводящих к конструированию манипулятивных вербальных конструкций в правовом поле), можно считать недостаточную проработанность и устойчивость терминологической системы в определенных областях. Прежде всего, это относится к вновь возникшим юридическим реалиям, для обозначения которых не были созданы корректные формулировки или чьи обозначения излишне расплывчаты. Как следствие, возникают нарушения одного из базовых требований к юридическим терминам, а именно требования устойчивости.

В качестве примера можно привести термин *информационно-телекоммуникационные сети*, фигурирующий в ряде правовых актов, регулирующих деятельность средств массовой информации. Как мы можем отметить, при наличии относительно устойчивого значения это словосочетание порой используется таким образом, что даже сами законодатели затрудняются определить, какую из его трактовок считать приоритетной. Это приводит к дополнительным затруднениям при правоприменении.

У вышеупомянутого термина *информационно-телекоммуникационные сети* имеется общепринятая устоявшаяся расшифровка (*технологические системы, предназначенные для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники*). Таким образом, на практике он, как правило, обозначает сеть Интернет. Однако в законопроекте №445393-6 «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”», направленном на рассмотрение в начале февраля 2014 года, тот же термин используется безо всякой привязки к Интернет-коммуникации (как следует из пояснительной записки – применительно к телевидению). Следовательно, возникает коллизия, при которой требование ограничить *с 7 часов до 24 часов размещение в информационно-телекоммуникационных сетях сообщений и демонстрацию изображений, содержащих информацию о преступлениях или иных противоправных действиях, сопряженных с демонстрацией и описанием жестокости, физического и (или) психического насилия, совершаемых лицами в возрасте до 18 лет* по своей сути направлено на телевизионную коммуникацию, но сформулировано так, что при утверждении законопроекта в неизменном виде будет действовать в отношении Интернета. Следует заметить, что это может повлечь за собой не только смысловое размытие уже получившего стабильное правовое значение юридического термина и возникновение полисемии, но и создание правовых актов, применение которых в силу такой терминологической неустойчивости будет затруднено. Достаточно отметить лишь, что в сети Интернет размещение тех или иных материалов происходит спонтанно, без предусмотренного законопроек-

том жесткого графика, так что в нынешней своей версии данный текст выглядит абсурдно. С другой стороны, с учетом перехода телевизионных сетей на цифровое вещание и распространением «онлайн-телевидения», нет четких рамок, в которых уже существующим термином можно оперировать с полной уверенностью. Нам представляется, что для окончательного разрешения возникшей проблемы целесообразно закрепить за уже созданным термином *информационно-телекоммуникационные сети* его основное значение, а для юридически корректных обозначений различных телевизионных сетей создать новую терминологическую единицу или надлежащим образом скорректировать одну из ныне используемых.

Отдельно стоит рассмотреть манипулятивный потенциал терминологических словосочетаний, содержащих слово *пропаганда*, широко использующееся в современном российском законодательстве, но в большинстве случаев не поддающееся однозначной интерпретации.

В частности, если говорить о терминологическом словосочетании *пропаганда наркотиков*, то оно трактуется (в соответствии с Законом РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах») как *распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения и преимуществах использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров*. Вне законодательства термин *пропаганда* определяется шире – как «распространение политических, философских, экономических, технических и иных знаний и идей, а также эстетических и морально-нравственных ценностей».

Как мы видим, во втором случае акцент явно делается на распространение неких ценностей, а не на простое предоставление информации; налицо если не нарушение требования общеупотребительности терминологических единиц, то, по меньшей мере, частичное его несоблюдение. В естественном языке слову *пропаганда* присуща определенная окраска: во-первых, оно связывается с тем самым аксиологическим компонентом, который, как мы уже отмечали, далеко не всегда может быть регулируемым юридически; во-вторых, оно подразумева-

ет не обычное сообщение некой информации, а эмоционально окрашенное, призывающее к тому или иному образу мышления и действий или навязывающее его в ущерб интересам адресата. Чаще всего данное понятие встречается в негативном контексте. Одновременно с этим в естественном языке иногда возникают словосочетания, где слово *пропаганда* трактуется положительно (пропаганда здорового образа жизни, пропаганда спорта и т.п.). Таким образом, в Законе естественное значение термина как бы сужается, сводится к «распространению сведений», что приводит к определенной смысловой неполноте.

К тому же в своем нынешнем виде термин обладает некоторым манипулятивным потенциалом, поскольку в соответствии с данной формулировкой совершенно любое сообщение сведений о *способах разработки* наркотических веществ будет являться их пропагандой, даже если изложено в сугубо научном стиле и с соответствующими целями. Кроме того, в связи с большим количеством недавно возбужденных уголовных дел против лиц, якобы осуществлявших пропаганду наркотиков, представляется необходимым переформулировать определение данного термина, поскольку в подавляющем большинстве случаев ответчики, не предоставлявшие совершенно никаких сведений о *способах, методах разработки, изготовления и использования* наркотиков, однако использовавшие определенные образы при рекламе своей продукции, все же были оштрафованы. Нельзя не отметить, что при попытках оправдать свои действия эти граждане ссылались именно на анализируемую нами формулировку, утверждая (с формальной точки зрения справедливо), что их деятельность не подпадает под вышеуказанное определение. Тот факт, что суд все же признал вину ответчиков, демонстрирует нам некую «брешь» в современном российском антинаркотическом законодательстве: несмотря на то, что в Законе *пропаганда наркотиков* определена одним образом, на практике используется совершенно другая трактовка, гораздо более широкая (и более соответствующая естественному значению слова *пропаганда*), под которую, однако, не подведена сколько-нибудь серьезная правовая база. Таким образом, фактически судебные решения были вынесены не в соответствии с Законом, а на основе субъективных

заключений правоприменителя. С лингвистической точки зрения представляется необходимым переформулировать определение *пропаганды наркотиков* или заменить данное словосочетание на более однозначно трактуемый термин. В противном случае не исключено, что лица, фактически (если считать легитимными уже вынесенные судебные решения) пропагандирующие наркотические вещества, сумеют избежать наказания, тогда как граждане, не преследовавшие целей пропаганды, могут оказаться заподозренными в ней (в данном случае мы имеем в виду, прежде всего, научные публикации в области медицины, социологии и иных наук, так или иначе связанных с данной тематикой: согласно нынешнему законодательству, отдельные их элементы могут быть рассмотрены как пропаганда, что, разумеется, абсурдно).

Отметим, что в российском законодательстве вообще возникает множество трудностей при определении *пропаганды*; это слово входит в состав множества составных терминов, каждый из которых имеет особенности истолкования, и единое понимание пропаганды выявить затруднительно. Например, в ст. 4 Закона «О средствах массовой информации» мы встречаем сочетание *пропаганда порнографии*, которое длительное время не поддавалось расшифровке хотя бы в силу того, что в законодательстве до 2012 года не было принятого и зафиксированного определения самой *порнографии* (в соответствии с Законом №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», данный термин следует понимать следующим образом: *информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного*). Все то время, что рассматриваемая формулировка находилась в тексте Закона до фиксации определения самого понятия порнографии, имела место ситуация, при которой возникала смысловая коллизия — термин не имел объяснения, и было не вполне ясно, что именно пропагандируется и каким образом. Так как у термина не было содержания, которое было бы прописано в Законе (несмотря на достаточно явную интенцию законодателя),

он приобретал манипулятивный потенциал: фактически, любой гражданин был в состоянии обвинить некое издание или организацию в *пропаганде порнографии*, ориентируясь исключительно на собственное понимание данной формулировки. Но и после уточнения правовых норм остается теоретическая вероятность использования данного терминологического сочетания для манипулирования общественным сознанием: хотя теперь его правовой смысл выражен значительно более четко, и возможность ложных интерпретаций снизилась, остается вопрос, связанный с самим понятием пропаганды – грань между размещением некой информации, ее навязыванием и попыткой вовлечения адресата в ее производство или потребление по-прежнему зыбка.

Схожим по своим лингвистическим характеристикам примером терминологического сочетания со словом *пропаганда*, не имеющего юридического значения, нам представляется формулировка *пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних*, впервые введенная в употребление Законодательным Собранием г. Санкт-Петербурга.

В ноябре 2011 года Законодательное Собрание Петербурга приняло в первом чтении проект закона «О внесении изменений в закон Санкт-Петербурга “Об административных нарушениях в Санкт-Петербурге”», в котором было предложено наказывать административным штрафом *публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних*. При этом даже сами законодатели признавали, что смысл данного термина не вполне понятен. Даже если считать перечисленные в представленной формулировке явления «взглядами и идеями», которые можно «внедрять в общественное сознание», остается категорически непонятным, какие именно *публичные действия* могут способствовать такому внедрению. Очевидно, что к ним не будет относиться, к примеру, размещение изображения радуги в общественных местах, которое депутат ЗС Петербурга Е. Бабич предложила приравнять к административным правонарушениям по той причине, что радуга используется в качестве символа борьбы за права сексуальных меньшинств – крайне сомнительно, чтобы у существенной

части населения (тем более у несовершеннолетних) данное изображение ассоциировалось с гомосексуальностью.

Используемая в законопроекте формулировка не дает четкого ответа на вопрос, какие именно действия, подпадающие под определение *пропаганды*, в данном случае будут административно наказуемыми. К примеру, даже после принятия вышеупомянутого Закона «О защите детей от информации...» продолжают вестись споры о том, следует ли включать в число таких действий размещение неких материалов в Интернете, который априори является публичным пространством и доступен для несовершеннолетних. Поскольку *трансгендерность* также отнесена в законе к явлениям, пропаганда которых при помощи публичных действий административно наказуема, возникает другой вопрос – насколько широко нужно трактовать это понятие и не окажется ли в таком случае, что штрафы должны налагаться, например, на артистов пародийного жанра, практикующих переодевание в одежду, ношение которой свойственно представителям противоположного пола? При буквальном, прямом истолковании вновь созданного терминологического словосочетания такие действия, очевидно, должны пресекаться штрафами, однако весьма сомнительно, чтобы законодатели рассчитывали именно на такую трактовку. Вероятно, в данном случае мы сталкиваемся даже не с юридической, а с фактической, смысловой ошибкой, поскольку авторы законопроекта, судя по всему, имели в виду другой термин – «транссексуальность», который, однако, обозначает специфическое расстройство психики, возникающее в раннем возрасте не под воздействием внешних причин, и, следовательно, не может пропагандироваться. Иными словами, мы можем наблюдать в законопроекте не только нарушения требования общепонятности термина, но и явную подмену понятий, при которой случайно или преднамеренно меняются местами неравнозначные (как фактически, так и юридически) явления. С учетом того, что в анализируемом термине содержатся явные смысловые неточности, его распространение в ныне принятой трактовке может способствовать искажению картины мира у населения, т.е. он обладает манипулятивным потенциалом.

Тем не менее, впоследствии этот и схожие термины не только стали активно использоваться, но и начали порождать производные. К примеру, в поправках, внесенных в Кодекс об административных правонарушениях, содержится формулировка, раскрывающая значение термина *пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних* как, в числе прочего, *навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям*. Если изначально в составе терминологического словосочетания предполагалось использовать слово *гомосексуализм*, обладающее относительно конкретным значением, то понятие «нетрадиционных сексуальных отношений» не имеет определенных границ и не раскрыто законодателем, что оставляет массу вопросов относительно порядка его применения. Очевидно, что «традиционность» не является юридически значимым критерием, поскольку представления о ней, особенно в столь деликатной области, могут крайне сильно варьироваться в зависимости от личных убеждений и культурных особенностей общества в целом; это фактически делает интерпретацию данного словосочетания задачей непосредственно правоприменителя. Что же касается ряда явлений, потенциально подпадающих под указанное определение (педофилии и т.п.), то они уже криминализованы в соответствии с действующими правовыми нормами. В указанной формулировке подчеркнута та составляющая, которая ярко проявляется в восприятии естественного значения слова *пропаганда* и придает ему отчетливую негативную коннотацию (*навязывание*). Но каким образом планируется отличать *навязывание информации* (особенно *с применением информационно-телекоммуникационных сетей*) от добровольного ее потребления или предоставления по запросу адресата, не поясняется. Использование слова *интерес* в рассматриваемой формулировке также выглядит несколько спорным, поскольку интерес может иметь различный характер. Определить, в каких именно обстоятельствах сформирован интерес к чему бы то ни было, какую конкретную направленность он имеет и использовалось ли в процессе его становления навязывание той или иной информации против воли субъекта, затруднительно без помощи специалиста в области пси-

хологии и проведения соответствующей экспертизы. Такую же специфику имеет словосочетание *приоритетность сексуальных отношений*, предлагавшееся к терминологизации рядом депутатов: в данном случае не прояснено, в чем заключается *приоритетность*, за демонстрацию которой предлагалось ввести ответственность, и по отношению к чему она проявляется.

Практически аналогично по своим характеристикам словосочетание *пропаганда русофобии*, которое предлагалось терминологизировать в законопроекте, внесенном на рассмотрение в марте 2014 года, вызвавшем значительный общественный резонанс и вскоре отозванном. Данный термин планировалось толковать как *распространение в средствах массовой информации, а также путем проведения публичных шествий, пикетирований, собраний, митингов или сбыта специфической атрибутики, печатных, изобразительных, видео- и аудиоматериалов недостоверной негативной информации, направленной на формирование отрицательного отношения к России или к русским, а также русскому языку, культуре, государственности*. Такая формулировка вызывает немало вопросов как с лингвистической, так и с юридической точки зрения (в частности, действия, описываемые здесь как *распространение недостоверной негативной информации*, равно как и информации, разжигающей межнациональную рознь, уже давно криминализованы и подпадают под запрет в соответствии со многими правовыми актами, от Конституции Российской Федерации до статьи 282 УК РФ). Кроме того, отождествление негативного отношения к многонациональной и мультикультурной России с неприязнью к русскому народу оставляет у правоприменителя впечатление, будто бы все прочие этносы, живущие на территории Российской Федерации, оказываются дискриминированными и лишенными особой правовой защиты. Непонятно также, где проходит граница между критическим (или даже ироническим) высказыванием и информацией, заведомо направленной на *формирование отрицательного отношения*; не разъясняется, почему в таком случае преступлением предлагается считать *пропаганду русофобии*, а не собственно русофобию как одну из многочисленных разновидностей ксенофобии (в соответствии с нормами ныне дейст-

вующего законодательства большинство форм выражения ксенофобии уже являются юридически неприемлемыми). Если бы законопроект не был срочно отозван, а оказался принят, в российском юридическом языке утвердилась бы еще одна формулировка типично манипулятивного характера, сама вероятность причисления которой к терминологическим единицам была бы сомнительна. Юридический термин должен отвечать на вопрос о сути правовой реалии, им обозначаемой; в том же случае, когда терминологизируемая лексика сама порождает дополнительные вопросы, уровень ее эффективности стремится к нулю.

В общем и целом мы можем сделать обоснованный вывод, что любые словосочетания, имеющие в качестве одного из компонентов слово *пропаганда*, в законодательстве должны определяться максимально точно, во избежание возникновения у них манипулятивного потенциала и утраты терминами подлинного правового смысла. Нам представляется наиболее удачным решением полное устранение указанного слова из правовых актов и замена его на более нейтральные, точные и более полно отражающие юридические значения терминов лексические единицы.

Проведя исследование ряда терминологических формулировок, мы можем утверждать, что проблема манипулятивности и манипулятивного потенциала юридической терминологии является насущной и требует решения. На наш взгляд, основными путями устранения данной проблемы должны стать такие меры, как:

- 1) разработка развернутых и точных определений для уже существующих терминов, чьи дефиниции недостаточно конкретны или отсутствуют;
- 2) ревизия терминологической базы с целью ликвидации манипулятивных формулировок, не несущих реального правового смысла;
- 3) осуществление предварительных лингвистических экспертиз законопроектов, включающих анализ восприятия юридических текстов носителями естественного языка.

В следующем разделе опишем основные дефекты и затруднения, связанные с конструированием новых терминологических единиц и обозначением недавно возникших правовых реалий.

2.4. Дефекты и затруднения, связанные с конструированием новых терминологических единиц и обозначением недавно возникших правовых реалий

Как уже отмечалось, чаще всего ошибки, трудности и недочеты, присущие юридическим терминам, функционирующим в ныне действующем российском законодательстве, и приводящие к неверной трактовке, злоупотреблениям, правовым коллизиям и прочим проблемам на уровне их интерпретации, возникают в ходе терминологизации. Выше мы уже рассматривали затруднения, возникающие при переносе единиц естественного языка в юридический. Однако отдельного внимания заслуживают и вопросы, связанные с созданием совершенно новых для российского права терминологических единиц, призванных обозначить недавно возникшие или нуждающиеся в юридическом закреплении реалии. Если давно принятые и длительное время функционирующие в правовом поле формулировки можно считать относительно устоявшимися и менее подверженными инотолкованиям и злоупотреблениям, то вновь создающиеся термины, ранее не применявшиеся и не испытанные на практике, чаще содержат дефекты, позволяющие использовать их для манипуляции правосознанием или затрудняющие претворение законодательных норм в жизнь. Можно указать на две противоположные ситуации, в равной степени проблемные с точки зрения лингвистики, в которых актуализируются наиболее опасные недочеты правовой терминологии: в первом случае речь идет о попытках законотворцев создать обозначение для некоего предмета, еще не получившего строго установленного правового смысла (или в принципе не способного им обладать), тогда

как во втором можно говорить о сложностях, с которыми законодатель сталкивается при правовом регулировании той сферы, в которой новые реалии возникают с высокой периодичностью. Ситуации первого типа особенно чреваты формированием манипулятивных терминов и возникновением неработающих законов; в случаях, соответствующих второй модели, правотворец рискует «потеряться» в огромных по объему массивах информации, что может угрожать утратой смысловой связи между новыми и уже существующими терминами и в более отдаленной перспективе привести к аналогичным последствиям.

Ниже мы рассмотрим потенциальные проблемы, возникающие в ситуациях, связанных с конструированием новых терминологических единиц (на примере Закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний») и модификацией терминологии при регулировании быстро развивающихся областей права (на примере терминологии, относящейся к сфере электронной коммуникации), соответственно.

2.4.1. Ошибки при создании новых терминологических единиц как источник трудностей при правоприменении

В качестве примера правового акта, содержащего многочисленные спорные формулировки и признаки небрежности в конструировании новых юридических терминов, можно привести Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний», в массмедиа более известный как «Закон об оскорблении

чувств верующих», вызвавший оживленную общественную дискуссию, направленную на выявление ошибок и недочетов, допущенных при его составлении. Вопросы корректности и этичности законопроекта поднимались многими журналистами, правозащитниками, политическими и религиозными деятелями. На наш взгляд, необходимо обращать особое внимание на восприятие новообразуемых терминологических единиц как специалистами в области юриспруденции, так и представителями общественности, а также носителями обыденного сознания, поскольку их учет необходим для более успешного анализа недавно сконструированного термина и его проверки на предмет соответствия ключевым требованиям.

Нельзя не отметить, что важное место в ходе обсуждения предложенного к рассмотрению правового акта занимала проблема соответствия использованных в нем терминов требованиям юридического языка. Это один из сравнительно немногих случаев прямого выражения мнений граждан о правовой терминологии, поэтому, на наш взгляд, имеет смысл обратить внимание на то, каким образом носители естественного языка восприняли законопроект с лингвистической точки зрения.

Ниже мы рассмотрим некоторые особенности восприятия отдельных вновь созданных терминов, употреблявшихся в указанном правовом акте, гражданами, и проанализируем их с точки зрения юрислингвистики.

Основной вопрос, поднимавшийся в ходе обсуждения законопроекта, касается главной, основополагающей формулировки, на которой он построен – термина *религиозные чувства*. Отдельные общественные деятели выступили с критикой данного понятия, указывая на то, что его фиксация в законодательном пространстве может привести к многочисленным злоупотреблениям в силу размытости его содержания. Так, общественно-политическая деятельница И. Хакамада заявила, что «чувство – понятие расплывчатое», и оно не дает полного представления о том, что же именно подразумевается под указанной формулировкой. Схожее мнение (преимущественно с юридической, а не лингвистической позиции) высказал в открытой дискуссии на радио «Свобода» и правоза-

щитник Л. Пономарев («чувства... элемент не очень осязаемый», «это не юридический термин – оскорбление чувств верующих»). Использование словосочетания *религиозные чувства* сочли некорректным даже некоторые представители тех кругов общества, которые сложно подозревать в отрицательном отношении к религии как таковой – к примеру, священник и публицист П. Адельгейм прокомментировал эту формулировку следующим образом: «чувства нужно воспитывать, а защищать надо права».

Ключевой термин правового акта – *публичные оскорбления религиозных убеждений и чувств граждан* – представляется в существенной степени расплывчатым с точки зрения юрислингвистики. Само определение термина *оскорбление*, зафиксированное в законодательстве, звучит как *умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме* (УК РФ, ст. 130), однако, во-первых, в данной формулировке явно подчеркивается, что у оскорбительного высказывания всегда имеется конкретный адресат, во-вторых, обращается внимание на форму оскорбительного сообщения (хотя точные границы понятия «неприличности» остаются достаточно неопределенными). В. И. Шаховский отмечал, что словосочетание *неприличная форма*, использованное в указанной формулировке, не имеет толкования в рамках ныне действующего законодательства (Шаховский, 2012, с. 19). В то же время, как указывает В. И. Жельвис, некоторые особо грубые высказывания могут рассматриваться как «оскорбления общественного вкуса» и считаться однозначно неприемлемыми, даже если они не адресованы некой персоне (Жельвис, 2000). Тем не менее, даже если трактовать термин *оскорбление* достаточно широко, остается непонятным, какие именно лексические единицы окажутся выходящими за рамки законного словоупотребления в каждом конкретном случае. Это связано как с огромным количеством разнообразных форм *религиозных убеждений и чувств* (данную часть формулировки мы проанализируем ниже), так и с критерием умышленности, который связан с понятием оскорбления. Даже если предположить, что некое сообщение, выражающее пренебрежительное отношение к той или иной религии, высказанное в присутствии считающего себя

верующим гражданина и выраженное в форме, которую явно можно счесть неприличной, действительно напрямую заденет честь и/или достоинство конкретного лица, оно не будет оскорбительным в полном смысле слова до тех пор, пока говорящий не осознает, что перед ним находится адепт соответствующей конфессии. Открытое высказывание враждебных по отношению к религии взглядов, не сопровождаемых нападками на чью-либо личность, также не является оскорблением.

Ко всему прочему, критерий публичности, который предлагалось добавить к понятию оскорбления в отправленном на доработку законопроекте, также вызывает ряд вопросов. Оскорбление всегда подразумевает наличие адресата – если такового нет, у агрессора отпадает необходимость в посягательстве на чью-либо честь. Следовательно, *публичность* в данном случае должна подразумевать наличие третьих лиц, в присутствии которых оскорбление было высказано, или обнародование оскорбительного сообщения при помощи разного рода средств коммуникации. Однако это дополнение, как ни странно, снижает потенциальную эффективность законопроекта, поскольку подразумевает, что *оскорбление религиозных чувств*, совершенное не при свидетелях, а в частном порядке, вдруг перестает квалифицироваться как оскорбление в «широком смысле» и переходит в разряд «обыденных оскорблений», использование которых карается соответствующей статьей УК РФ. Таким образом, использование данного критерия еще сильнее размывает и без того неопределенное понятие, порождая сомнение в том, что новая юридическая реалья, которую якобы обозначает предлагаемый термин, вообще чем-то отличается от той, которая уже зафиксирована в законодательном пространстве. Однако сама суть юридического термина состоит в том, что это слово или словосочетание, обозначающее одно из ключевых понятий правовой нормы (Хижняк, 1997). В случае, когда у термина нет единой трактовки, он перестает выполнять свои функции, поскольку более не обозначает никакой юридической реалии.

Точно таким же образом слово *унижение*, использовавшееся в процессе разработки законопроекта, традиционно имеет иное правовое применение, не

относящееся к сфере религии. Будучи частью формулировки, через которую в законодательстве определяется термин *оскорбление*, оно подразумевает непосредственную адресную направленность и указание на конкретную личность, а не на столь абстрактные понятия, как убеждения или чувства. Вследствие этого конструкция *унижение человеческого достоинства* будет, вне всякого сомнения, иметь определенный правовой смысл, поскольку юридически логична и корректна – человеческое достоинство является правовым феноменом и неотъемлемым атрибутом каждой личности; в то же время формулировки *унижение религиозных чувств* или *унижение богослужений* можно считать бессмысленными, так как они априори субъективны. Понятие «религиозных чувств» лишено ясного юридического значения, а *богослужение* не является носителем *чести и достоинства*. Таким образом, явная манипулятивность новой терминологической единицы прослеживается уже в ее дефиниции.

Другой компонент предлагавшегося определения, выраженный словосочетанием *религиозные убеждения и чувства*, также представляется нам недостаточно корректным с точки зрения юридического языка. Само понятие «чувств» не может быть в полной мере проанализировано и выражено при помощи терминов права, поскольку является глубоко индивидуальным и не может быть подвергнуто однозначному измерению. В «Большом толковом словаре русского языка» *чувство* определяется как «внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание» – в данном определении особо подчеркивается индивидуальное, глубоко личное начало, составляющее саму основу этого понятия. Более того, с юридической точки зрения крайне сложно сказать, какие именно чувства будут относиться к разряду религиозных и почему их защита должна выходить за рамки правовых норм, уже предусмотренных законодательством применительно к любым другим убеждениям. В таком виде формулировка словно бы выводит из-под защиты закона группы граждан, которые очевидным образом не демонстрируют проявлений *религиозных чувств* – к примеру, атеистов или агностиков. С учетом того, что у термина *религиозные чувства и убеждения* в принципе отсутствует дефиниция, под ним, в зависимо-

сти от контекста, может пониматься практически что угодно, и нет гарантии, что вообще возможно выделить некую правовую реалию, которой это словосочетание может соответствовать. Вероятно, этот термин предполагалось связать с другим фигурировавшим в законопроекте словосочетанием – *религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия России*. Но даже если трактовать данный термин с такой точки зрения, остается непонятным, каким образом предполагается определять степень «неотъемлемости» и насколько широко понимать содержание понятия «историческое наследие». Проблема заключается в том, что оба этих термина лишены адекватных определений и полностью строятся на соответствующих единицах естественного языка, предполагающих исключительно субъективную трактовку. Применительно к правовым реалиям подобная практика может оказаться весьма деструктивной и привести к созданию формулировок, имеющих однозначно манипулятивную природу. Например, указанное терминологическое сочетание не дает представления о том, следует ли защищать религиозные чувства так называемых «родноверов» или протестантов (данные религиозные группы сравнительно малочисленны, однако их представители имеют основания утверждать, что и славянское язычество, и распространенные среди немцев Поволжья протестантские воззрения могут считаться *неотъемлемой частью исторического наследия*), и не позволяет уверенно ответить на вопрос, как поступать с защитой чувств атеистов (атеизм не является религией, однако в то же время, безусловно, оказал немалое влияние на формирование «исторического наследия» минувшего века). С нашей точки зрения, указанные выше терминологические единицы относятся к числу терминов, наделенных манипулятивным потенциалом в силу отсутствия определений и наличия явной возможности субъективного истолкования.

Особенность данной конкретной формулировки заключается еще и в том, что она выстраивается на нескольких уровнях, каждый из которых не подкреплён правовой базой. Иными словами, один термин, используемый в законопроекте, не имеет однозначной трактовки и при этом отсылает к другому, не менее

неопределенному; в результате формируется система обозначений, не указывающих ни на одну юридическую реалию. Это крайне опасный с лингвистической точки зрения прецедент, поскольку, как указывают исследователи, юридический язык строит свою систему, основываясь на уже существующем материале, и любое искажение, допущенное при конструировании нового термина, может негативно повлиять на множество иных формулировок, которые возникнут позже (Вопленко, 2001). Еще более важно то, что анализируемые нами термины в предельной степени субъективны – а это, как известно, может приводить как к крайнему расширению, так и крайнему сужению трактовки понятия при правоприменении, что, естественно, влечет за собой дополнительные конфликты и снижает эффективность правосудия (Кубиц, 2007).

Не разъяснен должным образом и термин *богослужение* (равно как и сопутствующее ему словосочетание *другие религиозные обряды и церемонии*): в тексте Закона не указано, какие именно ритуалы могут считаться «религиозными» и «богослужебными». Сложно определить, какова должна быть степень «религиозности» ритуала, чтобы он подпадал под указанную формулировку (так, погребальные обряды часто включают религиозные элементы, однако в какой мере этот факт обусловлен верованиями участников ритуала, а в каком – сложившимися традициями, в которых религия занимает второстепенное положение, невозможно выяснить без проведения серьезного культурологического и социологического исследования). Нет ясности в вопросе, следует ли считать богослужениями обряды, проводимые приверженцами религий, где, в строгом смысле слова, понятие божественного отсутствует – например, большинства школ буддизма. Таким образом, фактическое применение Закона может быть распространено на множество действий, которые не являются богослужебными в прямом понимании: так, даже индивидуальная молитва, не являющаяся ни богослужебной церемонией, ни обрядом в изначальном значении слова, может быть квалифицирована как богослужение. Это приводит к расширению сферы правоприменения до масштабов, при которых теряется возможность юридически корректно интерпретировать текст Закона применительно к каждому кон-

кретному случаю его использования. Как следствие, основная ответственность по истолкованию норм правового акта ложится на плечи судебных инстанций и самих пострадавших, которым ничего не мешает избрать наиболее выгодную для себя позицию при трактовке Закона. Спорным является и словосочетание *мировоззренческая символика*, определение которого в тексте правового акта отсутствует, вследствие чего оно может истолковываться любым образом.

Отдельно следует обратить внимание на этическую сторону вопроса. Само понятие «верующий» (по определению из толкового словаря Т. Ф. Ефремовой – «тот, кто религиозен») принципиально не может войти в юридический обиход, поскольку попытка придать ему статус термина (а использовать эту лексическую единицу в законе, не терминологизируя ее, не представляется возможным) очевидным образом завершится неудачей. Даже представители различных религиозных конфессий не могут сойтись во мнениях относительно того, кто заслуживает называться верующим, тогда как граждане могут считать себя таковыми просто в силу традиции, не соблюдая при этом обрядов и канонов соответствующей религии. В ситуации, когда даже в естественном языке слово «верующий» интерпретируется по-разному и обозначает глубоко личное, интимно переживаемое состояние, представляется некорректным переносить эту лексическую единицу в юридический язык, поскольку наделение ее строгим правовым смыслом приведет лишь к разногласиям и протестам со стороны общественности. В случае, когда правовые нормы размыты, и предлагается непосредственно в процессе правоприменения определять, чья религия составляет *неотъемлемую часть исторического наследия* и кто является «верующим», закономерно встает вопрос о том, насколько этично пытаться юридически регулировать столь своеобразную сферу жизни граждан.

В связи с вышеупомянутыми трудностями при юридическом определении понятия «чувство» нужно отметить, что после его введения в законодательство начались последовательные попытки создать его рабочую дефиницию, однако они привели лишь к усилению неопределенности. Так, Совет по правам человека предложил расширить действие Закона на оскорбление *любых чувств*,

имеющих высокое значение для разных общественных групп. В качестве примеров авторы соответствующего законопроекта приводили словосочетания *патриотические чувства* и *пацифистские чувства*. В данном случае совершенно непонятно, какими правовыми методами может быть произведена корректная оценка значимости тех или иных чувств для граждан и на каких основаниях значимые чувства могут быть отделены от незначимых. Поскольку этот вопрос лежит скорее в сфере аксиологии, нежели в пределах компетенции права, можно с уверенностью говорить об осознанном формировании манипулятивного термина, лишенного конкретного правового смысла, чье значение полностью определяемого волей индивидуального правоприменителя. Более того, нет ясности относительно того, каким *общественным группам* позволительно иметь «особые», подлежащие правовой охране чувства (очевидно, что не все группы граждан и не все чувства, ими испытываемые, имеют основания для включения в перечень подпадающих под юридическую защиту – к примеру, сторонники неонацистских убеждений могут испытывать к соответствующей символике вполне значимые внутри их социальной группы чувства, что не снимает запрета на ее использование, и т.п.). Такие понятия, как «патриотизм» и «пацифизм», лишены однозначных юридических значений и трактовок, что делает их терминологизацию крайне сомнительным с точки зрения осмысленности процессом; в сочетании же с еще более широким понятием «чувства» они становятся совершенно неопределимыми, и решить, что именно может являться *оскорблением пацифистских чувств*, не представляется возможным. Тем не менее, сам факт того, что после общественной дискуссии о законопроекте начали поступать предложения о внесении в число охраняемых законом «чувств» и «убеждений» патриотизм, пацифизм и прочие идеологии, являющиеся значимыми для разных групп населения, показателен: это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ограничение охраны достоинства граждан лишь неопределенной группой «верующих» было воспринято как несправедливое. Идею выделения «неотъемлемых» и «второстепенных» религиозных течений весьма резко прокомментировал журналист Н. Сванидзе: по его словам, «в нынешнем виде законо-

проект разжигает рознь между разными конфессиями, верующими и неверующими». Таким образом, как можно видеть, недостаточно точные формулировки терминов, отсутствие у них дефиниций, размытость их правового содержания могут привести не только к юридическим, но и к этическим проблемам, подрывать доверие к законодательству и спровоцировать сомнения в правовой защищенности граждан.

В то же время внимание, проявленное средствами массовой информации и общественными деятелями к законопроекту, свидетельствует о повышении того значения, которое имеет интерпретация юридической терминологии носителями естественного языка. С нашей точки зрения, возникновение общественных дискуссий вокруг некорректных терминологических единиц, особенно вновь создаваемых, указывает на улучшение правовой грамотности населения и дает возможность предположить, что в будущем уровень адекватности восприятия юридической терминологии гражданами, не владеющими специальным языком права, будет повышаться. Следующий раздел посвятим описанию лингвистического несовершенства российского законодательства, препятствующего эффективному правовому регулированию электронной коммуникации.

2.4.2. Лингвистическое несовершенство российского законодательства как препятствие для эффективного правового регулирования электронной коммуникации

Ярким примером области права, для регулирования которой законотворцы не успевают создавать достаточное количество новых терминологических единиц, а из-за повышенной динамичности юридических норм терминологические конструкции быстро утрачивают правовой смысл, является законодательство в сфере электронной коммуникации.

Актуализация вопросов, связанных с правовым регулированием электронной коммуникации, связана, прежде всего, со стремительным развитием современного информационного пространства. Для российского законодательства проблема соблюдения правовых норм в Интернете является относительно новой и слабо разработанной. Одной из немногих публикаций, целиком и полностью посвященных правовому регулированию сферы электронной коммуникации, является книга В. Н. Монахова «СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования», написанная в несколько вольном стиле и вышедшая еще в 2003 году (Монахов, 2003). Однако информационные технологии развиваются стремительно, и за десятилетие в данной области произошли заметные изменения, позволяющие усомниться в стопроцентной эффективности ранее принятых правовых актов, просто не учитывающих новые обстоятельства. Как справедливо отмечает в своей диссертации А. В. Минбалеев, в последние годы возникло такое количество новых фактов и понятий, имеющих отношение к электронной коммуникации вообще и сети Интернет в частности, что законодатели зачастую не успевают фиксировать их в качестве юридических реалий, хотя соответствующие термины уже начинают использоваться в текстах нормативно-правовых актов (Минбалеев, 2012). В этих условиях сугубо юридические вопросы неизбежно вступают в тесное взаимодействие с лингвистическими, поскольку, согласно основополагающему выводу Н. Д. Голева, юридический язык всегда основывается на единицах языка естественного и развивается за счет наделения заимствованных из него лексических единиц правовым смыслом, т.е. за счет их терминологизации (Голев, 2000).

Говоря о законодательном регулировании электронной и Интернет-коммуникации, можно весьма условно обозначить три основных направления, в рамках которых она на данный момент осуществляется:

- 1) обеспечение соблюдения уже действующих законодательных норм применительно к коммуникации между субъектами права в сети Интернет;

2) обеспечение соблюдения авторских прав в случаях, когда произведения распространяются при помощи электронных носителей и электронных телекоммуникационных систем, в том числе Интернета;

3) обеспечение безопасности личности и государства и предотвращение угроз, связанных с т.н. «киберпреступностью».

В ряде случаев законодательное регулирование Интернет-коммуникации практически не отличается по схеме правоприменения от аналогичного контроля любой иной коммуникации. Так, В. И. Жельвис указывает, что базовая структура оскорбления, построенная на прямой негативно окрашенной номинации адресата, остается одинаковой вне зависимости от того, в каком дискурсе и при помощи каких технических средств оскорбление осуществляется (Жельвис, 2000), поэтому в данном случае нет нужды в установлении каких бы то ни было специальных правовых норм. Однако Интернет-коммуникации в целом присущи анонимность и опосредованность, которая в таких случаях становится единственным заметным препятствием для эффективного правоприменения. Согласно сообщениям самих законодателей, размещенным в СМИ, в настоящее время ведется работа по распространению ряда норм уголовного права на действия, совершенные в сети Интернет, в том числе анонимно.

В связи с этим следует заметить, что современное российское законодательство все еще не содержит однозначных положений, позволяющих уверенно и действенно пресекать все случаи правонарушений, совершенных в сети Интернет анонимными пользователями. Более того, нам представляется тревожной тенденция, при которой ответственность за действия рядовых пользователей, в соответствии с ныне действующими нормативно-правовыми актами, может в полной мере перекладываться на те или иные веб-ресурсы. Несовершенство данной практики хорошо иллюстрирует вызвавшая заметное возмущение в журналистских кругах попытка отзыва лицензии СМИ у сайта «Росбалт» за якобы допущенные нарушения запрета на цитирование ненормативной лексики в средствах массовой информации: несмотря на то, что противоправные действия были совершены рядовым пользователем сайта, не имеющим отношения к

его администрации, и выражались в употреблении нецензурных слов в комментариях к одной из статей (сами комментарии вскоре были удалены, а доступ пользователю к ресурсу – заблокирован), с претензиями столкнулся не сам нарушитель, а коллектив СМИ. Трактовка правовых норм в этом случае кажется несколько вольной, поскольку непонятно, где именно было допущено то распространение *содержащих нецензурную лексику материалов*, которое запрещено Законом «О внесении изменений в статью 4 Закона РФ “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях», и почему за действия читателя, т.е. постороннего, не входящего в штат и никак не связанного с редакцией, должно нести ответственность электронное издание. Вместе с тем причина, по которой такая интерпретация текста Закона стала возможной, заключается в расплывчатости содержащейся в нем формулировки: под *материалом*, подпадающим под действие законодательного акта, может пониматься что угодно, в том числе и информация, не исходящая от администрации и творческого коллектива СМИ. Иными словами, в ныне действующем варианте Закон теоретически допускает привлечение одного лица к ответственности за действия другого.

В связи с этим обратим также внимание на то, что статус пользовательского комментария, размещенного на сайте в сети Интернет, в принципе не определен в рамках российского правового пространства. Законодателем не учитывается значимость фактора диалогичности, являющегося, между тем, одним из ключевых для всей Интернет-коммуникации (Колокольцева, 2011, с. 129). Не существует никакого юридического определения, позволяющего рассматривать комментарий как реалию, к которой применимы правовые нормы, вследствие чего он словно бы выпадает из юридического поля или превращается в некий абстрактный *материал*, трактовка которого может быть сколь угодно размытой. Именно отсутствие четких, однозначных формулировок и определений терминов, относящихся к электронной и Интернет-коммуникации, в российском законодательстве представляется нам первой, наиболее важной причиной,

по которой эффективное правовое регулирование данной сферы в настоящий момент неосуществимо.

Другим примером такой расплывчатости формулировок, влекущей за собой возможность неверной трактовки текста нормативно-правового акта и его применения на практике, является и утвержденный в июне 2013 года Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», принятие которого спровоцировало заметный общественный резонанс. С лингвистической точки зрения указанный Закон содержит существенные недостатки.

В пунктах 5–7 статьи 15 Закона, регламентирующей порядок ограничения доступа к информации, размещенной в Интернете с нарушением авторских прав, приводится крайне обобщенная схема обеспечения правоприменения. В частности, не проясняется, по какому принципу следует обеспечивать *ограничение доступа* к веб-сайту в целом или же к его отдельным страницам; учитывая, что Закон не содержит никаких пояснений на этот счет, оказывается, что решение о блокировании всего ресурса или лишь конкретной его страницы, на которой непосредственно размещена подпадающая под действие правового акта информация, предлагается оставлять на усмотрение органа, выносящего соответствующее судебное предписание. Однако текст Закона не дает никаких ориентиров для того, чтобы хотя бы приблизительно определить, в каком случае более уместным представляется полное ограничение доступа к Интернет-сайту, а в каком частичное.

Кроме того, сам механизм *ограничения доступа* в Законе не прояснен. По умолчанию под данным словосочетанием подразумевается блокировка IP-адреса ресурса, однако проблема состоит в том, что при исполнении таких блокировок под ограничение может попасть не только сайт, доступ к которому следует пресечь, но и другие информационные материалы, не имеющие к нему отношения. В то же время для обхода блокировки в данной ситуации нарушителю закона достаточно сменить IP-адрес (аналогичная проблема возникает в

случае, если ограничивается доступ к сайту с тем или иным доменным именем). Ни Закон, ни другие нормативно-правовые документы не дают представления о том, каким образом следует технически реализовывать законодательные нормы, что лишь усложняет обеспечение соблюдения авторских прав в Интернете.

Наконец, содержащаяся в Законе формулировка *информация, необходимая для получения кино- и телефильмов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, которые распространяются без разрешения правообладателя или иного законного основания* столь размыта, что о ее подлинном юридическом значении приходится догадываться. В широком смысле слова под указанное определение подпадает любое упоминание ресурса, на котором кино- и телепродукция распространяется с нарушением авторских прав, в том числе размещение гиперссылки, сообщение в пользовательском комментарии и т.д.. Очевидно, что в ряде случаев администрация Интернет-ресурса не может нести ответственности за появление такой информации, иначе, руководствуясь текстом Закона, можно сделать вывод, что даже доступ к поисковым системам может быть ограничен в связи с тем, что они опосредованно предоставляют пользователям сведения о местонахождении противоправно размещенного контента. Нет нужды говорить о том, что это вряд ли входило в намерения законодателей, однако возможность неверного правоприменения в данном случае весьма велика.

Рассматривая направление законодательного регулирования электронной и Интернет-коммуникации по охране авторских прав, отметим, что лингвистическое несовершенство ныне действующих правовых актов в значительной мере связано с ранее допущенными ошибками и неустраненными недочетами. В частности, речь идет о ряде неопределенностей, содержащихся в тексте ГК РФ — главного юридического документа, регламентирующего соблюдение авторских прав на территории Российской Федерации. На проблемы, связанные с распространением законодательства об охране авторских прав на материалы, распространяемые в электронной форме, указывали еще ранее другие исследователи, к примеру, Н. А. Смирнова (Смирнова, 2006). Многие ключевые терми-

ны, имеющие отношение к указанной сфере права, до сих пор не получили должных определений и зачастую вовсе не имеют конкретного юридического смысла. Например, как мы уже указывали ранее, близкие, но не тождественные термины *копирование*, *воспроизведение* и *репродуцирование* в ГК РФ не имеют однозначной трактовки и нередко функционируют как синонимы, хотя в то же время как минимум первый из них является базовым для ряда других законов и может считаться одним из важнейших с точки зрения охраны авторских прав в сети Интернет. Учитывая такое состояние правовой базы, можно уверенно сделать вывод о том, что до тех пор, пока наиболее общие и важные терминологические единицы, связанные с охраной авторских прав в рамках электронной коммуникации, не получают подходящих определений и не будут систематизированы, говорить об эффективном законодательном регулировании данной области не имеет смысла. Столь же сомнительной представляется на сегодняшний день и перспектива принятия реально работающего закона о контроле распространения текстовых материалов и произведений в сети Интернет, поскольку до тех пор, пока не проведена унификация юридической терминологии авторского права, создание новых нормативно-правовых актов приведет лишь к умножению логических нестыковок, смысловых противоречий и лингвистических ошибок.

Как нам представляется, частично такое состояние юридической терминологии, связанной со сферой правового регулирования коммуникации и распространения информации в Интернете, объясняется особым характером самого объекта правоприменения. Поскольку информация носит преимущественно нематериальный характер, а ее хранение и распространение могут принимать крайне разнообразные формы, не все традиционные юридические схемы могут быть реализованы при работе с ней. Кроме того, для российской законодательной практики терминология, используемая для обозначения реалий, связанных с Интернетом и компьютерными технологиями, во многом остается непривычной, а порой даже не вполне понятной самим законодателям.

Так, очевидно слабый уровень знакомства представителей государственных структур со спецификой хранения и распространения информации в электронном виде бросается в глаза при беглом ознакомлении с Федеральным списком экстремистских материалов. В данном реестре, в частности, фигурируют *отзывы на материалы на Интернет-сайте* (т.е. пользовательские комментарии, на большинстве сайтов легко ликвидируемые при помощи модерации); *видеоматериал, представляющий собой видеофайл* с указанием названия и расширения (следовательно, *любой* видеофайл с указанным расширением, переименованный пользователем, автоматически подпадает под действие Списка – тогда как тот материал, который, собственно, запрещен, выводится из-под его действия при конвертировании в иной формат или обычном переименовании); *информационные материалы, размещенные в сети Интернет в виде файлов* с указанием названий и адресов публикации (таким образом, идентичный материал, переименованный и размещенный на другом веб-сайте, придется вносить в Реестр заново); *текстовые документы* с указаниями названия и места размещения на физическом носителе, представляющем собой изъятый при обыске CD-R (переименованный и размещенный на ином носителе файл с аналогичным текстом выйдет из-под действия Реестра) и т.д.. Даже если учесть, что чаще всего в Федеральном списке названия и адреса подпадающих под запрет материалов фиксируются в соответствии с данными судебных постановлений, нельзя не отметить, что некорректные способы их описаний вполне могут сыграть на руку экстремистам, имеющим на данный момент относительно простой способ обойти закон, сославшись на неточности в Списке. Отдельно заметим, что как излишняя детализация описаний, так и их неполнота (например, отсутствие ссылки на Интернет-ресурс, где впервые был замечен текст той или иной публикации) в рассматриваемом нами случае способны принести вред.

Таким образом, как видим, отсутствие адекватной терминологической базы и трудности при использовании уже существующих юридических терминов в затрагиваемом Интернет законодательстве объясняются в том числе и недос-

татком опыта работы правоохранительных структур с информацией, распространяемой в электронном виде.

В результате проведенного анализа мы можем констатировать, что современное российское законодательство, касающееся электронной и Интернет-коммуникации, страдает от тех же недостатков, которые В. Ю. Туранин называет основополагающими причинами неспособности правоприменителя адекватно истолковать текст нормативно-правового акта: отсутствия дефиниций у терминов, наличия содержательных недоработок и перегруженности текста терминологическими единицами, некоторые из которых не наделены однозначным юридическим значением (Туранин, 2010). Кроме того, в определенных случаях имеет место применение устоявшейся правовой практики к новым реалиям, еще не успевшим стать привычными юридическими объектами и в силу этого воспринимаемым законодателями в искаженном свете. С нашей точки зрения, обозначенные проблемы не позволяют говорить о возможности эффективного регулирования электронной и Интернет-коммуникации в ближайшем будущем, поскольку, как справедливо отмечает В. Ю. Туранин, для нормального функционирования правового акта необходимо вначале «сформулировать и словесно оформить такую правовую сентенцию, которая была бы понятна каждому адресату закона» (Туранин, 2010).

В ряде случаев термины и терминологические словосочетания, используемые в законодательных актах даже с расшифровкой, могут, тем не менее, на практике трактоваться достаточно вольно. С нашей точки зрения, разумно предположить, что причиной тому – определенная расплывчатость формулировок при первичном истолковании терминов в текстах права. Более того, при некритичном дополнении и модификации ранее принятых правовых актов возможны ситуации, при которых прежняя официальная трактовка термина способна затруднить правоприменение.

В частности, обратим внимание на Закон «О персональных данных» и принятые в июле 2014 года поправки к нему. Согласно п.1 ст.3 Закона, под определение *персональных данных* подпадает *любая информация, относящаяся к*

прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Таким образом, даже та расшифровка термина, которая дается в тексте правового акта, сама по себе расплывчата и неопределенна: когда в юридическом пространстве речь заходит о *любой информации*, становится невозможно оперировать методами правоприменения с какой бы то ни было уверенностью. Следуя букве указанного Закона, можно утверждать, что всякая информация, хотя бы косвенно относящаяся к физическому лицу, уже является *персональными данными*, нуждающимися в охране; однако если сведения о транзакциях или банковских счетах, безусловно, юридически значимы и требуют защиты, то тривиальные частные данные, на наш взгляд, не могут в полной мере считаться объектами правового регулирования. Принятая в Законе расширительная трактовка фактически препятствует адекватной интерпретации его текста и применению правового акта на практике.

Что же касается вышеупомянутых поправок, то они обязывают лицо, предоставляющее гражданам РФ доступ к сети Интернет, *обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации, в базах данных информации, расположенных на территории Российской Федерации*. Из данного перечисления следует, что любая информация о гражданах РФ может храниться исключительно на территории России, что фактически равносильно запрету использования сети Интернет. Учитывая систему распределения и передачи информации в современных компьютерных сетях, можно заметить, что действующее законодательство, в котором термин *персональные данные* трактуется максимально широко, парадоксальным образом препятствует россиянам даже применять поисковый сервис компании Google, так как его серверы не находятся на территории Российской Федерации, а данные о поисковых запросах сохраняются и обрабатываются. Нелегальными, таким образом, оказываются совершенно любые действия с использованием сайтов, зарегистрированных за рубежом, включая Интернет-коммерцию, бронирование гостиниц, применение международных платежных систем и даже обычную регистрацию на ресурсе,

сервера которого находятся за пределами РФ, поскольку во всех указанных случаях пользователь обязан предоставить определенную личную информацию. Поскольку «персональными», согласно ныне применяемому Закону, являются абсолютно любые данные, возникает трудноразрешимая законодательная коллизия: при буквалистском, прямолинейном подходе к интерпретации текста правового акта правоприменитель может достаточно обоснованно ограничить использование всей сети Интернет на территории целой страны, что, в свою очередь, чревато нарушением Конституции Российской Федерации, обеспечивающей гражданам право на свободное получение информации и обмен ею.

Стоит отметить и тот факт, что принятие упомянутых поправок с расплывчатыми формулировками вызвало негативную международную реакцию, и представители Европейского союза даже выразили опасение, что принятая редакция Закона из-за своей терминологической непроработанности станет препятствием для получения виз гражданами Российской Федерации. В результате Роскомнадзор был вынужден выступить с заявлением, согласно которому хранение и обработка сведений, необходимых для обеспечения визового режима, попадает под исключение как *исполнение полномочий органов власти*. Тем не менее, сама эта оговорка также является потенциально конфликтообразующей, поскольку не конкретизируется, насколько широко ее следует трактовать и какие именно органы власти имеют право собирать информацию о гражданах РФ (в частности, не вполне ясен порядок сбора информации органами правопорядка, и т.п.).

На наш взгляд, корнем данного затруднения является излишне расплывчатое, юридически малоосмысленное определение, содержащееся в тексте Закона. Позволим себе предположить, что при должном его уточнении и более тщательном формулировании с четким разграничением сведений, относящихся к значимым с точки зрения права *персональным данным*, и информации частного характера, не имеющей статуса юридически важной, рассмотренного противоречия можно было бы избежать. Отметим также, что само слово *любой* (равно как и *каждый*, *всякий*) в тексте правового акта неизбежно выглядит прояв-

лением декларативности, поскольку уводит интерпретатора от конкретной юридической ситуации в область обобщений и абстракций.

На наш взгляд, для устранения указанных трудностей целесообразно предпринять следующие меры:

1) осуществить унификацию юридической терминологии, связанной со сферой электронной и Интернет-коммуникации;

2) внести изменения в действующее законодательство, регулирующее вопросы соблюдения авторских прав, с целью ликвидации существующих терминологических неточностей и установления общепонятных формулировок, относящихся к информации, распространяемой в электронной форме;

3) разработать корректные правовые определения недавно возникших реалий, таким образом однозначно определив их юридический статус;

4) разработать более действенную форму правоисполнения по отношению к объектам электронной и Интернет-коммуникации, полностью соответствующую современному уровню технического развития общества.

Нам представляется, что лишь после осуществления указанных действий станет возможно принятие законодательных актов, ориентированных на правовое регулирование российского Интернета и способных успешно применяться на практике.

Суммируя данные, полученные при анализе собранного материала и изложенные нами в этом и предыдущем разделах, мы считаем возможным указать на ряд закономерностей в отношении смысловых модификаций юридических терминов.

Выделив из общего массива проанализированных лексико-фразеологических единиц группу терминов, подвергшихся семантическим изменениям, мы разбили ее на несколько подгрупп с целью приблизительного определения частотности различных типов семантических модификаций.

Обобщенные результаты анализа представлены для наглядности в таблице 1.

Частотность типов семантических модификаций

Тип семантической модификации	Количество единиц	Процент	Пример
Обусловленные нарушениями требования точности и однозначности	120	45,3%	<i>Короткий отрывок</i>
Обусловленные нарушениями требования устойчивости	33	12,5%	<i>Склонение к коррупционным правонарушениям</i>
Обусловленные излишней декларативностью формулировок или дефиниций	21	7,9%	<i>Персональные данные</i>
Обусловленные манипулятивностью терминологических единиц	48	18,1%	<i>Традиционные семейные ценности</i>
Обусловленные наличием у терминов манипулятивного потенциала	43	16,2%	<i>Материнский капитал</i>
Итого	265	100%	—

В результате проведенного анализа установлено, что наибольшее (более 45%) количество смысловых модификаций (возможных неверных интерпретаций, случаев потери или неверной передачи правового смысла, закрепления за терминологическими единицами фактически некорректных значений) связано с нарушениями требования точности и однозначности юридических терминов, т.е. отсутствием или некорректностью дефиниций, неправильным словоупотреблением, размытостью при выражении юридического значения. На наш взгляд, это связано с неизбежными трудностями, возникающими в силу расхождения между естественно-языковыми и юридическими значениями терминологизируемых слов, а также с типичными погрешностями юридической техники и психологическими особенностями законотворцев, считающих собственные интенции априори ясными и однозначно трактуемыми, а нормы естественного

языка – вторичными по сравнению с правовыми. Менее частотны смысловые модификации, связанные с нарушениями требования устойчивости и системности (12,5%), однако зачастую они проявляются даже более отчетливо, поскольку подразумевают расхождения между трактовками одних и тех же терминологических единиц в разных правовых актах (иногда даже в рамках одного законодательного акта), некорректное применение уже известных терминов для создания новых словосочетаний с ними, использование терминологических единиц применительно к тем областям права, для регулирования которых они изначально не предназначены. Причины возникновения модификаций этого типа мы видим в общем несовершенстве терминосистемы права, требующей унификации, и в склонности законодателей использовать клишированные формулировки без учета их подлинного смысла и специфики конкретных отраслей права. Относительно малочисленны (менее 8%) формулировки, семантические модификации которых обусловлены чрезмерной декларативностью самих терминов или их дефиниций; это связано с тем фактом, что в большинстве случаев законодатель все же стремится к конкретности, однако в стремлении предупредить максимальное количество возможных правовых ситуаций, в которых термин может применяться, пытается принимать крайние меры, составляя крайне общие и потому громоздкие, практически неприменимые в силу своей всеобъемлющей природы определения. Также выявлены случаи семантических модификаций, связанных с манипулятивностью и манипулятивным потенциалом терминологических единиц, в совокупности составляющие более трети от состава исследованной группы. Если причины возникновения манипулятивного потенциала у терминов в целом те же, что и обуславливающие нарушения требования однозначности, то прямо манипулятивные термины осознанно создаются с расчетом на введение адресата законодательного текста в заблуждение и выражают попытки законодателей решить сиюминутные задачи, скрыть подлинные намерения или замаскировать отсутствие реальных правовых изменений. В следующем разделе рассмотрим терминологические заимствования как метод оптимизации системы российской юридической терминологии.

2.5. Терминологические заимствования как метод оптимизации системы русской юридической терминологии

Как отмечают многие исследователи (Земляная, 2010; Магомедов, 2004), современный юридический дискурс характеризуется активными правовыми и коммуникативными процессами, состоящими в сближении правовых норм различных лингвокультур. В настоящее время проходит интенсивное согласование не только различных законодательных актов, принятых на федеральном уровне или отдельными субъектами Российской Федерации, но и унификация правовых норм, принятых в русской юридической практике, и норм европейского права. В связи с этим актуализируется проблема эффективной унификации юридической терминологии в соответствии с международными нормами.

Выше мы рассматривали ситуации, в которых происходит конструирование новых юридических терминов, и исследовали возникающие в ходе данного процесса проблемы. Однако юридический язык развивается во многих направлениях, и на современном этапе развития русского права иногда возникает необходимость заимствования отдельных терминологических единиц из зарубежного законодательства. Основными целями заимствования иноязычных юридических терминов, на наш взгляд, являются:

- 1) более точная передача юридического значения того или иного понятия;
- 2) обозначение новой правовой реалии, уже существующей за рубежом, однако в русской практике ранее не использовавшейся;
- 3) унификация терминологии в соответствии с изменяющимися правовыми нормами.

Эффективность терминологических заимствований в юридическом дискурсе, по нашему мнению, может быть доказана при помощи исследования истории перенесения в русскую юридическую практику некоторых терминов из французского языка, происходившего в XVIII–XX веках. Несмотря на то, что основным языком международного права на сегодняшний день является англ-

лийский, существует определенная доля терминологических единиц (по подсчетам Н. Н. Лыковой – примерно 3%), заимствованных русским юридическим языком из французского – это преимущественно термины гражданского и международного права, обозначающие устоявшиеся на данный момент понятия (Лыкова, 2009, с. 218). Обратим внимание, что многие французские юридические термины, изначально заимствовавшиеся именно для передачи новых, ранее неизвестных правовых реалий, со временем вошли в число общенаучных и стали достаточно активно употребляться в естественном, общелитературном языке – так произошло, например, со словами *гарант* или *арбитраж*. На наш взгляд, эти примеры успешных заимствований и переход терминов в разряд общеупотребительных слов объясняются давностью их перенесения в русский язык и тем, что институты и явления, для обозначения которых они использовались изначально, уже воспринимаются носителями русского языка как привычные. В отношении многих единиц, недавно привнесенных из английской правовой терминологии, о таком «языковом привыкании» говорить еще рано, однако мы считаем, что примеры удачных заимствований из французского языка свидетельствуют о том, что со временем и эти термины получают широкое употребление – возможно, и за пределами области юриспруденции.

По наблюдениям современных исследователей, основная проблема, возникающая при заимствовании того или иного юридического термина из другого языка, заключается в адекватности передачи его юридического значения (Вернигорова, 2011, с. 41). При заимствовании иностранной терминологической единицы важно выполнить не только обычный, буквальный перевод, но и перевод на понятийном уровне – с одного юридического языка на другой. Это объясняется тем, что юридическая терминология представляет собой инструмент выражения смысла исходных юридических понятий, набор которых может быть неодинаковым в различных правовых лингвокультурах. В качестве примеров можно привести термин *легитимность*, чей английский аналог и источник *legitimacy* фактически обозначает гораздо более широкий круг правовых понятий (Высоцкий, 2003, с. 110), или английский термин *legal*, приобретаю-

ший различные правовые значения в зависимости от того, в каких документах он употребляется. Очевидно, что при осуществлении его российской адаптации в термин *легальный* законодатель столкнулся с необходимостью ограничивать его правовой смысл определенными рамками, а для выражения тех значений, которые в английском языке могут быть переданы тем же словом, подбирать иные русские аналоги. Калькирование и некритичное перенесение иноязычных терминов в российскую правовую практику чревато возникновением чуждых терминологических вкраплений, не выполняющих своих функций. Например, некорректно по своей форме заимствование *божья сила*, представляющее собой дословный перевод иноязычного термина, в российском праве переводимого словами *непреодолимая сила*: поскольку одновременно существует и используется русский аналог данного словосочетания, его применение оказывается излишним, а сам термин выглядит архаичным и непонятным правоприменителю (Зубович, 2001).

Как показывает проведенный нами анализ фактического материала, при заимствовании юридической терминологии из других языков (на сегодняшний день заимствования производятся преимущественно из английского языка) зафиксированы и иные проблемы. Например, в отдельных случаях заимствование термина не отменяет использования в российском законодательстве прежних формулировок с тем же юридическим значением, что влечет за собой появление нежелательной терминологической синонимии. В качестве примера приведем заимствованный термин *омбудсмен*, наряду с которым применяется русскоязычный аналог *уполномоченный по правам человека*. Учитывая, что в русском языке (в отличие, к примеру, от немецкого) у слова *омбудсмен* нет никакой специфической коннотации, которая могла бы препятствовать его эффективной терминологизации, мы считаем его использование для обозначения соответствующей правовой реалии целесообразным, тем более что он является общепринятым и используется в постановлениях Европейского Суда по правам человека, решения которого признаются Российской Федерацией. Следовательно, в данном случае разумно было бы отказаться от использования в законода-

тельстве более громоздкой, но несущей то же юридическое значение формулировки *уполномоченный по правам человека*. Тем не менее, несмотря на очевидную избыточность, оба указанных термина продолжают применяться одновременно, что приводит к затруднениям при правоприменении. По нашему мнению, решить проблему терминологической синонимии возможно при помощи унификации российской терминологической системы и приведении ее в соответствие с нормами европейского права: как показывает приведенный нами пример, отдельные термины могут быть без потерь для их правового смысла заменены иноязычными аналогами, которые к тому же давно применяются в международной практике.

Другой актуальной проблемой российской юридической терминологии является существование отдельных терминологических единиц, имеющих некоторые недостатки, которые могли бы быть устранены путем заимствования или адаптации юридических терминов, принятых в зарубежной юридической практике. Так, нам представляется полезной замена ныне принятой формулировки *преступления против чести и достоинства* (о несовершенстве которой мы уже упоминали выше) терминологическим словосочетанием *преступления против достоинства личности*, аналогичным зарубежному термину *honour crimes* и соответствующим Конституции Российской Федерации, в которой отражен именно термин *достоинство личности*. Такая адаптация одновременно способствует унификации норм российского и европейского права и устранил ряд проблем, с которыми вынуждены сталкиваться правоприменители при трактовке указанных терминологических единиц.

В связи с исследованием терминологии, относящейся к защите достоинства личности, актуальным оказывается также вопрос о заимствовании из английского языка и внесении в российское законодательство термина *диффамация*, который, как замечает С. В. Потапенко, уже вошел в отечественную правоведческую науку, однако до сих пор не получил применения в нормативно-правовых актах (Потапенко, 2002, с. 34). Применение уже устоявшегося, наделенного юридическим смыслом («распространение порочащих сведений о дру-

гом лице») термина, не имеющего никаких дополнительных коннотаций в естественном языке и поэтому совершенно «безопасного» с точки зрения однозначности восприятия, могло бы способствовать решению ряда проблем, связанных с осуществлением защиты достоинства личности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в ряде случаев перенесение в российское законодательство иноязычных терминологических единиц или их адаптация может послужить средством устранения трудностей, связанных с применением юридической терминологии. Тем не менее, мы не можем не указать на тот факт, что заимствование иноязычных терминов в современном юридическом дискурсе желательно осуществлять лишь в тех случаях, когда оно необходимо и оправдывается объективными причинами, поскольку некритичное внесение в российское законодательство новых терминологических единиц без веской на то причины может привести лишь к обострению существующих проблем – возникновению случаев терминологической синонимии, полисемии или даже к утрате терминами их юридического значения (такая ситуация может возникнуть в тех случаях, когда реальия, обозначаемая заимствованным термином, в российской правовой системе отсутствует). Следующий раздел посвятим рассмотрению юридического термина как системы значений.

2.6. Юридический термин как система значений

В предыдущих разделах мы провели анализ смысловых модификаций юридической терминологии и пришли к выводу о том, что толкования одних и тех же терминологических единиц могут оказываться различными в зависимости от области права, в которой они используются, сложившейся правоприменительной практики, компетентности интерпретатора и других факторов. Это позволяет нам предположить, что было бы целесообразно рассматривать юридический термин не как некую имманентную константу, обладающую единст-

венным, раз и навсегда установленным значением, а как систему значений, связанных между собой и не обязательно адекватно отражающих истинный правовой смысл термина.

Прежде всего, необходимо рассмотреть вопрос о связи между юридической и лингвистической сторонами семантики терминов права. С. П. Хижняк в семантической структуре юридического термина выделяет такие компоненты, как дефиницию и дополнительные сведения (непонятные семы), в совокупности составляющие **юридический концепт**, и указывает на то, что в некоторых случаях стандартизированные термины могут не иметь дефиниций (что, однако, не является их преимуществом или достоинством) (Хижняк, 2007, с. 105–106). Он также указывает, что соотношение между терминологическим (правовым) и нетерминологическим (естественным) значениями терминологизируемых лексических единиц может быть различным по степени (Там же, с. 106). В свою очередь, **норма**, т.е. непосредственно правовое содержание юридического термина, складывается из трех компонентов – **гипотезы** (элемента, указывающего на условия, при которых имеет место правовой феномен), **диспозиции** (определения модели поведения субъектов права) и вероятных **санкций** (нежелательных для субъекта последствий нарушения нормы, предусмотренных законодательством) (Хижняк, 2008, с. 94). Норма – средоточие правового смысла термина, тогда как лингвистические конструкты являются средствами ее передачи.

Если оперировать данными понятиями, то можно отметить, что лингвистическое несовершенство терминологических конструкций может накладывать отпечаток на восприятие и применение одного или нескольких компонентов юридической нормы. Так, нечеткость дефиниции или некорректное использование единиц естественного языка при конструировании термина может привести к тому, что правоприменитель будет не в состоянии оценить степень соответствия ситуации гипотезе или уверенно соотнести диспозицию с санкциями.

Исходя из вышесказанного, нам представляется, что с интерпретационной точки зрения юридический термин можно рассматривать как сложную систему значений, соприкасающихся, но не тождественных, и вступающих между собой в иерархические отношения. Среди компонентов такой системы можно условно выделить:

- 1) естественное значение лексической единицы, выбранной для конструирования нового термина в языке права;
- 2) значение, придаваемое термину законодателем, подразумеваемое как единственно верное;
- 3) значение, возникающее при создании дефиниции и непосредственно фиксируемое в тексте законодательного акта, в котором термин впервые используется или истолковывается;
- 4) значение, появляющееся в процессе правоприменения;
- 5) значение, придаваемое термину носителями обыденного сознания, не знакомыми с его официальными определениями и трактовками.

Различие между подразумеваемым и фиксируемым значениями заключается, прежде всего, в том, что при неверно сконструированной дефиниции первоначальная мысль законотворца может исказиться, вследствие чего термин даже в тексте законодательного акта получит не ту трактовку, которую намеревался утвердить законодатель. Несмотря на то, что основной причиной таких разночтений является недостаточное внимание к юридической технике, потенциально возможны и ситуации, в которых сам законотворец намеренно фиксирует не совсем то значение, которое подразумевает, оставляя тем самым возможность для манипуляций («лазейку в законе»).

В свою очередь, при непосредственном использовании термина, особенно если его определение сформулировано нечетко или вовсе отсутствует, возникает правоприменительное значение – это тот смысл, который в лексическую единицу или словосочетание вкладывает профессионал, ответственный за исполнение норм права (судья, юрист, работник органов внутренних дел и т.д.). В идеале оно должно совпадать с зафиксированным – и подразумеваемым – зна-

чением, однако, как уже было сказано, размытость или двусмысленность формулировок способна привести к формированию совершенно особой практики трактовки терминов, основанной на прецедентах или личных умозаключениях. Не исключена и возможность обратного процесса, при котором сначала устанавливается некая традиция использования той или иной языковой единицы в качестве термина, а уже затем появившаяся у нее правоприменительная трактовка фиксируется в законодательном акте официально.

Наконец, интерпретация юридического термина носителем обыденного сознания чаще всего основывается на его восприятии исходного, естественного значения и правоприменительной практики. Она может сильно расходиться с утвержденной в законодательстве трактовкой и не имеет правовой значимости, однако не менее важна, чем все прочие выделяемые нами компоненты системы значений, поскольку тесно связана с требованием общепонятности термина и явлением манипулятивного потенциала юридической терминологии. Кроме того, «наивная» трактовка правовых определений способна влиять на их правоприменительное значение, так как формируется в процессе взаимодействия профессиональных юристов с рядовыми носителями естественного языка. Как правило, такая интерпретация либо упрощена, либо заведомо ложна, поскольку носителю обыденного сознания, не обладающему юридической грамотностью, свойственно в первую очередь обращаться к исходному, естественному значению терминологизированного слова. Так, неопытный в области права гражданин вполне может истолковать словосочетание *предприниматель без образования юридического лица* как «человек, занимающийся предпринимательством, не имея при этом юридического образования»: слово *образование* для него будет выступать в том значении, которое воспринимается как наиболее распространенное и узнаваемое. Это не означает, что наивные интерпретации важны с точки зрения права, однако следует подчеркнуть, что вероятность их появления крайне желательно учитывать при конструировании вновь создаваемых терминов.

Таким образом, можно условно разграничить три иерархических уровня восприятия юридического термина: на высшем уровне поместим фиксированное значение, как имеющее максимальный правовой вес; на более низком расположим подразумеваемое и правоприменительное значения, поскольку они напрямую зависят от фиксированного и обладают правовым смыслом, хотя и меньшим; наконец, низший уровень представим как совокупность естественных значений и наивных истолкований, у которых отсутствует юридическая значимость. Идеальная модель юридического термина предполагает, что все его трактовки будут если и не совпадать, то непременно соприкасаться и в равной степени базироваться на едином смысловом ядре, однако практика показывает, что случаи существенного расхождения между компонентами системы значений встречаются достаточно часто.

Одним из центральных компонентов описанной нами системы значений будем считать правовой смысл – соответствие, возникающее между терминологической единицей и той юридической реальностью, которой он сопоставлен. В модели идеального юридического термина, на наш взгляд, правовой смысл является смыслообразующей константой и должен совпадать (хотя бы по большей части) с любыми другими интерпретациями, от подразумеваемого законодателем значения до наивной трактовки. Однако очевидно, что абсолютная тождественность правового смысла и интерпретаций терминологической единицы труднодостижима, особенно если речь идет о значении слова, взятого из естественного языка для терминологизации, и об обязательном восприятии. С этими вариантами интерпретаций смысловое ядро термина соприкасается в наименьшей степени, и было бы неразумно требовать полного их совпадения. Таким образом, по отношению к правовому смыслу они будут являться периферийными, тогда как подразумеваемое, фиксируемое и правоприменительное значения окажутся наиболее близкими к нему и, следовательно, наилучшим образом отражающими юридические реалии, заложенные в вербально выраженной формулировке. Максимальное выражение правовой смысл приобретает в фиксируемом значении термина, поскольку при создании развернутой расшифров-

ки, вносящейся в текст законодательного акта, юридическая техника обычно применяется успешнее всего, а многочисленные экспертизы и обсуждения могут послужить уточнению и развитию первоначальной интенции законодателя. Одновременно с этим, как мы уже указывали выше, правовой смысл свойствен подразумеваемому и правоприменительному значениям, однако в первом случае он придается той же самой конструкции, которая в итоге становится значением фиксируемым, а во втором – извлекается из него. В процессе такого обмена правовой смысл может претерпевать искажения, и в итоге возможны ситуации, при которых понимание термина законодателем, его утвержденное значение и трактовка правоприменителем будут достаточно заметно различаться. Чем более полно компоненты системы значений совпадают между собой, тем точнее термин и тем менее ярко выражен его манипулятивный потенциал; в случае же формирования манипулятивного термина может наблюдаться явный разрыв между разными его интерпретациями, т.е. отсутствие преемственности при передаче правового смысла между элементами системы значений.

Следовательно, можно говорить о трехуровневой модели коммуникации, отражающей три уровня иерархии системы значений, выделенные нами выше. На первом этапе взаимодействия правовой смысл термина генерируется его создателем, законодателем; затем он, как правило, фиксируется в конкретном законодательном акте и, наконец, впоследствии интерпретируется правоприменителем. В итоге возникает своего рода круговорот информации, связанной с истолкованием и применением терминологической единицы; поскольку все уровни значений взаимозависимы, они могут влиять друг на друга и тем самым изменять не только восприятие термина, но и приводить к его уточнениям, изменениям дефиниции и т.п.. Так, если очевидно, что существует практика неверного употребления термина (как в случае с уже анализировавшимся словосочетанием *материнский капитал*), это может побудить законодателя к разработке подробного комментария к правовому акту, внесению в него изменений с целью создания более корректной дефиниции или даже пересмотру нормы как таковой. Упрощенно механизм передачи правового смысла термина можно

представить как цепочку: интенция законодворца – фиксация термина и его дефиниции – истолкование термина в процессе правоприменения – возможная реакция законодворца.

В качестве иллюстрации можно привести термин *степень смешения*, употребляющийся в составе устойчивой конструкции *схожесть до степени смешения*. Само понятие, обозначаемое данной лингвистической конструкцией, не имеет единого определения в федеральном законодательстве, поскольку применяется по отношению к принципиально различным объектам (чаще всего – к невербальным товарным знакам и символике, однако в рамках лингвистической экспертизы, особенно экспертизы товарных наименований, данный термин может использоваться по отношению к лексическим единицам; ниже мы будем анализировать данный термин лишь с той точки зрения, с которой он применяется к определению товарных знаков). Тем не менее, существует формулировка, содержащаяся в Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания от 2003 г. (п. 14.4.2), согласно которой *обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия*.

Как можно заметить по приведенной трактовке, законодатель подразумевает, что *схожесть* товарных знаков и обозначений может быть определена объективно. Тем не менее, в зафиксированной формулировке не указывается, каким именно образом она должна анализироваться и определяться, но говорится лишь об «ассоциации» с иным знаком или изображением «в целом». На наш взгляд, в данном случае имеет место расхождение между подразумеваемым и фиксированным значениями, вызванное оплошностью в применении юридической техники, так как приведенное определение без уточнений и дополнительных оговорок является излишне общим, размытым и оставляющим обширное пространство для субъективных трактовок и спекуляций. Чтобы обосновать наше утверждение, обратим внимание на сложившуюся правоприменительную практику, предусматривающую проведение обязательной ком-

плексной экспертизы при подозрении на схожесть товарных знаков до *степени смешения*. Очевидно, что собственного, субъективного мнения индивидуально-го представителя власти недостаточно для вынесения окончательного решения по данному вопросу, и вследствие этого для установления степени схожести обозначений могут использоваться различные юридически и научно обоснованные методы; к примеру, Я. А. Дударева предлагает применять для достижения означенной цели ассоциативный эксперимент (Дударева, 2012). В связи с отсутствием четкого фиксированного значения, которое корректно отражало бы значение, подразумеваемое законодателем, возникло, фактически, более точное правоприменительное значение термина, которое можно условно сформулировать как «сходство до степени смешения – подтвержденный независимой экспертизой факт неразличения потребителем двух товарных знаков, один из которых в общих чертах имитирует ранее созданный товарный знак или прочно ассоциируется с ним, при наличии различий в деталях». В свою очередь, для рядового носителя естественного языка *степень смешения* может означать любое неразличение или сильное сходство между двумя знаками, определяемое субъективно. Таким образом можно видеть, что в данном случае правоприменительное значение, выработавшееся у термина за годы, прошедшие с момента его фиксации в законодательстве, оказывается точнее, чем собственно зафиксированное, и лучше отражает интенцию, которую законодатель вкладывал в значение подразумеваемое.

Приведенный пример демонстрирует, что иногда лингвистические дефекты термина и искажения его правового смысла, допущенные при фиксации дефиниции в правовом акте, могут быть нивелированы в процессе правоприменения благодаря разумной практике использования терминологической единицы. Однако это лишь единичный случай, и гораздо чаще недоработки при формулировании значений высшего иерархического уровня приводят лишь к дополнительным осложнениям при непосредственном применении терминов. Неверная интерпретация термина на любом из пяти указанных нами уровней значения потенциально чревата затруднениями при претворении законодательных

норм в жизнь, хотя наиболее опасными с данной точки зрения будут являться ошибки при определении зафиксированного, подразумеваемого и правоприменительного значений. На наш взгляд, существуют следующие основные способы снизить риск неправильных и противоречивых толкований терминологических единиц на этих уровнях:

1) достаточно развернутый, юридически корректный и лишенный недоработок комментарий к правовому акту заведомо снижает вероятность неверных толкований зафиксированного значения, помогает раскрыть подразумеваемое и минимизирует риск возникновения такого правоприменительного значения, при котором изначальный правовой смысл искажается;

2) использование для терминологизации нейтрального, не содержащего дополнительных коннотаций и максимально однозначного слова позитивно влияет на степень последующего совпадения его юридически важных значений;

3) комплексная лингвистически-правовая экспертиза законопроектов и правовых актов как в процессе их разработки, так и после принятия способствует выявлению слабых мест закона и установлению тех значений, в которых правовой смысл может оказаться искаженным;

4) анализ правоприменения и фактического использования конкретного термина помогает определить его правоприменительное значение и сравнить его с фиксированным для устранения возможных недоработок; кроме того, в ходе него возможно выявление обиходных наивных трактовок, препятствующих повышению юридической грамотности населения и затрудняющих использование терминологической единицы;

5) обдуманное заимствование из международного права тех терминологических единиц, которые минимально подвержены риску искажения их правового смысла на всех уровнях системы значений.

Таким образом, мы предлагаем принять модель юридического термина как системы значений в качестве одной из допустимых в рамках интерпретативного подхода и использовать ее при дальнейшем изучении и оптимизации российской юридической терминологии.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Подводя итог проведенного выше анализа терминологических единиц, функционирующих в пространстве российского законодательства, выделим несколько ключевых положений, которые мы считаем доказанными.

1. В современном российском законодательстве распространены случаи недостаточно корректного подхода к созданию юридических терминов: многие терминологические единицы недостаточно точно дефинированы, вследствие чего их правовой смысл не прослеживается. Основной причиной данной проблемы мы считаем несоблюдение основополагающих требований к юридическим терминам и лингвистические небрежности, допускаемые в процессе терминологизации, особенно требования однозначности, с нарушениями которого связаны более 45% случаев смысловых модификаций терминологических единиц.

2. Погрешности при переносе единиц естественного языка в язык юридический вызывают затруднения при правоприменении и приводят к формированию ложных интерпретаций терминологических единиц как среди носителей обыденного сознания, так и среди профессионалов.

3. Законодатели порой злоупотребляют ограниченной способностью носителей естественного языка к истолкованию терминов права, что позволяет им использовать юридическую терминологию с целью манипулирования общественным сознанием, искажения правовой картины мира населения; в законодательстве содержатся термины, по сути своей являющиеся манипулятивными, созданными по сиюминутной прихоти законотворцев и не имеющие реального юридического значения. Манипулятивный потенциал, т.е. возможность использования терминологической формулировки для манипуляции сознанием, может быть присущ и терминам, конструировавшимся без таковой интенции, вследствие определенных ошибок и недоработок, допущенных при их конструирова-

нии. В совокупности такие терминологические формулировки составляют более 34% от всех единиц, подверженных смысловым модификациям

4. Особенно значительные затруднения и повышенный риск возникновения терминов, манипулятивных по своей сути или обладающих манипулятивным потенциалом, наблюдаются при создании обозначений для вновь возникающих правовых реалий, в т.ч. в областях, где юридическая практика претерпевает быструю эволюцию.

5. Одним из способов, позволяющих снизить риск ненадлежащего использования правовых формулировок, унифицировать терминологическую базу и устранить лексическую избыточность в рамках законодательного дискурса, может стать обдуманное заимствование некоторых непротиворечивых и устойчивых иноязычных терминов, получивших распространение в международном праве.

6. С точки зрения интерпретационного подхода юридический термин можно рассматривать как сложную семантическую структуру, состоящую из взаимосвязанных компонентов, представляющих собой правовой смысл и различные значения, вкладываемые в термин законодателем, юристом-правоприменителем и рядовым интерпретатором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование доказывает выдвинутую нами гипотезу о том, что в ходе конструирования, утверждения и применения в юридической практике терминологические единицы, призванные обслуживать законодательный дискурс, претерпевают множественные семантические модификации, обусловленные рядом взаимозависимых факторов и способные приводить к затруднению определения вложенного в них правового смысла или к его устранению.

В ходе исследования нами были достигнуты следующие результаты.

1. Определены типовые трудности терминологизации единиц естественного языка в юридическом тексте, к которым относятся:

1) наличие дополнительных коннотаций у терминологизируемой единицы, в первую очередь экспрессивных значений;

2) многозначность терминологизируемого слова или словосочетания, отсутствие его единой трактовки;

3) размытость значения, при которой смысл понятия, обозначаемого терминологизируемой единицей, трактуется исключительно субъективно.

Мы пришли к выводу, что при перенесении единиц естественного языка в язык юридический необходимо тщательно следить за соответствием их первоначальной семантики юридическому значению выражаемых ими понятий. Отсутствие единых, однозначных и общепонятных определений терминологических формулировок – одна из главных проблем, влекущих за собой трудности при терминологизации. Особую важность она приобретает тогда, когда речь идет о терминах, основанных на единицах естественного языка, имеющих первоначальные значения, достаточно сильно расходящиеся с правовым смыслом, который в них планируется вложить. По этой причине разработка развернутых и максимально точных определений важна не только для терминов в строгом смысле этого слова, но и для любых единиц естественного языка, приносимых в юридический текст и используемых для передачи смысла правовых понятий,

поскольку наличие существенных различий между трактовками лексических единиц в естественном и юридическом языках может привести к ошибкам в процессе правоприменения. Безосновательным является внесение в законодательный текст единиц, не обозначающих юридических понятий, а также тех слов и словосочетаний, которые могут интерпретироваться таким образом, что их юридический смысл окажется искажен. Также необходимо избегать придания юридического значения тем словам и словосочетаниям естественного языка, которые обладают ярко выраженной коннотацией, способной повлечь за собой неверную трактовку их правового смысла правоприменителем. Законодатель не должен полагаться на мнимую общепонятность термина и отказываться от его подробного истолкования. Такая неосмотрительность может привести к ошибкам при правоприменении, так как интерпретация термина, заимствованного из естественного языка и не имеющего строго определенного юридического значения, рядовым носителем естественного языка неминуемо будет необъективной (с высокой долей вероятности – некорректной). Любой закон должен быть огражден от такого непрофессионального восприятия путем включения в него развернутых, точных и максимально однозначных дефиниций каждого встречающегося в законодательном тексте термина.

2. Выявлены типовые нарушения требований к юридической терминологии. Как показал анализ практического материала, наиболее распространенными являются нарушения требования точности и однозначности терминологических единиц. Во многих правовых актах не содержатся необходимые определения терминов, что приводит к разночтениям; весьма часто юридическое значение того или иного понятия оказывается непонятным правоприменителю, поскольку законодатель не позаботился о его раскрытии. Существенным недостатком российского законодательства является частое использование в нем терминологических единиц, которым придаются различные значения в контексте разных правовых актов (нарушения требований устойчивости и системности), а также таких терминов, у которых вовсе отсутствуют дефиниции. Проблему представляет и наличие ряда терминов, которые по своей сути взаимосвя-

висимы и могут как сливаться в единые формулы, правовой смысл которых оказывается размытым, так и употребляться по отдельности, что в итоге приводит к возникновению излишней терминологической синонимии. Среди основных путей решения проблем, возникающих в связи с несоблюдением требований, предъявляемых к юридическим терминам, мы назовем:

- 1) разработку и фиксирование в законодательных актах точных дефиниций всех применяемых терминов;
- 2) унификацию терминологической системы – устранение двояких трактовок одних и тех же терминологических единиц в различных правовых актах;
- 3) устранение из законодательной практики тех терминов, которые не имеют точных определений;
- 4) отказ от использования в законодательных текстах нетерминологических единиц, трактуемых правоприменителями субъективно и не обладающих важным правовым смыслом;
- 5) многоуровневую оптимизацию терминосистемы, состоящую из этапов ревизии, унификации, кодификации терминологии, разработки нормативно-правовой базы, регулирующей конструирование терминологических единиц, и, в перспективе, создания единой онтологической схемы российского права.

3. Исследована проблема манипулятивного потенциала российской юридической терминологии и разработана рабочая классификация манипулятивных терминов. Рассмотрев ряд терминов, а также предложенных к терминологизации лексических единиц и словосочетаний, мы установили, что в ныне действующем законодательстве Российской Федерации используются в достаточно заметных количествах сомнительные с точки зрения лингвистической составляющей юридические формулировки, которые были созданы наспех, с расчетом на решение сиюминутных проблем, не обозначают никаких конкретных правовых реалий и призваны служить лишь для манипулирования общественным сознанием. Целями формирования целого пласта таких терминов, которые мы в нашем исследовании обозначаем как манипулятивные, могут являться как сокрытие несовершенства принятых правовых актов или создание видимости

реальных правовых изменений при их фактическом отсутствии, так и более опасные с точки зрения права действия, такие как намеренное оставление в тексте закона непроясненных мест или применение законодательных дефиниций в качестве инструмента давления на прессу. При этом законодатели не всегда учитывают потенциальную серьезность последствий введения манипулятивных терминов в употребление: пусть даже подобные формулировки могут временно решить некие стоящие перед законотворцами задачи, тем не менее, они остаются лишенными фактического наполнения и не встроенными в систему устоявшейся правовой терминологии. Согласно нашей концепции, при определенных обстоятельствах неаккуратно сформулированные термины могут способствовать неправильному их истолкованию в процессе правоприменения, то есть искажать юридическую картину мира адресата законодательных актов в современной массовой культуре. Манипулятивны, по нашему мнению, такие терминологические единицы, которые:

- 1) фактически дублируют уже существующие;
- 2) лишены определений и вводятся в употребление исключительно с целью формирования видимости наличия у них юридического смысла;
- 3) сконструированы на основе лексических единиц естественного языка, имеющих явную оценочную окраску, и служат для представления некоего явления в положительном или отрицательном контексте в соответствии с целями адресанта.

В то же время наряду с терминами, прямо нацеленными на манипулирование общественным сознанием и искажение правовой картины мира адресата законодательного текста, существуют и терминологические единицы, конструировавшиеся без подобных намерений, однако в силу определенных дефектов юридической техники и нарушений базовых требований, предъявляемых к правовым формулировкам, приобретающие манипулятивный потенциал, то есть возможность использования заведомо неверной трактовки термина в целях, не соответствующих его изначальному назначению. В отличие от манипулятивных терминов, обладающие манипулятивным потенциалом формулировки

имеют строго определенный правовой смысл и могут быть исправлены таким образом, что вероятность злоупотребления ими будет сведена к минимуму. Главными причинами возникновения манипулятивного потенциала у юридических терминов является несоблюдение основополагающих требований терминологической точности, однозначности и общепонятности, выявленных нами ранее. Манипулятивный потенциал может реализовываться при употреблении терминологических единиц, которые:

1) состоят из лексических компонентов, имеющих специфическую семантику в естественном языке, однако не имеющих таковой в языке юридическом;

2) не имеют однозначных определений и оставляют возможность для заведомо ложных толкований;

3) сочетают две указанных выше недоработки.

4. Выявлены дефекты, возникающие при конструировании новых терминологических единиц, обозначающих вновь возникающие правовые реалии. Среди них мы выделяем непонимание законодателем специфики регулируемой правовой отрасли, приводящее к фиксации за терминологическими конструкциями определений, искажающих их правовой смысл, расплывчатость дефиниций терминологических единиц, отсутствие у них устоявшихся трактовок, вариативность их употребления, использование для их создания единиц естественного языка, не способных принимать корректный правовой смысл. По данным причинам у носителей естественного языка нередко складывается искаженное представление о правовых нормах, они негативно влияют на уровень доверия граждан к праву и закону в целом, что понижает общий уровень юридической грамотности населения и приводит к восприятию закона как инструмента давления на граждан.

5. Изучена специфика заимствований иноязычной юридической терминологии и определение случаев, в которых целесообразно использование данных заимствований. Установлено, что в ряде случаев перенесение в российское законодательство иноязычных терминологических единиц или их адаптация может служить средством устранения трудностей, связанных с применением юри-

дической терминологии. В частности, заимствования могут оказаться полезными для решения актуальной проблемы терминологической синонимии. В то же время анализ практического материала показал, что некритичное, слабо обоснованное заимствование иноязычных юридических терминов приводит к усугублению существующих проблем.

6. Разработана экспериментальная модель анализа юридического термина как системы значений. Мы предлагаем рассматривать юридический термин не как сравнительно простую семантическую структуру, состоящую из правового смысла и дефиниции, а как сложную интерпретативную систему, формирующуюся за счет значений, вкладываемых в один и тот же термин на разных уровнях и этапах его использования. В качестве центрального компонента данной системы мы предлагаем рассматривать правовой смысл, а различные его воплощения разграничивать и рассматривать как взаимосвязанные элементы. В сконструированной нами модели мы выделяем пять видов значения, в том числе три важнейших (подразумеваемое, фиксируемое и правоприменительное) и два второстепенных (естественное значение терминологизированной единицы и наивную трактовку термина субъектом права). Мы полагаем, что использование указанной модели при рассмотрении проблемных с точки зрения лингвистики юридических терминов может упростить процесс их оптимизации и устранения их ключевых недостатков.

В перспективе, опираясь на достигнутые в данном диссертационном исследовании результаты, мы планируем продолжить более углубленное изучение терминосистемы российского законодательства на предмет функционирования в нем манипулятивных формулировок, подробнее рассмотреть вопросы интерпретации терминов права применительно, затронув вопрос о взаимосвязи между законодательным и смежными дискурсами, а также рассчитываем на основе экспериментальной модели, описанной выше, разработать методологию анализа юридических терминов, которая могла бы применяться в процессе предварительного анализа предлагающихся к утверждению законопроектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева, М. В. Юридический текст : некоторые особенности семантики / М. В. Авдеева // Закон. – 2011. – № 4. – С. 140–144.
2. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003а. – 420 с.
3. Александров, А. С. Язык уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александров Александр Сергеевич. – Н. Новгород, 2003б. – 56 с.
4. Алексеев, С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
5. Алексеева, А. П. Антикоррупционное законодательство России в сфере спорта / А. П. Алексеева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 4. – С. 45–47.
6. Анисимова, Т. В. Манипуляция как характеристика институционального дискурса : монография / Т. В. Анисимова, Н. А. Крапчетова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 204 с.
7. Балашов, А. И. Милиция и полиция: найдите отличия [Электронный ресурс] / А. И. Балашов // Невское время. – 2010. – 10 августа. – URL: <http://www.nvspb.ru/stories/miliciya-i-policiya-naydite-otlichiya-43067>
8. Белоконь, Н. В. Лингвистические ошибки в нормативно-правовых документах [Электронный ресурс] / Н. В. Белоконь // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – 2002. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608>
9. Борисенко, Е. Г. Возрастные концепты в понятийно-вербальном сознании носителей русской и американской молодежных лингвокультур (на материале дефиниционного эксперимента) / Е. Г. Борисенко, О. А. Пономарева, Ж. В. Фомина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 87. – № 3. – С. 120–128.

10.Босов, А. Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Босов Артем Евгеньевич. – Н. Новгород, 2009. – 26 с.

11.Бугаев, К. В. Проблемы юридической терминологии (на примере криминалистики и судебной экспертизы) / К. В. Бугаев // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 23–26.

12.Бурдин, Л. С. Юрислингвистика (язык и право). Научно-аналитический обзор : коллективная монография / Л. С. Бурдин, А. М. Кузнецов, Н. В. Солнцева. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. – 69 с.

13.Буянова, Л. Ю. Гносеологическая концептуализация мира: семиотико-терминологический модус / Л. Ю. Буянова // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 206–208.

14.Буянова, Л. Ю. Когнитивно-категориальная стратификация как механизм эволюции терминосистемы / Л. Ю. Буянова // Известия Сочинского государственного университета. – 2013а. – № 1. – С. 168–171.

15.Буянова, Л. Ю. Когнитивно-семиотическая деривация как механизм формирования и эволюции современной финансово-экономической терминосферы / Л. Ю. Буянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013б. – № 31. – С. 19–22.

16.Буянова, Л. Ю. Предметная область «информатика» как когнитивно-терминологическая суперсфера / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Завалей // Известия Сочинского государственного университета. – 2013в. – № 3. – С. 182–184.

17.Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса / Л. Ю. Буянова. – М. : Флинта, 2012. – 224 с.

18.Буянова, Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность / Л. Ю. Буянова. – М. : Флинта, 2011. – 388 с.

19.Вавилова, А. А. Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта / А. А. Вавилова // Юрислингвистика-8 : Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 81–92.

20.Варламова, Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы / Н. В. Варламова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 68–84.

21.Васюк, А. В. Юридическая герменевтика как научное направление правоведения / А. В. Васюк // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 4. – С. 81–91.

22.Ватлецов, С. Г. Правовые дефиниции как юридические конструкции / С. Г. Ватлецов // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – Ч. 2. – С. 160–163.

23.Вернигорова, В. А. Юридический перевод: наука или искусство? / В. А. Вернигорова // Научный обозреватель. – 2011. – № 11. – С. 37–43.

24.Вобликов, В. Ю. Правопонимание в современной российской теории права [Электронный ресурс] / В. Ю. Вобликов // Электронный научно-теоретический журнал Credo New. – 2006. – № 3. – URL: <http://credonew.ru/content/view/572/58/>

25.Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики / А. В. Волков. – М. : Wolters Kluwer Russia, 2009. – 452 с.

26.Волкова, А. Г. Понятие «секта» с точки зрения судебной лингвистики / А. Г. Волкова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : Материалы Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции / отв. ред. В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. – С. 178–183.

27.Волчанская, А. Н. Место и роль института защиты прав человека в современной России / А. Н. Волчанская // XV Межвуз. конф. студентов и молодых ученых г. Волгограда и Волгоградской области, г. Волгоград, 9–12 нояб. 2010 г. – Вып. 10: Права человека: тез. докладов. – Волгоград : Изд-во ВА МВД России, 2010. – С. 7–11.

28.Вопленко, Н. Н. Правовые дефиниции в современном российском законодательстве / Н. Н. Вопленко, М. Л. Давыдова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2001. – № 1. – С. 64–71.

29.Воркачев, С. Г. The Kinds of Lie: Лукавство / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 17–29.

30.Воронина, И. Е. Создание базовой онтологии для российской системы права на основе онтологии LKIF-Core / И. Е. Воронина, Е. А. Пигалкова // Вестник ВГУ. Системный анализ и информационные технологии. – 2010. – № 1. – С. 154–159.

31.Высоцкий, А. Ю. Легитимность: анализ понятия / А. Ю. Высоцкий // Грани. – 2003. – № 1. – С. 109–113.

32.Галяшина, Е. И. Лингвистика и речеведение в теории экспертизы спорных текстов / Е. И. Галяшина // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сборник тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 778–779.

33.Гаскарова, М. Л. Правовая защита чести и достоинства личности: Вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Гаскарова Маргарита Левиновна. – М., 1999. – 20 с.

34.Голев, Н. Д. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Галерея, 2002. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v68.html>

35.Голев, Н. Д. Теоретические аспекты юридического функционирования русского языка / Н. Д. Голев // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сборник тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 779–780.

36.Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном

и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 8–40.

37.Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 122–137.

38.Гриневич, М. Г. К вопросу о терминологическом анализе законодательных дефиниций при формировании словаря юридических терминов [Электронный ресурс] / М. Г. Гриневич, О. И. Капуста // Проблемы правовой информатизации. – 2006. – № 1 (11). – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1234998>

39.Гришенкова, Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики / Ю. А. Гришенкова // Ярославский педагогический вестник. – 2005а. – № 1. – С. 26–34.

40.Гришенкова, Ю. А. Юридический термин как языковой и социокультурный феномен (на материале немецкого языка семейного права) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гришенкова Юлия Анатольевна. – Ярославль, 2006. – 20 с.

41.Гришенкова, Ю. А. Язык права как объект коммуникативных исследований / Ю. А. Гришенкова // Ярославский педагогический вестник. – 2005б. – № 1. – С. 128–131.

42.Гроте, де Г.-Р. Язык и право / Г.-Р. де Гроте // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 145–152.

43.Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : Норма, 2004. – 160 с.

44.Давыдова, М. Л. Нормативно-правовое предписание в теории права / М. Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 218 с.

45.Давыдова, М. Л. Структура языка права: филологические и юридические аспекты / М. Л. Давыдова // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 40–47.

46.Добрынин, Н. М. Юридическая наука и ее роль в становлении новых федеративных отношений: системный кризис, его причины и пути перехода на новый качественный уровень / Н. М. Добрынин // Государство и право. – 2007. – №1. – С. 11–17.

47.Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

48.Дубровская, Т. В. Экспрессивные языковые средства в судебном дискурсе / Т. В. Дубровская // Романо-германская филология: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 256–262.

49.Дубровский, С. А. Проблемы юридической терминологии [Электронный ресурс] / С. А. Дубровский // Мат-лы Интернет-конференции «Право как дискурс, текст и слово». – 2010. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/problemy_juridicheskoy_terminologii/2-1-0-22

50.Дударева, Я. А. Ассоциативный эксперимент как метод определения сходства товарных знаков до степени смешения [Электронный ресурс] / Я. А. Дударева // Материалы Интернет-конференции «Право как дискурс, текст и слово». – 2012. – 16 декабря. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/associativnyj_eksperiment_kak_metod_opredelenija_skhodstva_tovarnykh_znakov_do_stepeni_smeshenija/5-1-0-146.

51.Желтухина, М. Р. Закон РФ «О средствах массовой информации»: о проблеме нарушения требования терминологической точности и однозначности / М. Р. Желтухина, Н. Ю. Мартышко // Вторая междунар. науч. конф. «Стилистика сегодня и завтра : медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Мат-лы конф. – М. : МедиаМир, 2012а. – С. 141–146.

52.Желтухина, М. Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект / М. Р. Желтухина // Юрислингвистика-11: Право как

дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и К. И. Бринева. – Кемерово, 2011. – 600 с. – С. 350–368.

53. Желтухина, М. Р. Медiateксты в современной массовой коммуникации / М. Р. Желтухина // Вестник ЦМО МГУ. – 2013. – № 3. – 7–11.

54. Желтухина, М. Р. Основы лингвистической судебной экспертизы / М. Р. Желтухина. – Волгоград : ШАМ АО, 2008. – 64 с.

55. Желтухина, М. Р. Пресуппозиция, модальность, целостность и связность текста статьи как объекта лингвистического экспертного исследования по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации политика / М. Р. Желтухина // Право и политика : теоретические и практические проблемы : сборник мат-лов 1-й Междунар. науч.-практ. конф., 2 нояб. 2012 г. / отв. ред. А. В. Малько; Ряз. Гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань : Изд-во «Концепция», 2012б. – С. 265–269.

56. Желтухина, М. Р. Проблема установления наличия конкретной / неконкретной информации в тексте при производстве лингвистической судебной экспертизы (на примере из арбитражной судебной практики) / М. Р. Желтухина // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия. Материалы IV-й Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д : Дониздат, 2014а. – С. 143–173.

57. Желтухина, М. Р. Роль информации в медиадискурсе / М. Р. Желтухина // Вестник ЦМО МГУ. – 2010. – № 3. – С. 12–18.

58. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М., 2004. – 722 с.

59. Желтухина, М. Р. Статья как объект лингвистического экспертного исследования по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации: лингвистический анализ текста / М. Р. Желтухина // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Выпуск 12. Часть 1. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014б. – С. 92–128.

60. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкозн. РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

61. Жельвис, В. И. Слово и дело : юридический аспект сквернословия / В. И. Жельвис // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2000. – С. 194–206.

62. Зелепукин, А. А. Проблемы эффективности российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Зелепукин Алексей Анатольевич. – Саратов, 2000. – 21 с.

63. Земляная, Т. Б. О единстве терминологии нормативно-правовых актов [Электронный ресурс] / Т. Б. Земляная, О. Н. Павлычева // Журнал научно-педагогической информации. – 2010. – № 11. – URL: <http://www.paedagogia.ru/2010/49-11/111-zemlyanaya-pavlycheva>

64. Зубович, М. М. О языке права и праве языка [Электронный ресурс] / М. М. Зубович // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 3. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1116822>

65. Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия / Н. Н. Ивакина. – М. : Юристъ, 2007. – 455 с.

66. Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста / Н. Н. Ивакина. – М. : Норма, 2008. – 448 с.

67. Ивакина, Н. Н. Русский язык российского права [Электронный ресурс] / Н. Н. Ивакина // Трибуна. – 2006. – URL: <http://www.ni-journal.ru/educ/tribun/c506413d/>

68. Ильинова, Е. Ю. Манипулятивность вымысла в русском языковом сознании / Е. Ю. Ильинова // Русистика. Вып. 8. – Киев : ВПЦ Киевского ун-та, 2008. – С. 36–40.

69.Исазаде, В. Д. Юридическая терминология и ее источники [Электронный ресурс] / В. Д. Исазаде // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2009. – № 6. – URL: <http://jurnal.org/articles/2009/fill39.html>

70.Исаков, В. Б. Правовые словари и терминосистемы / В. Б. Исаков // Законодательная дефиниция : логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : мат-лы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сен. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. – Н. Новгород : Юридическая техника, 2007. – С. 86–101.

71.Исаков, В. Б. Язык права / В. Б. Исаков // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 72–88.

72.Карасик, В. И. Типы стратагемного дискурса / В. И. Карасик // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2008. – С. 3–10.

73.Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик; Науч.-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.

74.Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.

75.Карпухина, Н. М. Профессионально терминированные наименования как одно из средств номинации в сфере профессиональной коммуникации экономистов / Н. М. Карпухина // Вестник Российского экономического ун-та им. Г. В. Плеханова. – 2009. – № 6. – С. 112–116.

76.Картухин, В. Ю. Отдельные аспекты использования юридической терминологии как средства законодательной техники в правотворчестве субъектов РФ [Электронный ресурс] / В. Ю. Картухин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005а. – № 8. – URL: <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=9120>

77.Картухин, В. Ю. Техничко-юридическое качество законов субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Картухин Вячеслав Юрьевич. – М., 2005б. – 24 с.

78.Касьянюк, Т. Н. К вопросу о предмете лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Т. Н. Касьянюк // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сб. тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 784–785.

79.Кириллова, Л. Е. Спорное юридическое понятие в лингвистической экспертизе [Электронный ресурс] / Л. Е. Кириллова // Материалы конференции «Право как дискурс, текст и слово». – 2010. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kirillova_l_e_spornoe_juridicheskoe_ponjatie_v_lingvisticheskoy_ehkspertize/2-1-0-65

80.Кобылкин, Р. А. От милиции к полиции : реформа с позиции социологии имиджа / Р. А. Кобылкин, И. К. Черемушкина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 2. – С. 147–152.

81.Коган, В. М. К вопросу о формализации отрасли права / В. М. Коган // Вопросы кибернетики и права. – М. : Наука, 1967. – С. 100–115.

82.Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1983. – 234 с.

83.Козырева, П. М. Правовое сознание и доверие [Электронный ресурс] / П. М. Козырева // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». Перепечатка с сайта Института социологии РАН. – 2008. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozireva_4_08.pdf

84.Колесник, И. В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Колесник Ирина Валентиновна. – Ростов н/Д, 2007. – 32 с.

85.Колокольцева, Т. В. Диалог и диалогичность в Интернет-коммуникации / Т. В. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 128–133.

86. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Коновалова Мария Владимировна. – Челябинск, 2008. – 25 с.

87. Космарская, И. В. Юридические тексты-интерпретации [Электронный ресурс] / И. В. Космарская // Международный институт языков СНГ. – 2008. – URL: http://inlang.linguanet.ru/ScientificWork/ScientificArticles/detail.php?ELEMENT_ID=2391

88. Костромичева, М. В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права / М. В. Костромичева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 3. – С. 57–61.

89. Кочесоков, З. Х. Правовое сознание и его национальные особенности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кочесоков Заурбек Хамидбиевич. – Ростов н/Д, 1999. – 23 с.

90. Красовская, О. В. О речевой коммуникации в судебной практике / О. В. Красовская. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 128 с.

91. Кречетов, Д. В. Честь и достоинство (исторический аспект) / Д. В. Кречетов // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 100–103.

92. Крюкова, Е. А. О средствах достижения точности выражения правовых норм [Электронный ресурс] / Е. А. Крюкова // Представительная власть – XXI век : Законодательство, комментарии, проблемы. – 2000. – № 4. – URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.s37.php>

93. Крюкова, Е. А. Язык и стиль законодательных актов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Крюкова Елена Александровна. – М., 2003. – 139 с.

94. Кубиц, Г. В. О проблеме применения специальной оценочной лексики в юридических текстах / Г. В. Кубиц // Российская юстиция. – 2007. – № 5. – С. 47–49.

95. Кузнецов, А. П. Методологические основы юридической техники в современном российском уголовном праве / А. П. Кузнецов, И. Н. Бокова // Вест-

ник Нижегородского государственного ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2003. – № 2. – С. 294–308.

96. Кузнецова, Ю. А. Особенности проявления полисемии и омонимии среди юридических терминов и профессионализмов [Электронный ресурс] / Ю. А. Кузнецова // Материалы IV Междунар. практ. Интернет-конф. «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». Саратов, 20–22 февр. 2012. – Официальный сайт Саратовского государственного ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – URL: http://212.193.37.141/files/nodes/78210/Osobennosti_proyavleniya_polisemii_i_omonimii_sredi_yuridicheskikh_terminov_i_professionalizmov.pdf

97. Кузякин, А. Штатные и внештатные работники [Электронный ресурс] / А. Кузякин // Кадровик. Кадровое делопроизводство. – 2007. – № 7. – URL: <http://www.hr-portal.ru/article/shtatnye-i-vneshtatnye-rabotniki>

98. Кулакова, Ю. Ю. Язык права / Ю. Ю. Кулакова // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 217–220.

99. Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 56–71.

100. Леонтович, О. А. From Russia With Love : Культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса / О. А. Леонтович // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 20–23.

101. Ловпаче З. Х. Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании [Электронный ресурс] / З. Х. Ловпаче // Вестник Адыгейского государственного ун-та. – 2011. – № 4. – URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.4/1441/lovpache2011_4.pdf

102. Лыкова, Н. Н. Французские заимствования в русской юридической терминологии / Н. Н. Лыкова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 217–221.

103. Любимов, Н. А. Взаимодействие языка и права в юридических текстах / Н. А. Любимов // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сб. тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 785–786.

104. Магомедов, С. К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России / С. К. Магомедов // Журнал российского права. – 2004а. – № 3. – С. 23–31.

105. Магомедов, С. К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Магомедов Сергей Константинович. – М., 2004б. – 154 с.

106. Малюкова, Е. В. Различные подходы к определению понятия «термин» и «терминология» в юрислингвистике [Электронный ресурс] / Е. В. Малюкова // Официальный сайт Сибирской Ассоциации консультантов. – 2011. – 3 мая. – URL: http://sibac.info/files/2011_05_03_Phylology/Malyukova.doc

107. Малюкова, Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Малюкова Елена Вячеславовна. – Бийск, 2005. – 21 с.

108. Мартышко, Н. Ю. Интерпретационный подход к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов / Н. Ю. Мартышко // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы II Междунар. науч.-практич. Интернет-конф., г. Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2012 г. / отв. ред. Ю. В. Меликян; Южный Федеральный ун-т. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012. – С. 43–49.

109. Мартышко, Н. Ю. К вопросу о терминологических заимствованиях в современном юридическом дискурсе / Н. Ю. Мартышко // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения : Материалы V Международн. науч.-практич. конф, Москва, 20–21 апр. 2012 г.; Российский университет дружбы народов. – М. : РУДН, 2012. – С. 113–115.

110. Мартышко, Н. Ю. К определению понятий «юридический язык», «юридический текст» и «юридический термин» / Н. Ю. Мартышко // Коммуни-

кативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : мат-лы VII Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 6 февр. 2013 / сост. Н. Н. Остринская, А. В. Простов. – Волгоград : Парадигма, 2013. – С. 408–413.

111. Мартышко, Н. Ю. Лингвистическое несовершенство российского законодательства как препятствие для эффективного правового регулирования электронной коммуникации / Н. Ю. Мартышко // Человек и его дискурс-4 : коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – М. : ИЯРАН; Изд. центр «Азбуковник», 2014. – С. 182–186.

112. Мартышко, Н. Ю. О манипулятивном потенциале некоторых юридических терминов / Н. Ю. Мартышко // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия : мат-лы Междунар. науч.-практич. Интернет-конф., г. Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2011 г. / отв. ред. Ю. В. Меликян; Южный Федеральный ун-т. – Ростов н/Д : Ростовское книжное изд-во, 2011. – С. 111–119.

113. Мартышко, Н. Ю. О несовершенстве формулировки «материнский капитал», используемой в федеральном законе / Н. Ю. Мартышко // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения : мат-лы Междунар. науч. Интернет-конф., г. Волжский, 1–30 апр. 2010 г.; ВолГУ, Волжский гуманитарный ин-т. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. – С. 126–128.

114. Мартышко, Н. Ю. Оскорбление чувств верующих в современных российских массмедиа : законодательный и этический аспекты / Н. Ю. Мартышко // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 4. – С. 24–28.

115. Мартышко, Н. Ю. Современный законодательный дискурс: юридическая терминология и правовое сознание / Н. Ю. Мартышко // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 2. – С. 28–33.

116. Мартышко, Н. Ю. Типовые трудности терминологизации единиц естественного языка в юридическом тексте / Н. Ю. Мартышко // Мат-лы науч.-

практич. конф. «Интегрированные коммуникации 2012», Москва, 17 апр. 2012 г.; Высшая школа экономики. – М. : АПК и ППРО, 2012. – С. 168–179.

117. Мартышко, Н. Ю. Формулировка «пропаганда гомосексуализма» как пример юридического термина, не имеющего определенного значения / Н. Ю. Мартышко // Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры : вопросы теории и практики : мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 19–20 апр. 2012 г.) / под ред. Л. В. Гордеевой, Т. Ю. Зотовой. – В 2 т. – Т. 1. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2012. – С. 186–188.

118. Мартышко, Н. Ю. Функционирование манипулятивных формулировок в современном российском законодательстве / Н. Ю. Мартышко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Филол. науки. – 2014. – № 5. – С. 11–16.

119. Милославская, Д. И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Милославская Дарья Игоревна. – М., 2000а. – 164 с.

120. Милославская, Д. И. Термины избирательного законодательства и общественное сознание [Электронный ресурс] / Д. И. Милославская // Роль СМИ в региональных выборах 2001 года. Конференция ИРИС 4–5 марта 2002 года. Выступление участников и обсуждение. – М. : ИРИС, 2002. – Библиотека Law.edu.ru. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1128856>

121. Милославская, Д. И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста / Д. И. Милославская // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000б. – С. 114–117.

122. Милославская, Д. И. Юридические термины и их интерпретация [Электронный ресурс] / Д. И. Милославская // Ростовская электронная газета. – 1999. – №21. – 6 ноября. – URL: http://www.relga.rsu.ru/n27/rus27_1.htm

123. Минбалеев, А. В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Минбалеев Алексей Владимирович. – Челябинск, 2012. – 46 с.

124. Мишланов, В. А. Язык законов в свете законов языка (о содержании понятия «лингвистическое обеспечение» законодательства и правоприменения) / В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – №1. – С. 165–176.

125. Монахов, В. Н. СМИ и Интернет : проблемы правового регулирования / В. Н. Монахов. – М. : Экопринт, 2003. – 320 с.

126. Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – №6. – С. 54–61.

127. Мушнина, М. М. Русская юридическая терминология: семантика, стандартизация и перевод / М. М. Мушнина // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сб. тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 787.

128. Никитина, О. В. Текст закона глазами рядового носителя языка и лингвиста / О. В. Никитина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». – С. 361–366.

129. Новодранова, В. Ф. Аналогия как когнитивный механизм построения категории на основе смежности концептуальных признаков / В. Ф. Новодранова, С. В. Мичугина // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 17. – С. 109–113.

130. Новодранова, В. Ф. Композиционная семантика (на материале медицинской терминологии) / В. Ф. Новодранова // С любовью к языку : сб. науч. тр. – Москва; Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 315–319.

131. Новодранова, В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине / В. Ф. Новодранова // Проблемы психолингвистики : Теория и эксперимент : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2001. – С. 247–251.

132. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Олянич Андрей Владимирович. – Волгоград, 2004. – 602 с.

133. Палашевская, И. В. Судебный дискурс : функции, структура, нарративность : монография / И. В. Палашевская. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 346 с.

134. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна. – Волгоград, 2012. – 390 с.

135. Парасуцкая, М. И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике : принципы исследования [Электронный ресурс] / М. И. Парасуцкая // Мат-лы конференции «Право как дискурс, текст и слово». – 2010. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/parasuckaja/2-1-0-45

136. Пиголкин, А. С. Пути оптимизации работы над правовой терминологией / А. С. Пиголкин, С. Н. Юсупов // Советское государство и право. – 1983. – № 12. – С. 42–52.

137. Половова, Л. В. Техничко-юридические дефекты законодательных текстов как основания интерпретационной практики / Л. В. Половова // Законотворческая техника современной России : состояние, проблемы, совершенствование : сб. статей: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т.1. – С. 395–422.

138. Пономарева, О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пономарева Ольга Александровна. – Волгоград, 2008. – 215 с.

139. Пономарева, О. А. Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : монография / О. А. Пономарева. – Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2013. – 186 с.

140. Пономарева, О. А. Риторико-семантический анализ политического имиджа в российских и американских СМИ / О. А. Пономарева, Е. Г. Столбова

// Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 55. – № 17. – С. 132–137.

141. Попова, Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Попова Лариса Евгеньевна. – Краснодар, 2005. – 166 с.

142. Потапенко, С. В. Институт диффамации и российское законодательство / С. В. Потапенко // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 33–35.

143. Пригарина, Н. К. Клевета или мнение? / Н. К. Пригарина // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы II Международной научной конференции (Волгоград, 24–26 апр. 2007). – В 2 т. – Т.1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007а. – С. 927–931.

144. Пригарина, Н. К. Оценки как средства манипуляции в юридическом дискурсе / Н. К. Пригарина // Юрислингвистика-8 : Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007б. – С. 229–235.

145. Пронина, М. П. Проблема терминологической точности, влияющей на качество современного российского законодательства / М. П. Пронина // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД РФ. – 2013. – № 22. – С. 234–236.

146. Пшеничников, М. А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Пшеничников Михаил Александрович. – Н. Новгород, 2011. – 24 с.

147. Рекош, К. Х. Влияние толкования на правовой дискурс / К. Х. Рекош // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 209–216.

148. Романовская, О. В. Понятие «объединение граждан» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / О. В. Романовская // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 196–205.

149. Сандалова, Н. В. Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам) / Н. В. Сандалова // Вестник Перм-

ского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 2. – С. 42–47.

150. Слышкин, Г. Г. Дискурс и концепт : о лингвокультурном подходе к изучению дискурса / Г. Г. Слышкин // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.

151. Смирнова, Н. А. Авторское право в библиотечном деле / Н. А. Смирнова // Научные и технические библиотеки. – 2006. – № 2. – С. 49–53.

152. Снегирева, М. В. К вопросу о языковой и коммуникативной компетенции юристов / М. В. Снегирева // Юрислингвистика-8 : Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 57–63.

153. Соболева, А. К. О некоторых лингвистических и экстралингвистических проблемах конкретизации законодательства / А. К. Соболева // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. – Н. Новгород, 2009. – С. 374–393.

154. Сыпченко, С. В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (о проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики) / С. В. Сыпченко // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 147–154.

155. Туранин, В. Ю. Значение юридической терминологии для права и особенности ее общеправового применения / В. Ю. Туранин // Право и образование. – 2009а. – № 3. – С. 4–10.

156. Туранин, В. Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Туранин Владислав Юрьевич. – Белгород, 2002. – 22 с.

157. Туранин, В. Ю. Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве / В. Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2009б. – № 8. – С. 12–14.

158. Туранин, В. Ю. Три причины трудности понимания текста закона / В. Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 2–4.

159. Туранин, В. Ю. Экспертиза законопроекта : новые возможности / В. Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2007а. – № 1. – С. 67–69.

160. Туранин, В. Ю. Юридическая терминология современного российского законодательства : причины возникновения проблем и перспективы их преодоления / В. Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2007б. – № 11. – С. 41–43.

161. Тютюнова, О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Тютюнова Олеся Николаевна. – Волгоград, 2008. – 22 с.

162. Усманова, Е. Ф. Речевая коммуникация в профессиональной деятельности юриста / Е. Ф. Усманова // Юрислингвистика-8 : Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 63–71.

163. Ушаков, А. А. Избранное : Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык / А. А. Ушаков. – М. : РАП, 2008. – 314 с.

164. Федорченко, Е. А. Язык современного законодательства и вопросы культуры речи / Е. А. Федорченко // Вестник Российской таможенной академии. – 2011. – № 1. – С. 102–108.

165. Фомина, Л. Ю. Обеспечение единства терминологии нормативных правовых актов : проблемы и перспективы / Л. Ю. Фомина // Социально-политические науки. – 2012. – № 1. – С. 96–100.

166. Фомина, Л. Ю. Унификация нормативной правовой терминологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Фомина Лилия Юрьевна. – Саранск, 2006. – 24 с.

167. Хижняк, С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы : монография / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014а. – 244 с.
168. Хижняк, С. П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) / С. П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 92–99.
169. Хижняк, С. П. Объект и предмет юридической лингвистики / С. П. Хижняк // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (25 марта 2014). – Пенза: РИО ПГСХА, 2014б. – С. 68–72.
170. Хижняк, С. П. Основы юридической лингвистики : учебное пособие / С. П. Хижняк. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. академии права, 2011. – 124 с.
171. Хижняк, С. П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения / С. П. Хижняк // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 67–71.
172. Хижняк, С. П. Репрезентация правовой культуры в языке: проблемы межкультурной коммуникации / С. П. Хижняк // Приволжский научный вестник. – 2014в. – № 5. – С. 131–134.
173. Хижняк, С. П. Роль политики и идеологии в истории формирования русской юридической терминологии / С. П. Хижняк // Политическая лингвистика. – 2014г. – № 1. – С. 272–277.
174. Хижняк, С. П. Семантические свойства юридического термина / С. П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 104–112.
175. Хижняк, С. П. Терминологическое значение, концептуальное содержание и дефинитивная основа системности юридической терминологии / С. П. Хижняк // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013а. – № 2. – С. 208–213.

176. Хижняк, С. П. Терминологичность языкового знака и специфика терминологизации номинативных единиц в юридической терминологии / С. П. Хижняк // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – Вып. 7. – С. 74–85.

177. Хижняк, С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Хижняк Сергей Петрович. – Саратов, 1998. – 39 с.

178. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 134 с.

179. Хижняк, С. П. Юридические терминосистемы как особые фрагменты языковой картины мира / С. П. Хижняк // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2013б. – № 2. – С. 15–27.

180. Хижняк, С. П. Юридический дискурс как среда формирования терминологичности языкового знака / С. П. Хижняк // Человек и его дискурс-4 : коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – М. : ИЯРАН; Издательский центр «Азбуковник», 2014д. – С. 175–181.

181. Хохлов, Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки / Е. Б. Хохлов // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 4–6.

182. Хургин, В. О некоторых проблемах соблюдения авторского права в деятельности библиотек [Электронный ресурс] / В. Хургин // В рамках юридической консультации «Фидес-консалтинг». – 2000. – URL: <http://www.gsnti-norms.ru/norms/pubs/hurgin.htm>

183. Черкаев, А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Черкаев Алексей Васильевич. – М., 2004. – 173 с.

184. Чернышова, Т. В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-3 : проблемы юрислингвистиче-

ской экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 42–55.

185. Чесноков, И. И. Речевой акт «клятва» : истоки и первичные формы объективации / И. И. Чесноков // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. – 2013. – № 9. – С. 4–7.

186. Чигидин, Б. В. Юридическая техника российского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чигидин Борис Викторович. – М., 2002. – 189 с.

187. Чиронова, И. И. Теоретические основы анализа юридической терминологии / И. И. Чиронова // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 6. – С. 145–150.

188. Чухвичев, Д. В. Логика, стиль и язык закона / Д. В. Чухвичев // Право и политика. – 2005. – № 2. – С. 140–151.

189. Шайхутдинов, Е. М. Юридическая терминология: понятие, общая характеристика, проблемы применения / Е. М. Шайхутдинов // Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 208–215.

190. Шайхутдинова, Н. П. Терминологические проблемы трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Шайхутдинова Надежда Павловна. – Екатеринбург, 2008. – 26 с.

191. Шамне, Н. Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов / Н. Л. Шамне // Власть. – 2013. – № 6. – С. 44–47.

192. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале англ. яз.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Шаховский Виктор Иванович. – М., 1988. – 402 с.

193. Шаховский, В. И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2012. – Т. 1. – № 26. – С. 1–23.

194. Шепелев, А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шепелев Артур Николаевич. – Н. Новгород, 2002. – 23 с.

195. Шестак, Л. А. Русский язык в мире и мир в русском языке : язык как будущее / Л. А. Шестак // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. – 2011. – №8. – С. 102–109.

196. Ширинкина, М. А. Толкование закона как особый вид интерпретации / М. А. Ширинкина // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» : сб. тезисов. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 788–789.

197. Широбокова, Л. П. Юридические тексты : опыт грамматико-типологического исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Широбокова Любовь Павловна. – М., 2007. – 20 с.

198. Шпаковская, Е. Е. Нормативный аспект юридического текста [Электронный ресурс] / Е. Е. Шпаковская // Юрислингвистика-3 : проблемы юрислингвистической экспертизы : Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – URL: <http://irbis.asu.ru/mmc/golev/>

199. Щепалин, И. В. Специфика современного языка права / И. В. Щепалин // Вестник Карагандинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан. – 2004. – № 2. – С. 156–163.

200. Aldridge, M. Linguistic Manipulations in Legal Discourse : Framing Questions and ‘Smuggling’ Information / M. Aldridge, J. Luchjenbroers // The International Journal of Speech, Language and the Law. – 2007. – Vol. 14. – № 1. – P. 85–107.

201. Amsterdam, A. G. Minding the Law / A. G. Amsterdam, J. Bruner. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2000. – 453 p.

202. Bercea, R. Français Juridique / R. Bercea, A.-M. Chermeleu. – București : Lumina Lex, 2001. – 268 p.

203. Cao, D. Translating Law / D. Cao. – Clevedon : Multilingual Matters; Bodmin : MPG Books Ltd., 2007. – 189 p.

204. Conley, J. M. *Just Words : Law, Language, and Power* / J. M. Conley, W. M. O'Barr. – Chicago, London : University of Chicago Press, 1998. – 168 p.
205. Cornu, G. *Linguistique Juridique* / G. Cornu. – Paris : Montchrestien, 2000. – 443 p.
206. Cornu, G. *Vocabulaire Juridique* / G. Cornu. – Paris : PUF, 2003. – 986 p.
207. Cotterill, J. *Language in the Legal Process* / J. Cotterill. – N.Y. : Palgrave MacMillan Ltd., 2002. – 276 p.
208. Coulthard, M. *The official Version : Audience Manipulation in Police Records of Interviews with Suspects* / M. Coulthard // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung*, Prag 1996. – Tübingen : Max Niemeyer, 1998. – Teil 2. – P. 121–131.
209. Eckardt, B. *Fachsprache als Kommunikationsbarriere? Verständigungsprobleme zwischen Juristen und Laien* / B. Eckardt. – Wiesbaden : Dt. Univ. Verl., 2000. – 157 S.
210. Gémard, J. C. *Les Enjeux de la Traduction Juridique. Principes et Nuances [www]* / J. C. Gémard // Université de Genève, Ecole de Traduction et d'Interprétation. – 2000. – URL : <http://www.tradulex.com/Bern1998/Gemar.pdf>
211. Goodrich, P. *Legal Discourse* / P. Goodrich. – London : Macmillan, 1987. – 266 p.
212. Guinchard, S. *Termes Juridiques* / S. Guinchard, J. Vincent. – Paris : Dalloz, 2008. – 658 p.
213. Heffer, C. *Judgement in Court : Evaluating Participants in Courtroom Discourse* / C. Heffer // *Language and the Law: International Outlooks* / B. Lewandowska-Tomaszczyk, T. Pludowski, and D. V. Tanno, eds. – Lodz studies in language. Vol. 16. – 2008. – Frankfurt am Main; N.Y. : Peter Lang. – P. 145–179.
214. Heffer, C. *The Language of Jury Trial : A Corpus-Aided Linguistic Analysis of Legal-Lay Discourse* / C. Heffer. – N.Y. : Palgrave MacMillan Ltd., 2005. – 253 p.
215. Hirsch, D. *Drafting Federal Law* / D. Hirsch. – Washington DC : U.S. Government Printing Office, 2005. – 122 p.

216. Houbert, F. Guide Pratique de la Traduction Juridique / F. Houbert. – Paris : La maison du Dictionnaire, 2005. – 288 p.

217. Kerby, J. La Traduction Juridique, un Cas d'Espece [www] / J. Kerby // Langage du Droit et Traduction : Essais de Jurislinguistique. – Montreal, 1982. – URL: [http://www.cslf.gouv.qc.ca/bibliotheque-virtuelle/publication-html/?tx_igccpplus_pi4\(file\)=publications/PubF104/F104P1ch1.html](http://www.cslf.gouv.qc.ca/bibliotheque-virtuelle/publication-html/?tx_igccpplus_pi4(file)=publications/PubF104/F104P1ch1.html)

218. Khizhnyak, S. P. Legal Linguistics as an Integral Part of Applied Linguistics / S. P. Khizhnyak // Proceedings of the 1st International Sciences Conference “Science and Education in Australia, America and Eurasia : Fundamental and Applied Science”. 23 June 2014. Australia, Melbourne. International Agency for the Development of Culture, Education and Science. Papers and Commentaries in II Vols. – Melbourne : IADCES Press, 2014a. – Vol. II. – P. 410–413.

219. Khizhnyak, S. P. Terminological Systems of Law as Specific Fragments of the Language Picture of the World / S. P. Khizhnyak // Legal English : Theory and Practice of Teaching. – Saratov: Saratov State Law Academy, 2011. – P. 27–31.

220. Khizhnyak, S. P. Terminological Systems of Law as Specific Fragments of the Language Picture of the World / S. P. Khizhnyak // Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research. – 2013. – № 2. – P. 9–18.

221. Khizhnyak, S. P. The paradigm of Language Legal Pictures of the World // Journal of Language and Literature / S. P. Khizhnyak. – 2014b. – Vol. 5. – № 4. – P. 155–158.

222. Laur, A. Existe t-il un Langage Juridique ? [www] / A. Laur // Village de la Justice, 2012. – 16 Juillet. – URL : <http://www.village-justice.com/articles/Existe-langage-juridique,12568.html>

223. Lerat, P. Le Français Juridique comme Langue Spécialisée / P. Lerat, J. L. Sourieux // Français Juridique et Science du Droit. – Bruxelles : Emile Bruyant, 1995. – P. 327–338.

224. Lerat, P. Les Langues Spécialisées / P. Lerat. – Paris : PUF, 1995. – 201 p.

225. Löffler, H. Germanistische Soziolinguistik / H. Löffler. – Berlin : Erich Schmidt, 2005. – 246 S.

226. Martyshko, N. Yu. Legal Manipulations in Modern Media / N. Yu. Martyshko // Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics – Proceedings of the Xth International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics / N. V. Ufimtseva, A. A. Stepanova, D. V. Makhovnikov, L. S. Zhukova, eds. – Moscow : RUDN; Institute of Linguistics RAN; MIL, 2013. – P. 167–168.

227. Schmidt, C. Introduction à la Langue Juridique Française / C. Schmidt. – Baden-Baden : Nomos, 1997. – 222 p.

228. Soignet, M. Le Français Juridique : Droit – Administration – Affaires / M. Soignet. – Paris : Hachette, 2003. – 127 p.

229. Solan, L. M. Definitions / Rules in Legal Language / L. M. Solan // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London, Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 403–409.

230. Solan, L. M. Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice / L. M. Solan, P. M. Tiersma, J. M. Conley. – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 289 p.

231. Solan, L. M. The Language of Judges / L. M. Solan. – Chicago : University of Chicago Press, 1993. – 218 p.

232. Souriou, J.-L. Le Langage du Droit / J.-L. Souriou, P. Lerat. – Paris : Presses Universitaires de France, 1975. – 133 p.

233. Tiersma, P. Language of Legal Texts / P. Tiersma // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London, Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 549–556.

234. Tiersma, P. Textualizing the Law / P. Tiersma // International Journal of Speech, Language and the Law. – 2001. – Vol. 8. – № 2. – P. 73–92.

235. Weston, M. Problems and Principles in Legal Translation / M. Weston // The Incorporated Linguist. – 1983. – № 22/4. – P. 207–211.

236. Wróblewski, J. Les langages Juridiques : une Typologie / J. Wróblewski // Droit et Société. – 1988. – № 8. – P. 15–16.

237. Ziembinski, V. Z. Le Langage du Droit et le Langage Juridique : les Critères de Leur Discernement / V. Z. Ziembinski // Archives de Philosophie du Droit. Tome 19. – 1974. – P. 25–31.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М. : Инфра-М, 1997. – 704 с.
3. Большой юридический словарь / сост. Е. В. Вавилин. – М. : Проспект, 2009. – 703 с.
4. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / сост. Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа, 2000. – 1233 с.
5. Словарь терминов и определений российского законодательства / под ред. А. П. Войтовича. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – 369 с.
6. Словарь юридических терминов. – М. : Консультант Плюс, 2009. – 242 с.
7. Энциклопедический юридический словарь / авт. колл. : В. Н. Додонов, А. С. Пиголкин, В. П. Панов и др.; под общ. ред. В. Е. Крутских. – М. : Инфра-М, 1999. – 368 с.

СПИСОК АНАЛИЗИРОВАВШИХСЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) (ред. от 22 октября 2014 г.)
2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. №5473-І «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ред. от 1 декабря 2014 г.)
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-І «О защите прав потребителей» (ред. от 5 мая 2014 г.)
4. Закон РФ от 9 июля 1993 г. №5351-І «Об авторском праве и смежных правах»
5. Закон Санкт-Петербурга от 19 февраля 2014 г. №48-14 «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»
6. Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. №273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (с изменениями и дополнениями)
7. Закон Украины от 16 сентября 2014 г. №1682-VII «Об очищении власти»
8. Законопроект «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений” (предв. ред. от 13 ноября 2013 г.)
9. Законопроект №113620-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О средствах массовой информации”»

10. Законопроект №142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»

11. Законопроект №161207-6 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части регулирования порядка совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного)»

12. Законопроект №173376-6 «О внесении изменений в статьи 213 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и в статью 5.26 Кодекса об административных правонарушениях»

13. Законопроект №238046-6 «О внесении изменений в статьи 14 и 27 Федерального закона “О рекламе” (в части рекламы в детских и образовательных передачах)»

14. Законопроект №246071-6 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста»

15. Законопроект №293873-6 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О рекламе” (в части негативной рекламы)»

16. Законопроект №338740-6 «О внесении дополнений в статью 69 Семейного кодекса Российской Федерации (о расширении перечня оснований для лишения родительских прав)»

17. Законопроект №374502-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” (в части введения института саморегулирования)»

18. Законопроект №416052-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных” и статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части уточнения порядка обработки

персональных данных по поручению оператора, а также уточнения требований по обеспечению безопасности обрабатываемых персональных данных)»

19. Законопроект №417093-6 «О внесении изменения в статью 15-1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в части уточнения содержания информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено)»

20. Законопроект №434186-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу уточнения признаков экстремисткой деятельности»

21. Законопроект №436334-6 «О внесении изменений в федеральные законы “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (о запрете распространения среди несовершеннолетних информации, пропагандирующей приоритет сексуальных отношений)»

22. Законопроект №440359-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” по вопросу ограничений распространения негативного влияния деятельности астрологов, гадалок, магов, спиритов, экстрасенсов и иных лиц, осуществляющих аналогичные действия под различными наименованиями (знахарь, колдун, ясновидец, провидец, эксперт, специалист, консультант и другие)»

23. Законопроект №445393-6 «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” (в части установления ограничения распространения информации о преступлениях, совершаемых лицами в возрасте до 18 лет)»

24. Законопроект №44554-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»

25. Законопроект №451327-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о запрете участия несовершеннолетних в мероприятиях, связанных с оценкой и демонстрацией внешности)»

26. Законопроект №473006-6 «О запрещении пропаганды русофобии в Российской Федерации»

27. Законопроект №489611-5 «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

28. Законопроект №504840-6 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” (направлен на расширение понятия “экстремистская деятельность” с целью противодействия реабилитации нацизма)»

29. Законопроект №504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников»

30. Законопроект №535071-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” в части введения статуса средства массовой информации – иностранного агента»

31. Законопроект №603786-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О рекламе” (в части общих требований к рекламе)»

32. Законопроект №607920-5 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” (по вопросу запрета рекламы и уточнения размещения и оборота информации порнографического характера)»

33. Законопроект №607927-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О рекламе” (в части общих требований к рекламе)»

34. Законопроект №638479-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” (в части установления сбора за использование наименований и товарных знаков с использованием латинского шрифта и наименований на иностранном языке)»

35. Законопроект №639086-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” (в части запрета использования образов несовершеннолетних в рекламе товаров, работ, услуг)»

36. Законопроект №64005-6 «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” (в части установления ответственности за публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций)»

37. Законопроект №89417-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет)»

38. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (ред. от 24 ноября 2014 г.)

39. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.)

40. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 мая 2013 г. №231н «О Порядке уведомления работодателя о фактах обращения в целях склонения работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, к совершению коррупционных правонарушений»

41. Приказ Роспатента от 5 марта 2003 г. №32 «О Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания»

42. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ (ред. от 4 ноября 2014 г.)

43. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 1 декабря 2014 г.)

44. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 24 ноября 2014 г.)

45. Федеральный закон от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 24 ноября 2014 г.)

46. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 4 ноября 2014 г.)

47. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 28 июня 2014 г.)

48. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. №187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (ред. от 12 марта 2014 г.)

49. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 2 декабря 2013 г.)

50. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2013 г.)

51. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28 декабря 2013 г.)

52. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 21 июля 2014 г.)

53. Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. №2124-I «О средствах массовой информации» (ред. от 24 ноября 2014 г.)

54. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 21 июля 2014 г.)

55. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. №141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

56. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. №78-ФЗ «О библиотечном деле» (ред. от 1 декабря 2014 г.)

57. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 21 июля 2014 г.)

58. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 14 октября 2014 г.)

59. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. №135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»

60. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. №136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»

61. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона РФ “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях»

62. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. №97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (ред. от 21 июля 2014 г.)

63. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» (ред. от 14 октября 2014 г.)

64. Федеральный закон от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 4 июня 2014 г.)

65. Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 5 декабря 2014 г.